

NYELVÉSZETI ÉS IRODALMI FOLYÓIRAT
JOURNAL OF LINGUISTICS AND LITERARY SCIENCES
ČASOPIS ZA JEZIKOSLOVJE IN LITERARNE VEDE
REVUJA JEZIČNIH I KNJIŽEVNIH STUDIJA
ЖУРНАЛ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

2000

STUDIA
SLAVICA **1**
SAVARIENSIA

GREEK, LATIN AND GERMAN SYNTACTIC INFLUENCE ON SLOVENE

GOSPEL TRANSLATIONS IN THE 18TH CENTURY

Marko Jesenšek, University of Maribor, Slovenia

1 Introduction

1.1 During the course of historical development of Slovene literary language from the oldest prayer formulas that are still preserved¹ up to mid- 19th century we observe four variants of literary Slovene.² These were in the beginning restricted mostly to the ritualistic language, but became standardized in the 16th, (the Carniolan, the Carinthian, the Central-Styrian variants) in the 18th (the Prekmurje variant), and in the beginning of the 19th century (the Eastern-Styrian variant). They were established as two types of literary language, i. e. the Central-Slovene and the Eastern-Slovene literary language. Their coming into existence is the result of two dialects, the Alpine and the Pannonian Slovene³ and of their thousand-year long separate development in the German and in the Hungarian cultural and political spheres respectively. From the 12th century on, the contacts between Slovenes in these two countries were very weak. The state and administrative as well as feudal and Church borders between the two parts accelerated the formation of distinct cultural and linguistic areas, i. e. the Central-Slovene⁴ and the Eastern-Slovene⁵ one.

¹ The Freisling manuscripts /Brizinski spomeniki/, the Rateče manuscript, the Stična manuscript, the Stara gora manuscript.

² The Carniolian, the Carinthian, the Styrian and the Prekmurje variants. See M. Orožen, Variantni razvoj slovenskega (knjižnega) jezika od srednjega veka do Kopitarja. In: M. Orožen, Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika, Ljubljana 1996, pp. 103–112.

³ M. Jesenšek, Jezikovni sistemi v slovenskem (alpskem in panonskem) govornem območju. In: Jezik in slovstvo 37 (1991/92), pp. 173–181.

⁴ The Central variant developed in the Alpine Slovene linguistic territory, first in the Benedictine, Cistercian and Carthusian monasteries, which were religious, cultural and educational centers, and from the 16th century on as part of the so-called regional languages of Carniola, Carinthia and Styria. M. Orožen, Molitveni obrazci starejših obdobj v osrednjeslovenskem in vzhodnoslovenskem knjižnem jeziku. In: M. Orožen, Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika, Ljubljana 1996, pp. 80–113.

⁵ The Eastern Slovene literary language developed as part of the Pannonian dialectal group in two separate cultural spheres. These were artificially separated from each other. The Prekmurje and the Porabje on the left bank of the Mura river were divided between the Hungarian diocese of Győr and the Croatian-Kajkavian diocese in Zagreb. The eastern Styrian and Prelekija region between the Mura and the Drava originally belonged to the Salzburg archdiocese and was in terms of state administration part of the Styrian province. M. Orožen, Molitveni obrazci starejših obdobj v osrednjeslovenskem in

1.2 The Central-Slovene language was confirmed as a literary language in the 16th century, when the Protestant writers published the most needed translations of religious texts. The same happened with the Eastern-Slovene literary language, only two hundred years later in the works of the Prekmurje Protestants and the Eastern-Slovene Catholics. Similarly to the Central-Slovene literary language, which had in addition to the Carniolan variant the Carinthian and the Styrian variants, the Eastern-Slovene was not uniform. Within its framework there existed two variants, the Eastern-Styrian⁶ and the Prekmurje one.⁷ The differences within the initially uniform Pannonian base⁸ occurred because of the Eastern-Styrian language constantly leaning toward the Central-Slovene language, whereas the Prekmurje variant did not maintain any considerable contacts with it until 1918.

1.3 Despite the fact that both variants of the literary language originate from the Freisling manuscripts,⁹ the rapid development of dialects after the 12th century caused considerable differences between the two variants in the vocabulary, the phonology, and the syntax.

Such a division of Slovene ethnic territory shows a relatively uniform development of Slovene in the central Slovene linguistic area in the period from Christianization on, under the influence of Latin and German. In the eastern Slovene Pannonian area on the other hand the Eastern Styrian literary variant developed under the influence of Latin and German, while the syntax of the Prekmurje literary variant was first shaped by Greek (the language from which The New Testament was translated) and later by strong Hungarian and

vzhodnoslovenskem knjižnem jeziku. Slovenski knjižni jezik in njegove različice (v 18. in 19. stoletju). In: M. Orožen, Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika, Ljubljana 1996, pp. 80–113, 313–320.

⁶ M. Jesenšek, Nekatere oblikoslovno-skladenjske značilnosti vzhodnoštajerskega knjižnega jezika 19. stoletja. In: Dajnkov zbornik, Maribor 1998, pp. 93–110.

⁷ M. Jesenšek, Borko in vprašanje prekmurskega jezika. In: Borkov zbornik, Maribor 1996, pp. 113–126.

⁸ Between 1180 and 1918 the Mura was an established border between the Styrian duchy and the Hungarian state and thus also a sharp linguistic division which prevented contact between Slovenes living on both sides of the river. Linguistic and literary endeavors on the right bank of the Mura were strongly influenced by the central Slovene linguistic territory, which was in a way integrated into the Austrian cultural territory. Prekmurje and Porabje, on the other hand, developed within the Hungarian-Croatian cultural sphere. M. Orožen, Molitveni obrazci starejših obdobj v osrednjeslovenskem in vzhodnoslovenskem knjižnem jeziku. In: M. Orožen, Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika, Ljubljana 1996, pp. 80–113.

⁹ Prior to that period they developed on the basis of the ritualistic language and of the vocabulary from the manuscript era. See M. Orožen, Obdobje pismenstva. In: M. Orožen, Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika, Ljubljana 1996, pp. 11–113.

Kajkavian linguistic influences.

1.4 This short presentation of the Slovene linguistic situation focuses on only the most important sociolinguistic factors which, in the fragmented ethnic territory from the 12th century on, contributed to the creation of numerous dialects thus hindering linguistic and literary unification.

2 Foreign Syntactic Influences in Eastern Slovene Gospel Translations

My presentation of foreign syntactic influences found in Slovene gospel translations from the 18th century will be limited to the use of active present and past participles in *-č* and *-ši*.

Slovene borrowed active present and past participles in *-č* and *-ši* from Old Church Slavonic.¹⁰ However, the forms in *-ši* were especially rarely used in the period after the Freisling manuscripts. Central Slovene almost never used them, however in contrast to that, the Prekmurje authors of the 18th century preserved a very rich and functionally diverse use of active present and past participles in *-č* and *-ši*. The participial forms expressed temporal relations, while participles were used in attributive, nominal, predicative and adverbial functions. The forms were typically literary. In the beginning of the 19th century the forms which were used in religious literature as effective syntactic condensers spread to the entire Slovene linguistic territory. They remained only a written norm, however, and were not accepted in the live, spoken language. It remains unclear, however, whether the forms in *-ši* were ever accepted into spoken discourse or whether already in the time of Cyril and Methodius they were primarily a written solution for the expression of temporal relations, and as such a sign of linguistic sophistication and intellectual superiority. The fact is that the forms in *-ši* were preserved only in Eastern Slovene Protestant and Catholic religious translations.¹¹ These are highly consistent with the Old Church Slavonic gospel translations.

2.1 Greek Influence on the Prekmurje Gospels Translation

2.1.1 Eastern Slovene literary language originated in the Pannonian dialectal area where there were strong traces of the Old Church Slavonic syntactic structures carried through the Glagolitic tradition. Typical of these syntactic structures are the forms in *-č* and *-ši*, which were largely taken from Greek,¹² the language from which Š. Kuzmič translated the New Testament. The comparison of all the forms in *-ši* used in the gospels by Mark and Matthew with Greek forms showed the extent of this influence on their use. At the same time Š. Kuzmič took into account also the specific norms of the Prekmurje literary language. He did not automatically adopt the forms everywhere, but rather replaced them occasionally by different syntactic means. Since his translation of the New Testament the Prekmurje literary language has adopted the participles in *-ši* as

¹⁰ M. Jesenšek, *Od stare cerkvene slovanščine do vzhodnoslovenskega (prekmurskega) knjižnega jezika*. In: *Znanstvena revija* 6, Maribor 1994, pp. 153–164.

¹¹ M. Jesenšek, *Deležniki in deležja na -č in -ši*. Maribor 1998.

¹² R. Večerka, *Syntax aktivních participií v staroslověnině*. Praha 1961.

a syntactic means of expressing anteriority. They are often used in the same places as in Greek, but never as calques. Rather they are used as a typical Slovene syntactic means of reducing complex compound sentences. After the Freising manuscripts Slovene reduced its tense system and abandoned aorist. Küzmič thus translated the Greek aorist in two ways: by the active past participle in *-ši* or by the use of the verb *to be* + *past participle* in *-l*, i.e. by the use of a dependent clause. Let us consider the three different ways in which Küzmič translated the Greek aorist *προσκαλεσάμενος*: **Mat 10,1**: *I kfebi prizvavfi ti dvanajzet vucsenikov szvoji, dao jim je oblafzt nad necsifztimi duhovmi.* **Mat. 20,25**: *Jezus pa prizvajoucsi nye ercse: znate ka poglavniczke poganfzki gofzpodujo nad nyimi.* **Mat 15,32**: *Jezus je pa vküip zezvao vucsenicke svoje i erkao je: z fzcra mi je milo to lüfztvo.* In Matthew 10,1 we are dealing with a past event, where the action expressed by the participle precedes that of the main clause. In Greek the participle is introduced by *kai*, while there was no other past action that preceded it. In Matthew 20,25 and in Matthew 15,32 the participle is introduced by the temporal adverb *potem*. Küzmič left it out and translated the aorist by the active present participle in *-č* (Mat. 20,25: *prizvajoucsi*) or by the past participle in *-l* (Mat. 15,32: *je vkup zezvao*). In both cases we are dealing with actions that occur simultaneously with the action from the main clause, which is why Küzmič deliberately avoided the use of the active past participle in *-ši*.

2.1.2 Küzmič's translation of the forms in *-ši* matches slightly less than a third of the corresponding Greek forms. The Greek syntactic influence is strongest in the combinations of the *subject + active past participle* in *-ši* + *object in the accusative case + verb of speaking*: **Mar 12,15**: *On pa znavfi nyihovo fzkazlivofzt ercse nyim: ka me fzkusavate. – O dé είδων τήν ύπόκρισιν είπεν αύτοις.* **Mar. 10,21**: *Jezus fze pa na nyega zglednovfi polübo gaje I ercse nyemi: – O dé Tησους έμβλέψας αύτω ήγαπησεν αύτόν και είπεν αύτω.*

2.1.3 These are the cases where the action passes from the subject onto the object via participle. Küzmič, however, does not translate such cases consistently by using participles, but occasionally uses dependent clauses instead: **Mat. 19,26**: *Zgledno se je pa Jezus na nje, i erče njim: pri lidi je tou istina nemogouče. – Έμβλέψας δέ Tησους είπεν αύτοις.* **Mat. 9,36**: *I vzeo je ednoga pojbičsa, poftavo ga je na fzcrejdo med nye i na narocsa ga vzevfi ercse nyim. – Καί λαβών παιδιον έστησεν αύτό έν μέσω αύτων, και έναγκαλισάμενος αύτό είπεν αύτοις.* **Mar. 10,16**: *I vzeo je je narocsa, polo'zo je roke na nye i blagofzlovo je je. – Καί έναγκαλισάμενος αύτά, τιθείς τάς χειρας έπ αύτά ήύλόγει αύτά.*

The discrepancies between the Greek original and Küzmič's translation are best illustrated by examples from Mark 9,36 and Mark 10,16, where the Greek aorist *έναγκαλισάμενος* is translated by the active past participle in *-ši* and a finite verbal form. The different translations are the result of Küzmič's adhering to the rules of the Prekmurje literary language. When a sentence denotes several actions that follow each other in the past, the concept of anteriority is expressed by the use of a finite verbal form in the past, while a more recent action is

reduced to the active past participle in *-ši* and this is then followed by the temporally unmarked form *erče*. When in the syntactic pattern of the compound sentence there is no verb denoting speaking at the end, the sentence is not shortened by the use of the active past participle in *-ši*, but rather completed by a coordinate construction.

2.1.4 Equally interesting is Küzmič's decision to translate the Greek present participle by the form in *-ši* even though there was no basis for it in the original. He tried to avoid the double syllables containing the sibilant *č* in *vracsecsi*: **Mat. 4,23**: *I okouli je fou po vřzaj Galilei Je'zus vucsecsi vu řzpravifcsaj nyegovi i predgajoucři Evangeliom kraleřtva i vřacřivři vřzaki beteg i vřzako medlovnofřt med lüřřtvom. – και θεραπεύων πασαν νόσον*

2.2 Old Church Slavonic Influence on the Prekmurje Gospels Translation

2.2.1 Despite the obvious Greek influence on the Prekmurje translation the comparison shows that Küzmič did not blindly copy the original Greek participial system when there was no basis for it in the Slavic tradition. Even though Küzmič did not use Old Church Slavonic gospels, the comparison shows that the Prekmurje New Testament retained a system of participles similar to that in Old Church Slavonic.¹³ The two translations of the gospel show certain differences, but these are the consequence of the personal style of the translators and the diachronic developmental shift in the language. In terms of syntax both translations are closest in their expression of simultaneity and anteriority, and most different in their use of the active present participle in *-č*, the active past participle in *-ši*, and the auxiliary *be*. Such use is more common in Old Church Slavonic translation. It was already Miklošič¹⁴ who proved how such use is Greek in origin and not typically Slavic. The most interesting are those passages in gospels where the Old Church Slavonic uses the auxiliary verb *to be* in aorist + the active present participle in *-č*. In such cases Küzmič kept the participle, but used the auxiliary in the past tense instead of the aorist that had since the Freisling manuscripts disappeared from Slovene: **Mar. 1,4**: *Bio je pa Ivan křřřtavajoucři vu püřřsavi i predgajoucři křřřt pokoure na odpüřřsanje grejhov. – byсть Ioanъ křřřtę vъ pustyňi i propovędaję křřřtenie pokaaniju.*

2.2.2 There is a high degree of identical use of the form in *-č* related to the object in the accusative case. The combination of the verb *videti* (*to see*) and the object is typically Slavic and is preserved to a great extent in Küzmič's translation: **Mat. 26,64**: *Ali velim vam: od řzega mao bodete vidili řzina cslovecsega řzedecsega na defřniczi zmo'znosti Bo'ze, i pridoucsega na oblaki nebefřkom – uzřrite sna čřkaago ředęřta o desnojo sily i grędořta na oblacęh.*

¹³ M. Jesenšek, *Od stare cerkvene slovanščine do vřhodnoslovenskega (prekmurskega) knjiřnega jezika*. In: *Znanstvena revija* 6, Maribor 1994, p. 155.

¹⁴F. Miklošič, *Vergleichende Syntax*, Wien 1883, p. 822.

2.2.3 It is interesting that Küzmič was not familiar with the participial forms in *-ši* with verbs *iti* (to go), *govoriti* (to say) and its derivatives, and *videti* (to see), while Old Church Slavonic regularly used these forms: **Mat. 9,8:** *Gda bi pa tou lufztvo vidilo, csüdivalo fze je – i viděvše že narodi. divišę sę.* **Mar. 13,36:** *Da nagyagno pridoucsi ne najde vafz szpajoucse – da ne prišędę vę nezaępo obręšetę vy sępęšetę.*

2.2.4 In other places the original function of the Prekmurje forms in *-č* and *-ši* (i. e. expressing the concepts of simultaneity and anteriority) correspond to a high degree to the equivalent forms in Old Church Slavonic gospels: **Mat. 12,25:** *Znajoucsi pa Jezus mišli njihove, ercse njim – Vědy že is. mysli imę i erče imę.* **Mat. 27,60:** *I privalavši kamen veliki k dveram toga groba, odide – i vęzvalavę kamenę velii na dvęri groba i otide.*

2.3 Kajkavian Influence on the Prekmurje Gospels Translation

2.3.1 The linguistic situation in Prekmurje and Porabje was also strongly influenced by the Kajkavian literary language. Up to the 18th century Slovenes living on the left bank of the Mura river were exposed only to Kajkavian religious texts. The most important among them was Krajačević' lectionary from 1651. Eight years after Štefan Küzmič, the Catholic Mikloš Küzmič published gospels, which were reprinted as many as thirteen times and had an extremely strong linguistic impact. He translated from Vulgata and also relied on Š. Küzmič's New Testament and Krajačević's gospels. Mikloš Küzmič uses more participles in *-č* and *-ši* than Štefan Küzmič. In fact, his use of these forms is the most frequent of all Slovene Prekmurje texts. It is certain that this was not the result of the spoken language, but rather of an interesting combination of Greek, Latin, Prekmurje and Kajkavian syntactic patterns. A comparison of participles in the Prekmurje and Kajkavian literary languages shows that both languages use the same participial constructions, but differ in their distribution. This is best seen in the use of clichés. Both Prekmurje translators are unaware of the form in *-ši* with the verbs *iti* (to go) and *govoriti* (to speak), while Krajačević uses morphologically correct forms in these cases, too: **Luk. 15,6:** *I pridoucsi vu hi'zo, vküp zezove priatele i sfoufzide govorecsi njim (Š. Küzmič). – I domou pridoucsi, vküp zezove priatele, i sfoufzide govorecsi njem (M. Küzmič). – I prifedfi domom zezove priatele i sfufzede govorecsi njem (Krajačević). **Luk. 8,6:** *I drügo je szpadnolo na pecsino i vö zidoucse poşzejhnolo j. (Š. Küzmič). – I drügo je szpadnolo na pecsino, i zidoucse poşzejhnolo je (M. Küzmič). – I drugo opade na finecs kamen: i zniknuvfi vşzehnu (Krajačević).**

2.3.2 The Prekmurje translators are rather weak also in expressing anteriority with a specific form *gda bi* followed by the active present participle in *-č* derived from an imperfective verb. In these cases, too, Krajačević is consistent and uses the active past participle in *-ši*: **Luk. 2,42:** *i gda bi bilo dvanajşzet lejt*

fztar, gori idoucsi oni v Jeru'zalem pouleg fšvetka (Š. Küzmič). – *Gda bi Jezus bio dvanajzet lejt fztar, gouri idoucsi eni v Jeru'salem pouleg fšvetesnyega dneva* (M. Küzmič). – *Gda bi Jefus bil poštal dvanadešzte let fztar, pošedši oni gore vu Jerufalem poleg abicšaja fšvetecfnoga dneva* (Krajačević).

2.3.3 The biggest difference in the use of participles between the Prekmurje and the Kajkavian translations of the gospels is caused precisely by Krajačević's use of aorist to express anteriority, a form that the two Küzmičs would have been no longer familiar with, and therefore replaced by a past finite verbal form or by a special form of the past participle *gda bi*: **Luk. 19,47**: *I bio je vucsecsi vřzaki den vu Czerkvi*. (Š. Küzmič) – *I vcsio je vřzaki den vu Czerkvi* (M. Küzmič). – *I beřse vucsecfi vřzaki den vu Czerkvi* (Krajačević). **Luk. 2,6**: *fřpünili so se dnevi* (Š. and M. Küzmič). – *fřpünifse řze dnevi* (Krajačević). **Luk. 2,38**: *I ona je vu onoj vöri přifřtoupila i vadliüvala je Gofřpodna i gucsala je od njega* (Š. Küzmič). – *I ona je vu tiřtoř vöri přifřtoupila i hvalila je Gofřpodna i pripovidala je od nyega* (M. Küzmič). – *I ova onu iřtu oru nadofředřsi hvalu davařse Gofřpodnu i govoraffe od nyega vřsem* (Krajačević).

3 Foreign Syntactic Influences in Central Slovene Gospel Translations

Entirely different syntactic solutions are used in the Central Slovene gospel translations at the end of the 18th century. These were translated from Latin and German versions. The comparison of Japelj's participles in -č from Mark's and Matthew's gospel¹⁵ with the corresponding forms in Š. Küzmič's translations showed only very few matches. Japely uses few participles, Küzmič descriptive forms. In most cases Japelj replaces active present and past participles by other syntactic options. He expresses simultaneity of two or more actions by paraphrasing and does the same for anteriority as he does not know the forms in -ši.¹⁶ It was because of the long and complex sentence patterns that the Central Slovene literary language created a new syntactic condenser – the infinitive which Japelj used very effectively to shorten sentences containing verbs of perception. Even though such syntactic structures were later interpreted as German calques by Slovene linguists¹⁷ and advised against, it is interesting that Rosalino only rarely uses this sentence pattern. Instead he uses dependent

¹⁵ While translating, Japelj relied on Vulgata, German Rosalino and the central Slovene Dalmatin, as he was not aware of the Prekmurje translation. See Praefatio, Svetu pismu noviga testamenta, Ljubljana 1784

¹⁶ M. Jesenšek, Deležniško-deležijski skladi v Küzmičevem in Japljevem prevodu Nove zaveze. In: Slavistična revija 39 (1991), pp. 183–199.

¹⁷ E.g. F. Levstik (Die slovenische Sprache nach ihren Redetheilen. Laibach 1866), S. Škrabec (Nekoliko slovenske slovnice za pokušnjo. Cvetje z vrtov svetega Frančiška XII/I–XIV/5, Gorica 1893–1895) and A. Breznik (Slovenska slovnica za srednje šole, Ljubljana 1916).

clauses: **Mar. 8, 24:** *Inu on je gori pogledal, inu je djal: Jest vidim hoditi ludi kakor drevesa* (Japelj). – *Er aber sah auf, und sagte: Ich sehe die Menschen wie Bäume daher gehen* (Rosalino). – *I gori poglednovši ercse: Vidim lidi, liki drevje, hodeče* (Š. Küzmič). **Mat. 11, 3:** *Inu je djal k'njemu: Ali fi ti ta, kateri ima priti, ali eniga drugiga zhakamo?* (Japelj) – *Ihm zu sagen: Bist du derjenige, der kommen soll, aber sollen wir auf / . . ./ warten?* (Rosalino) – *Erkao nyemi je: ti fzi te pridoucsi, ali pa drugoga mamó csakati* (Š. Küzmič).

3.1 Latin-German-Slovene Syntactic Solutions in the Case of the Attributively Used Participles

3.1.1 Let us consider Latin-German-Slovene (Central- and Eastern-Slovene) syntactic inter-relation in the case of attributively used participles. In Japelj's translation of the New Testament the active present participles in -č in attributive or predicative functions are very rare. We will present all such cases from Matthew's and Mark's gospels and their equivalents from other translations. They combine with nouns in the nominative, genitive, accusative and locative cases of singular and plural and show the properties of real adjectives (*prideoč, dereč*): **Mar. 11,10:** *Hvalenu bodi to prideozhe kraljestvu nashiga ozheta Davida* (Japelj). – *Shegnanu bodi tu Krajlestvu nashiga Ozheta Davida, kateru pride v'imeni tiga Gospuda* (Dalmatin). – *Benedictum quod venit regnum patris nostri David* (Vulgata). – *Gesegenet sey das herannahende Reich unseres Vaters David* (Rosalino). – *Blagofzlovljeno je to idoucse kraleftvo vu imeni Gofzpodovom ocse nafega Davida* (Š. Küzmič). **Mat. 7,25:** *Inu ena ploha je padla, inu fo prishle derezhe vode, inu vetrovi fo pihali* (Japelj). – *Kadar je vshe ena Ploha deshja padla, inu ena Povudnja prishla, inu fo vejtri pihali* (Dalmatin). – *Et descendit pluvia, et venerunt flumnia, et flaverunt venti* (Vulgata). – *Und da ein Plazregen herab fiel, die Wasserfluten daher kamen, die Winde sturmten* (Rosalino). – *I doli je prisla ploha, i sli fo potoczke, i pihali fzo vötrovje* (Š. Küzmič). In Mark 11,10 Japelj uses the same forms as Rosalino (*prideozhe kraljestvu* – *das herannahende Reich*). Attributive noun qualifiers are also found in Š. Küzmič (*idoucse kralestvo*). In Matthew 7,27 Japelj translated the noun (Latin: *flumen*, German: *die Wasserfluten*) descriptively by using an attribute and a noun.¹⁸ Küzmič uses in this place the noun *ploha*, which is adequate only in morphological terms, but is not a very accurate translation of the Greek form *ποταμοί*.

3.1.2 Let us examine the genitive of Latin, German and Eastern Slovene equivalents of Japelj's participles *negovoreč* and *sesajoč*: **Mat. 21,16:** *Ali nifte nikoli brali: De is vuf tih she negovorezhih, inu fefajozhizh otrok fi ti hvalo spolnil* (Japelj). – *Nesteli nikuli brali, is uft she negovorezhizh Otruk, inu kir she*

¹⁸ Latin-Slovene dictionary from 1972 (F. Bradač) gives as the first meaning for *flumen*, *inis* the descriptive *tekoča voda* and the second meaning as *struja*, in plural also *valovje*.

šefajo fi hvalo naredil (Dalmatin). – *Utique; nunquam legistis: "Quia ex ore infantium et lactenium perfecisti laudem?"* (Vulgata). – */. . ./ Aus dem Munde der Unmündigen und Säuglinge hast du dir ein /. . ./ Lob bereitet* (Rosalino). – *Jeli šzte nigdar nej steli: kaj v izvüfzt ti malicski i czechajoucsi fzi hvalo šzpravio* (Š. Küzmič). Japelj's translation deviates from German and Latin versions and from Küzmič's translation (they all use substantivized participles). He partly relies on Dalmatin, who uses first an attributive noun qualifier and writes the second part as an independent clause.

3.1.3 Japelj's participle in the accusative case matches the Latin and German originals and improves on Dalmatin's awkward object combination *šum teh ljudi* (the noise of these people): **Mat. 9,23**: *Inu kadar je Jesus v' tiga Višhiga hišho prišhal, inu vidil piškavze, inu to šhumezho mnoshizo, je rekal k njemu* (Japelj). – *Inu kadar je on vtiga Višhiga Hišho bilprišhal, inu je vidil Pišhce, inu šhum teh ludy, je rekal knym* (Dalmatin). – *Et quum venisset Jesus in domum principis, et vidisset tibicines et urbam tumultuantem, dicebat* (Vulgata). – *Und als Jefus in des Obrigsten Haus kam, die Flötenspieler und das lermende Volk sah* (Rosalino). – *I pridoucsi Jezus vu hi'toga poglavnika, vido je 'zveglare i lufztvo šzmečeno* (Š. Küzmič).

3.1.4 Comparison with other gospel translations shows that Japelj did not correct Dalmatin in his use of the participle *tekoč*, even though Rosalino in both case uses a noun (in Matthew 9,20 in preterite, and in Mark 5,25 in past perfect). Vulgata uses in the first case the combination *sanguinis fluxum*, while in Mark 5,25 the combination of a verb and a noun is used. It is also interesting that Küzmič does not use the active present participle in -č in this case, but a nominal phrase *krvav tok* which is linked to a participle in -č (*bodouč*) or to a past auxiliary: **Mat. 9,20**: *Inu pole ena shena, katera je dvanajšt lejt na tekozhi kryvi terpela, je od sadaj perštopila* (Japelj). – *Inu pole, ena Shena, katera je na tekozhi krij terpela dvanajšt lejt, je perštopila od sada k' njemu* (Dalmatin). – *Et ecce mulier, que sanguinis fluxum patiebatur duodecim annis, accessit retro* (Vulgata). – */. . ./ ein Weib, welches zwölf Jahre den Blutgang hatte, trat rückwärts zu ihm /. . ./* (Rosalino). – *I ovo edna 'zena ykrvavom otouki bodoucsa dvanajšet lejt, pridoucsa odzajaj doteknola šze je krajine gvanta nyegovoga* (Š. Küzmič). **Mar. 5,25**: *Inu ena shena je bila, katera je dvanajšt lejt na tekozhi kryvi terpela* (Japelj). – *Inu ena Shena je bila, taje na tekozhi krij bolna bila dvanajšt lejt* (Dalmatin). – *Et mulier, quae erat in profluvio sanguinis annis duodecim* (Vulgata). – *Unter diesen war ein Weib, welches zwölf Jahre den Blutgang gehabt hatte* (Rosalino). – *I nika 'zena, štera je vu krvavom otouki bila dvanajšzet lejt* (Š. Küzmič).

3.1.5 Japelj only rarely used participles in -č in an attributive function. Also, he no longer used the absolute nominative, i. e. the form that was frequently employed in Küzmič's Prekmurje translation. Instead he consistently retained Dalmatin's syntactic construction (dependent clauses and coordination): **Mat.**

17,9: *Inu kadar so oni is gore doli fhli, jim je Jesus sapovedal, rekozh:* (Japelj). – *Inu kadar fo oni iz gore doli fhli, je nym Jesus sapovedal inu je rekal* (Dalmatin). – *Et descendantibus illis de monte, praecepit eis Jesus dicens:* (Vulgata). – *I doli idoucsi oni zgore zapovedao nym je Jezus erkoucsi* (Š. Küzmič). **Mar. 6,22:** *Inu ker je hzhy te Herodiade noter stopila, inu plefsala, inu Herodeshu, inu tim per mysi sedeozhim dopadla: je djal Krajl k'dekletu* (Japelj). – *Tedaj je notar stopila te Erodiade hzhy, inu je ple fsala, inu tu je Erodeshu dobro dopadlu* (Dalmatin). – *Quumque introisset filia ipsius Herodiadis et saltasset, et placuisset Herodi simulque recumbentibus, rex ait puellae:* (Vulgata). – *I notri idoucsa csi Herodiafojczze i plefzajoucsa dopadnola fze je Herodef, i tim 'znyim fzedecsim* (Š. Küzmič).

3.2 Japelj's Original Use of Participles in Attributive Function

3.2.1 In his use of participles in -č used in an attributive function Japelj did not follow the example of German or Latin, but created his own independent syntactic combinations on the basis of shifting and linking and by means of special morphological tools (the use of conjunctions and prepositions). Only twice he uses the same forms as Rosalino (*šumečo množico – das lermende Volk; prideoče kraljestvu – das herannahende Reich*). In all other cases he translated German substantivized participle (*iz vust negovorečih otrok – aus dem Munde der Unmündigen*), the noun (*dereče vode – die Wasserflutten*) and the combination of a noun with the preterite or past perfect (*na tekoči kryvi – den Blutgang hatte; den Blutgang gehabt hatte*) by the combination of an attributive adjective and a noun. In the above mentioned cases there is little correspondence between Japelj's translation and the Vulgata and Dalmatin's versions (there are more similarities between Vulgata and the German translation). This shows that for the translator from the central Slovene linguistic area the attributively used participle in -č was a foreign concept. This can be seen also from the use of the archaic form in -eoč (*prideoč*; they are derived from long forms for the 3rd person in the plural). He did not create new ones as the Central Slovene literary language had lost all forms in -ši and continued to use only a limited number of active present participles in -č (these were used already by the Slovene Protestants of the 16th century). He was not familiar with the situation in the east of Slovenia (the central Slovene territory only became familiar with Küzmič's translation thanks to Kopitar in the beginning of the 19th century).

3.2.2 The examined data from Mark's and Matthew's gospels present Japelj as more than just a word-for-word translator. He found Rosalin, who translated numerous Latin active participles as dependent clauses and coordinate constructions, of great help. Nevertheless such means of expression were typical also of the Central Slovene literary language and it would be wrong to see only the German influence in his translation. He did not therefore adopt Rosalin

consistently, but only recognized it as a similar syntactic system for which Latin participial expression was rather foreign. Relying on the Latin and German originals he updated a 200-year old translation by Dalmatin and indirectly influenced the reformation of the Central Slovene literary language in the first half of the 19th century.

Summary

Slovene gospel translators of the 18th century could not entirely avoid the influence of German, Latin and Greek syntax. The analysis of the use of participles in *-č* and *-ši* showed these forms to be original Slovene morpho-syntactic solutions. In Eastern-Slovene language they were preserved through Greek, Old Church Slavonic and Kajkavian influences, while the Central-Slovene literary language of the 18th century was primarily influenced by Latin and German gospels. Japelj was not aware of Kuzmič's (Štefan, Mikloš) translations with their rich use of participial forms in *-č* and *-ši*. He thus used only participles in *-č* in their attributive function and was in that respect fairly independent of German and Latin originals. It was only in the first half of the 19th century that the forms in *-ši* from the Prekmurje gospel translations of the 18th century left their distinctive mark on Slovene syntax.

Povzetek

Nemškim, latinskim in grškim skladenjskim vplivom se slovenski prevajalci evangelijev v 18. stoletju niso mogli povsem izogniti, vendar pa je analiza rabe participov na *-č* in *-ši* pokazala, da so te oblike izvimoslovenske oblikoslovno-skladenjske možnosti – v vzhodnoslovenskem knjižnem jeziku so se ohranile preko grških, starocervenosllovanskih in kajkavskih predlog, na rabo v osrednjeslovenskem knjižnem jeziku 18. stoletja pa so vplivali predvsem latinski in nemški evangeliji. Japelj ni poznal Kuzmičevih (Štefan, Mikloš) prevodov, v katerih se je ohranilo bogato participsko izražanje z oblikami na *-č* in *-ši*, zato je uporabljal le participe na *-č*, in sicer v prilastkovni funkciji dokaj neodvisno od nemške in latinske predloge. Oblike na *-ši* iz prekmurskih prevodov evangelijev 18. stoletja so odločilno zaznamovali slovensko skladenjsko podobo šele v prvi polovici 19. stoletja.

Snježana Kordić

Rec.: **Predrag Piper**, *Jezik i prostor*, Biblioteka XX vek, knj. 91, Beograd 1997, ss. 221.

Knjiga Predraga Pipera *Jezik i prostor* nastala je kao rezultat petnaestogodišnjeg autorovog istraživanja gramatičke kategorije prostora i njenog ostvarivanja u jeziku. Završni oblik knjiga je dobila prilikom višegodišnjeg radnog boravka na Hankuk univerzitetu u Seulu (Južna Koreja), gdje je autor već objavio u obliku članaka neke rezultate svojih istraživanja gramatičke kategorije prostora koje nalazimo i u ovoj knjizi kao i svoju prethodnu knjigu o morfosintaksi (Seul, 1997).

Prostorna problematika raspoređena je u knjizi u pet cjelina. Prva cjelina *Teorijski okviri proučavanja prostornih metafora u jeziku* (9-56 str.) započinje prikazivanjem lingvističkih teorija čije polazište je kategorija prostornosti u jeziku. Jedna od takvih teorija jest lokalistička teorija padeža. Predrag Piper smatra da termin *lokalizam* nije najsretnije odabran jer je u osnovi takvih teorija ideja prostora (lat. *spatium*), a ne mjesta (lat. *locus*). No alternativni termin kakav se pojavljuje npr. u sintagmi *spacijalna gramatika* još se nije učvrstio. Stoga P. Piper u svojoj knjizi koristi termin *teorija semantičkih lokalizacija*. Takve teorije opisuju razne jezične pojave primjenjujući odnose koji postoje unutar prostornosti, čija važnost u jeziku je neosporna - odavna je zapaženo da je prostornost u raznim jezicima jedna od najrazvijenijih kategorija, koja se izražava pomoću raznih vrsta riječi i na raznim jezičnim razinama, pomoću strukturno jednostavnih jedinica kao što su morfemi i pomoću kompliciranih gramatičkih struktura kao što su složene rečenice. P. Piper definiše tri obavezna elementa svakog značenja lokalizacije: objekt lokalizacije, lokalizator i orijentir. Tako je npr. u rečenici *Pismo je u kutiji* objekt lokalizacije *pismo*, lokalizator je *kutija*, a orijentir je označen prijedlogom *u*, koji u ovom slučaju znači 'unutrašnjost kutije'. Orijetir može biti unutrašnji, kakav je u navedenoj rečenici, ili vanjski, npr. *ispred kutije*. Opisujući i dalje lokalističku teoriju padeža, autor ističe razlikovanje statičkog od dinamičkog vida lokalizacije, npr. *Čovjek je na mostu / Čovjek odlazi s mosta*. Termine koji počivaju na tom razlikovanju - lokativnost, ablativnost, adlativnost i perlativnost - autor primjenjuje ne samo na opis jezičnih pojava nego i na opis tipologije karaktera koju je dao Erich Fromm.

Sama ideja o organiziranosti neprostornih značenja, npr. temporalnosti, posesivnosti, kauzalnosti, prema obrascu iskazivanja prostornih značenja prisutna je još od antičkog doba. Teorije koje se zasnivaju na toj ideji proučavaju metaforizaciju prostornih odnosa. Prostorni odnosi bili bi prema tome prototip u jezičnoj strukturi koji se prenosi na jezično strukturiranje nekih drugih semantičkih kategorija. Osim toga, mnoga jezična sredstva koja izražavaju

prostorne odnose mogu iskazivati i neprostorna značenja, npr. *staviti na stol* (mjesto), *stići na početak* (vrijeme), *uraditi na brzinu* (način), *haljina na kare* (osobina), *dati na poklon* (cilj). Autor ističe da funkcionalni pristup jeziku, koji polazi od sadržaja prema formi može dati vrlo zanimljive rezultate u uspoređivanju raznih jezika baš zato što mu je osnova semantička invarijanta. Na primjerima uspoređivanja s ruskim jezikom vidi se da se isto značenje može izraziti potpuno istom formom, *prebaciti na subotu* / *д'л'д'л'л'л'л'ч' и'р' н'о'а'а'а'н'о'*, različitom formom, *od prvog do šestog avgusta* / *н' д'л'д'а'а'а'и' д'и' р'л'н'н'л' р'а'а'о'о'н'н'р'*, neko značenje može biti u različitom stupnju specijalizirano, *ispisati, iznositi* / *а'а'д'ч'н'р'н'и', ч'ч'н'н'ч'н'и'*, različite su upotrebe jezičnih sredstava prostornosti za izražavanje drugih kategorija, *Maša ima novu haljinu* / *О' Е'р'р'ч' и'а'а'л' д'е'р'н'и'л'*; *1995 godine* / *а' 1995 а'а'а'о'*.

U drugoj cjelini knjige *Prostor u jeziku* (59-85 str.) opisuju se prijedložni adverbijali pomoću kojih se izražava prostorno značenje. Oni i jesu najrazvijeniji podsistem jezičnih sredstava za izražavanje prostornih odnosa u svim slavenskim jezicima. Autor daje popis prijedloga i padeža koji čine modele konstrukcija s prostornim značenjem. Pritom primjenjuje kao kriterij i dinamički / statički vid prostornog odnosa kako bi opisao razlike među padežima. U nastavku opisuje priložna značenja mjesta i pravca u makedonskom jeziku.

Treća cjelina, pod naslovom *Prostorne metafore u jeziku i govoru* (89-130 str.), započinje kraćim prikazivanjem semantičkih kategorija u kojima se očituje prototipski status prostorne lokalizacije. Tu su temporalnost, aspektualnost, gradacija, posesivnost i kvalifikacija. Od svih slavenskih jezika najizrazitiju formalnu vezu između kategorija prostora, posvojnosti i osobine pokazuje ruski jezik, npr. *н'н'и'е' о' и'е'т'р', н'е'и'а'р'д'и' о' Д'л'н'д'р', е'р'н'и' а' д'л'-р'е'ч'*. U trećem dijelu knjige se, nadalje, opisuju prijedložni adverbijali pomoću koji se izražava kategorija vremena. Vidi se da se na njih može primijeniti jednak model opisa kakav je već primijenjen na opis prijedložnih adverbijala koji izražavaju prostor. To je očit pokazatelj prostornih metafora, toliko običnih u svakodnevnom jeziku da se najčešće i ne obraća pažnja na njihovu metaforičnost i prostornu motiviranost. Predrag Piper analizira primjere metafora u političkim tekstovima, npr. *pad s vlasti, silazak sa scene, odlazak iz političke arene, u krugu razvijenih zemalja*.

U četvrtoj cjelini *Prostorne metafore u lingvistici* (133-156 str.), nakon kraćeg teksta o metafori i o odnosu između jezika i govora, opisuje se unutrašnja i vanjska modalnost glagola *morati*. U opis glagola ugrađuju se i lokalizacijski kriteriji. Peta cjelina *U prostoru teksta* (159-210 str.) bavi se problemom modeliranja teksta, diskursnim markerima i temporalnom lokalizacijom, linearnom strukturom teksta i prospektivnom lokalizacijom u tekstu. Pod prospektivnom organizacijom teksta autor misli u prvom redu na kataforičku upotrebu pokaznih zamjenica, poput *Reći ću ti ovo: došla sam jučer da...; To je izgledalo ovako: gomila knjiga,...* U takvoj ulozi su *ov*-zamjenice gotovo bez konkurencije drugih zamjeničkih riječi. Rijetko se pojavljuju *on*-zamjenice, i to

samo u korelaciji s *ov*-zamjenicom, npr. *Ovo čime ćemo započeti izlaganje jednako je važno kako ono čime ćemo ga završiti*. Autor ispravno tvrdi da se *on*- i *t*-zamjenice pojavljuju kao katafore ispred relativne rečenice, ali jedan od primjera kojima to ilustrira potrebno je korigirati jer on pogrešno ne sadrži relativnu, nego izričnu rečenicu: *Neka vas ne brine to što ona malo kasni* (kriterije za razlikovanje relativne od izrične rečenice v. u S. Kordić, *Relativna rečenica*, Zagreb 1995, str. 44-46).

Na kraju knjige *Jezik i prostor* Predraga Pipera nalazi se popis citirane literature i bibliografska bilješka. Kad se zna da prostorni i vremenski odnosi stalno zaokupljaju pažnju lingvista, a zadnjih desetljeća još i pojačano, onda se može zaključiti da će ova knjiga posvećena izražavanju prostora u jeziku svakako naići na širi krug zainteresiranih čitalaca.

Snježana Kordić

Rec.: **Milorad Radovanović**, *Spisi iz kontekstualne lingvistike*, Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, Sremski Karlovci & Novi Sad 1997, ss. 269.

Sedam godina nakon objavljivanja knjige Milorada Radovanovića *Spisi iz sintakse i semantike* izišla je kod istog izdavača njegova nova knjiga pod naslovom *Spisi iz kontekstualne lingvistike*. Dok je prethodna knjiga već samim naslovom isticala nužnost povezivanja sintakse sa semantikom, u novoj knjizi je autor otišao dalje, zalažući se, kako sam naslov pokazuje, za združivanje cjelokupne lingvistike s drugim susjednim oblastima znanja. Takva *kontekstualna lingvistika* ima svoje izvore i u shvaćanju Bronislava Malinovskog da će lingvistika budućnosti, pogotovo što se tiče opisa značenja riječi, postati znanost o jeziku u kontekstu kulture. Širina konteksta lingvistike kako je M. Radovanović shvaća vidljiva je već u predgovoru, gdje autor navodi da su njegov pristup odredile i spoznaje iz teorijske fizike, date npr. u knjizi Nielsa Bohra *Atomska fizika i ljudsko znanje*, kao i spoznaje iz filozofije znanosti, npr. u knjizi Florisa Cohena *Znanstvena revolucija*.

Sama knjiga sastoji se iz tri dijela. Prvi dio *Planiranje jezika i Jezična politika* (17-76 str.) započinje tekstom o odnosu lingvistike i sociolingvistike - u opisivanju tog odnosa M. Radovanović se već potvrdio kao okušani autor svojim knjigama *Uvod u lingvistiku*, *Opšta lingvistika*, *Sociolingvistika*. Odnos lingvistike i sociolingvistike prikazuje se prvo općenito, a zatim u okviru jugoslavenske lingvistike XX. stoljeća. Istom okviru posvećeno je još nekoliko tekstova o planiranju jezika i lingvističkoj teoriji. Nakon toga slijede tekstovi o promjenama koje se sada, na kraju stoljeća, mogu konstatirati u jeziku. Jedan dio njih autor obuhvaća terminom *balkanizacija*: npr. usitnjavanje i umnožavanje broja južnoslavenskih standardnih jezika, nestajanje tonskih i kvantitativnih kontrasta u akcenatskom sistemu, reduciranje adjektivnih i numeričkih deklinacija, učestalo korištenje surogata članskih morfema, nagomilavanje prijedloga, progresija upotrebe konstrukcije *da* + prezent umjesto infinitiva. Drugi dio promjena obuhvaćen je terminom *evropeizacija*: npr. preplavljenost leksikona internacionalizmima i anglicizmima, umnažanje i osložnjavanje vokalskih i konsonantskih grupa u fonologiji pod utjecajem stranih riječi, dinamičan razvoj nekih specijalnih funkcionalnih stilova, procesi nominalizacije iskaza i dekomponiranja predikata, zamjenjivanje ruralnih govora urbanima.

Drugi dio knjige, pod naslovom *Filologija, Retorika i Lingvistika* (79-142 str.), prvo se bavi odnosom filologije i lingvistike, a zatim retorikom. Unutar dijela o retorici autor govori o poznatom pitanju *kako djelovati riječima*, o direktivnoj funkciji jezika te o verbalnim i neverbalnim sredstvima koja se koriste u retorici. Pri opisu neverbalnih sredstava posebnu pažnju poklanja gestama, preuzimajući za njihovu tipologiju rješenje Wilhelma Wundta. Tako

daje primjere za a) *demonstrativne* geste, npr. upućivanje prstom na neku osobu, predmet ili pravac, b) *imitativne* geste, npr. ukazivanje pokretom na želju da se nešto popije ili da se šuti, c) *konotativne* geste, npr. upućivanje na apstraktne sadržaje poput ljutnje, nedoumice, d) *simboličke* geste, kod kojih se radi o konvencionalnim, normiranim radnjama poput potvrđivanja odnosno odricanja klimanjem odnosno odmahivanjem glavom u određenoj kulturi. Autor, nadalje, detaljnije govori o teoriji govornih činova.

Treći dio *Knjige i Lingvistika* (145-244 str.) sadrži recenzije o raznim knjigama iz povijesti književnog jezika, iz sintakse (posebno je vrijedna kritička recenzija *Sintakse* Radoslava Katičića, str. 154-167), o genitivu, o knjigama iz zagrebačke biblioteke SOL, o povijesti, kulturi i duhovnom svijetu Južnih Slavena, o varijaciji u jeziku, o Praškoj školi i o mnogim drugim temama. Autor ističe da recenzije općenito smatra vrlo važnim tekstovima jer se pomoću njih definira odnos prema lektiri, prema knjigama i prenosi široj javnosti. U njima se vidi ne samo nekoliko žanrova i tema, nego i način prodiranja svjetskih lingvističkih tokova u određenu sredinu te snalaženje autora u njima. Oni, osim toga, prikazuju i neke specifične domaće jezične teme u vremenu njihovog intenzivnog previranja. Osim recenzija, treći dio knjige sadrži i predgovor za jednu još nenapisanu knjigu *Predavanja iz opće lingvistike*, koju autor namjerava napraviti za fakultetsku nastavu. Priložen je i plan triju tomova te knjige s popisom poglavlja: prvi tom ima naslov *Doba jezika i nauke o jeziku*, drugi tom *Doba strukturalne i kontekstualne nauke*, a treći *Doba kognitivne nauke*.

Knjiga *Spisi iz kontekstualne lingvistike* sadrži i jedan *Dodatak* (247-267 str.), koji se sastoji od teksta *Jedna nezavršena Bibliografija* i teksta *Sklonost sklanjanju: Jedna nezavršena Biografija*. Jedna tečina tekstova u knjizi se objavljuje prvi put. Kao što se iz prikazanih tekstova vidi, ovi *Spisi* Milorada Radovanovića su naspram prethodnih *Spisa iz sintakse i semantike* mnogo nekoherentnije sastavljeni. Namijenjeni su studentima, ali i lingvistima, a mogu pružiti zanimljivo štivo i drugima koji se zanimaju za teme iz lingvistike i njoj susjednih oblasti znanja jer autor se usprkos heterogenosti knjige u njoj opet potvrđuje kao prilično suptilan mislilac i pisac.

UZVIČNI FRAZEMI-REPLIKE KOJIMA
SE IZRAŽAVA ČUĐENJE

1.0. Kategorijalno značenje frazema terminološki je u suodnosu s vrstama riječi kao morfološkom kategorijom. Valja ipak naglasiti da se frazeologija nazivima vrsta riječi koristi samo kao *posuđenim* pojmom, tj. određivanje kategorijalnog značenja frazema nije uvijek direktno vezano za strukturu frazema i za vrste riječi uključene u nj. Tako se frazem *ni pet ni šest* smatra priložnim iako nema u svojem sastavu niti jednog priloga, a ruski frazem *kot naplakal* također je priložni, iako ima rečeničnu strukturu. Za utvrđivanje kategorijalnog značenja znatno su važniji semantički i sintaktički aspekt frazema.

1.1. Prema kategorijalnom se značenju frazemi dijele na glagolske (*doći na zelenu granu, zadržati (podnqty) nos*), adverbne ili priložne (*na brzu ruku, rukoj podaty*), supstantivne ili imeničke (*knjiški moljac, sarafannoe radio*), adjektivne ili pridjevske (*kao od brda odvaljen, zimoj snega ne vxprosi{y u kogo*) koji čine najbrojnije skupine, a znatno su malobrojnije skupine zamjениčkih (*koji vrag, ot mala do velika*), modalnih (*vjerovali ili ne, polo`a ruku na serdce*) i uzvičnih frazema (*prste k sebi, zatknj fontan*).

2.0. Dakako, i skupina uzvičnih frazema je terminološki vezana uz odgovarajuću vrstu riječi. To je poseban strukturno-semantički tip frazema koji, s jedne strane, ima iste osobine kao i drugi tipovi frazema (reproduktivnost, cjelovitost, stalnost sastava, komponente su mu desesantizirane), a s druge strane, nije uklopiv u rečenicu kao njezin dio, tj. ne pripada gramatičkom ustrojstvu rečenice. Mogu se umetati u neku rečenicu (umetnuti izrazi), ali češće čine nedjeljivu samostalnu rečenicu-repliku koja tako postaje reakcija, primjedba, svojevrsni komentar na iskaz sugovornika ili koji događaj.

2.1. Pogledamo li strukturu uzvičnih frazema, vidjet ćemo da mogu imati oblik fonetske riječi (*ni govora, ni slučajno, e&e bx, na tebe*), skupa riječi (*Bog s tobom (s vama), časna riječ, elki zelenxe, tyfu tx propasty*) i rečenice (*vrag te odnio, idi do <sto> đavola, bog milostiv, razrazi mo} du{u*). Treba ipak napomenuti da se dio glagolskih frazema može upotrebljavati s oblikom imperativa što, dakako, takve frazeme semantički približava uzvičnima jer se njima u tom slučaju izražava poneka zapovijed, zabrana ili molba (na primjer, frazem *Ne ostavljaj me na cjedilu*), ali ih ipak ne svrstava u tu kategoriju. S druge pak strane, poneki frazemi imaju dvojnu upotrebu: upotrebljavaju se i rječnički registriraju i kao glagolski (*skinuti/skidati kapu komu, pred kim u značenju "cijeniti, poštivati koga"*) i kao uzvični (*skidam kapu u značenju "čestitam, odajem priznanje"*). Frazem *skidam kapu* često je popraćen i gestom.

2.2. Tom se frazeološkom skupinom, kao i uzvicima, izražavaju različita duševna stanja, osjećaji (uglavnom s negativnim predznakom) na primjer, ljutnja, negodovanje, uzrujanost (*dovraga i bestraga, vrag te odnio, sto mu gromova, gospodi bo`e moj, prosto beda, tolyko [togo ne hvatalo (ne hvataet)]*). Za skupinu uzvičnih frazema kojima se iskazuju osjećaji karakteristično je difuzno značenje, tj. dijelom se frazema mogu izraziti različite emocije, čak i ambivalentne. Drugima se pak izražava prijetnja (*dat ću ti ja, der`isy togda*), zaklinjanje (*časti mi, vjere mi, tako mi Bog pomogao, gromom ras{ibi, kak bog svqt, otsohni <u menq>>qzxc*). Uzvični se frazemi upotrebljavaju i u slučaju potpunog prekidanja komunikacije, u slučaju odbijanja ili negiranja iskaza ili postupaka sugovornika (*kako da ne, ma kakvi, ne dolazi u obzir, taman posla, ni v koem (kakom) slu~ae, ni za kakie denygi, ni v `izny, ni v kaku*).

Nadalje, tim se tipom frazema može poticati na djelovanje, oni u tom slučaju znače zapovijed. Može se, na primjer, zahtijevati od sugovornika da prestane govoriti: *začepi gubicu, brnjicu na gubicu, jezik za zube, zakroj rot, zatknj gorlo, zatknj fontan, ukoroti qzxc*; zatim frazemom se može zapovijediti sugovorniku da napusti prostoriju odnosno da se udalji: *bježi (bježite) mi s očiju (ispred očiju), gubi (gubite) mi se s očiju (ispred očiju), idi bez traga, skaterty} doroga¹⁹, <ubirajsq, idi> k le{emu, <ubirajsq, idi> k ~ertu*. Posebno je zanimljiv hrvatski frazem *nije ti tata (otac) staklar* kojim se također potiče sugovornika na djelovanje, tj. traži se od njega da se pomakne. No, za razliku od većine prethodno spomenutih frazema u kojima se, unatoč desemantizaciji, zapovijed još uvijek osjeća u obliku imperativa, a u frazemima u čijem sastavu više nema glagola, tj. koji su nastali elipsom, imperativ se može pretpostaviti (na primjer, frazeološka jedinica *jezik za zube* rezultat je rečenice koja bi mogla glasiti **stavi jezik za zube*), frazem *nije ti tata (otac) staklar* niti u svom semantičkom talogu, niti u strukturi nema nikakvih elemenata zapovijedi. Strukturno gledano, to je izjavna rečenica u kojoj se negira staklarska profesija sugovornikova oca. Kako se onda postiže frazeološko značenje "makni se jer ne vidim predmet koji se nalazi iza tebe, jer mi zaklanjaš vidik"? Ovdje se negiranjem profesije (čak sugovornikova oca, a ne samoga sugovornika) koja proizvodi proziran predmet (očito je uzeto u obzir samo prozirno staklo) daje do znanja sugovorniku da nije proziran i da se treba pomaknuti kako bi govornik mogao vidjeti to što želi.

3.0. Dijelom uzvičnih frazema izražava se čuđenje. Ono može biti jačeg ili slabijeg intenziteta, a ponekad se miješa i s drugim osjećajima. Tako frazemi *vot (von) ono ~to, ska`i na milosty, vot podi `tx* i njima slični izražavaju čuđenje i zbunjenost, dok se jedinice *vot tebe (te) i na, vot tak {tuka, vot tak kl}kva, vot tak*

¹⁹ Taj je frazem nekad imao suprotno značenje, tj. njime se moglo poželjeti sretan put. Semantički talog upravo upućuje na to starije značenje (željelo se da put bude gladak kao stol sa stolnjakom).

tak i slične upotrebljavaju u neočekivanim situacijama u kojima je govornik i neugodno iznenađen i razočaran.

3.1. Manji dio frazema ima u svom sastavu glagolske komponente (najčešće u obliku imperativa) što ih ograničava na dijalošku situaciju, tj. oni se mogu upotrebljavati samo kao replike upućene sugovorniku. To su jedinice: *ma nemoj (nemojte)*, *ma daj (dajte)*, *vot podi`tx*, *ska`i po`alujsta*, *ska`i na milosty*. Isto je s frazomom *Bog s tobom (s vama)* u kojemu zamjenička komponenta diktira obraćanje sugovorniku. I u nekim ruskim frazemima također je uključena zamjenica, ali, za razliku od upravo spomenutog frazema, kod njih je zamjenica desemantizirana do te mjere da ne ograničava upotrebu frazema samo na dijalošku situaciju. Dokaz tomu je činjenica da se zamjenica drugog lica jednine ne može zamijeniti zamjenicom u drugom licu množine. Kao primjer za to navodim frazeme *vot tebe (te) i na*, *vot tebe (te) <i> raz*. S druge pak strane, frazemi *vidi vruga*, *tko bi to rekao*, unatoč glagolskoj komponenti, šire su upotrebljivi, tj. osim kao replika mogu se izgovarati i kao govornikov komentar na poneki događaj ili situaciju u kojoj on ne sudjeluje neposredno. Isti je slučaj i s ostalim frazemima hrvatskoga i ruskoga jezika.

3.2. Kako se gradi frazeološko značenje uzvičnih frazema sa značenjem čuđenja? Ti frazemi nemaju nikakvoga semantičkog taloga, tj. nikakve slike koja bi signalizirala značenje. U sastavu dijela uzvičnih frazema su čestice, desemantizirane zamjenice i prilozi: *eto ti ga na*, *nu i nu*, *nado`e <tak> vot (von) ono ~to*, *vot (von) <ono> kak*, *vot tebe (te) <i> raz*, *vot tak raz*, *vot tebe (te) i na*, *vot tak tak*. Dio uzvičnih frazema jest obraćanje: *Bože moj*, *Bože blagi*, *Gospode Bože*, *mamo~ka moq rodnaq*, *matery bo`iq*, *maty pre~istaq*. Nekoliko frazeoloških jedinica ima u svom sastavu dvije imenice ili imenicu i pridjev, a cijela je jedinica u akuzativu: *za ime Božje*, *za ime Boga*, *za ime svijeta*, *za Boga miloga*. U dijelu pak ruskih frazema također je imenica: *vot tak {tuka*, *vot tak nomer*, *vot tak kl}kva*, *~to za prit~a*. Dio je frazema nastao na bazi elipse: *Bog s tobom (s vama)*, *ma nemoj (nemojte)*, *ma daj (dajte)*. Svega nekoliko frazeoloških jedinica ima u svom sastavu komponente koje upućuju na značenje (čuđenje), pri čemu treba naglasiti da značenje ne signalizira frazeološki talog, nego imenička i/ili pridjevska komponenta: *čudna mi čuda*, *čudo jedno*, *~udnoe delo*, *~to za ~udes*, *~udo iz ~udes*.

I na kraju bih još jednom napomenula da neki od navedenih uzvičnih frazema imaju i druga značenja, da se upotrebljavaju i u drugim situacijama i kontekstima, a osim situacije i konteksta kod takvih je frazema presudna intonacija.

MUZIKALNI INSTRUMENTI KAO KOMponenti HRVATSKIH I RUSKIH FRAZEOLIZMA

1.0. Kao poznato, leksičko značenje komponenta frazeologizma može uticati na oblik frazeologičkog značenja u slučaju, kada u osnovi frazeologizma leži slobodno slovo-slovanje. Tako, na primer, izraz u dubinskoj strukturi frazeologizma *kak u ra* obrazuje frazeološki osid, koji može do određene stepeni pomoći pri određivanju frazeološkog značenja.

2.0. U nastojećem radu analiziraju se hrvatski i ruski frazeolozi s muzikalnim instrumentom kao jednim od komponenta. Među interesnim, u prvom redu, koje muzikalne instrumente uključuje u sastav frazeologizma (tih dva slavjanskih izraza, a, uostalom, odražavaju li nazivni komponenti utiču na frazeološko značenje i, esli utiču, to kakim elementom svoga leksičkog značenja.

3.0. U sastav i hrvatskih i ruskih frazeologizma uključuju se, uslovno govoreći, savremeni muzikalni instrumenti: *violina (skripka)* i *bubanj (baraban)*. Može se kazati, što iz hrvatskih i ruskih narodnih instrumenta pohađa drug na druga *dudak, svirala* i *dudka, sopela*. Svi u frazeologizmu hrvatskoga izraza u kojima komponenti *talambas, diple, gusle* i *rog*. Svi u ruskih frazeologizmama pojavljuju se *balalajka, duda* (u značenju "voljenka"), *truba* i *armonika*.

3.1. Svi ovi nazivi su nekoliko slova od naziva instrumenta.

3.1.1. Iz skupa pojavljuju se dva instrumenta: *skripka, violina* i *gusle*. *Skripka (violina)* - višestručni muzikalni instrument. U njemu se koristi po registru instrument skripinog srodnosti. Osnovni način izvlačenja zvuka - vođenje strunom po strunama.

Gusle - narodni jednostručni (ređe dvostručni) instrument u slavjanskoj²⁰. U njemu se koristi odbojni korpus, ovalnog ili grubog oblika, zatvorenj kožnim membranama. Ispoljuju se dlakom akompanementa peni.

3.1.2. *Balalajka* - ruski trostručni i četvorstručni instrument, trouglaog oblika. Zvuk izvleka se glavnom obrazom brzanjem ukazateljnoga palca po svim strunama i zaigravanjem odvojenih struna.

3.1.3. Iz udarnih u frazeologizmama može se najti *baraban, bubanj* i *talambas*.

²⁰ U njemu se koristi i drugi instrument, što i *gusli*.

Baraban (bubanj) sostoit iz pologo korpusa ili ramx, na kotorxe s odnoj ili dvuh storon natqnutu ko`a. Zvuk izvleka}t udarom po membrane.

Talambas - |to malenykij baraban, sdelannxj iz metalli~eskoj miski ili malenykogo metalli~eskogo tazika, otverstie kotorogo obtqnutu ko`ej.

3.1.4. Samxe upotrebiteľnyxe muzxkalynxe instrumentx v frazeologizmah - duhovxe.

Duduk (tur. *dūdük*) predstavľqet soboj derevqnnxj duhovej instrument. V *Horvatskoj |nciklopedii* (1945) i v *Muzxkalynoj |nciklopedii* (1971) utver`daetsq, ~to |to detskij odnotrubo~nxj narodnxj instrument, sdelannxj iz buzinx, s dvumq otverstiqmi. Po *Ob&ej |nciklopedii* (1977) - |to narodnxj duhovej instrument iz buzinx ili trostnika, s otverstiqmi (ot dvuh do {esti}); na nem igra}t pastuhi. Takoj `e pastu{ij instrument mo`no najti i v ^ernogorii; on imeet pqty ili {esty otverstij. Bolgarx tak `e nazxva}t svoj tradicionnxj muzxkalynxj instrument (*Enciklopediq Bwlgariq*, 1981). Po dannxm *Boly{oj sovetskoj |nciklopedii* (1972) - *duduk* imeet neboly{u} trubku s devqty} otverstiqmi. On rasprostranen u narodov Kavkaza.

Svirala - prostej{ij duhovej instrument. \to pola q truba, iz kotoroj izvleka}t zvuk. Na nej net otverstij. Ona qvlqetsq glavnoj ~asty} vseh duhovxh instrumentov, vkl}~aq organ.

Diple - narodnxj duhovej instrument, poho`ij na sparennxe dudki, rasprostranennxj v Horvatii, Bosnii, Gercegovine i ^ernogorii. Sostoit iz dvuh trub. Rany{e na ka`doj iz nih bxlo {esty otverstij, a sej~as obx~no na odnoj {esty, a na drugoj - dva otverstiq.

Dudka - ob&ee nazvanie v Rossii, Belorussii, na Ukraine narodno-muzxkalynxh instrumentov semejstva prodolynxh flejt-sopeli, svireli (po *Boly{oj sovetskoj |nciklopedii*). *Slovary russkogo qzxa AN SSSR* (1981) utver`daet, ~to *dudka* predstavľqet soboj prostej{ij muzxkalynxj instrument v vide poloj trubki s otverstiqmi. Inogda *dudkoj* nazxva}t i *volxnku* (umeny{. ot *duda*).

Sopely - duhovej muzxkalynxj instrument, rod derevqnnoj flejtx. Imeet pqty - {esty bokovxh otverstij.

Rog - muzxkalynxj ili signalynxj instrument v vide izognutoj trubx s ras{irq}&imsq koncom. Prostej{ie roga sdelanx iz rogov `ivotnxh ili zubov.

Truba - mednxj mund{tu~nxj duhovej muzxkalynxj instrument silynogo, zvu~nogo tembra.

Duda (to `e, ~to *volxnka*) - narodnxj duhovej qzx~kovxj instrument. Vozdu{nxj rezervuar (meh) sdelan iz ko`i ili puzxrxq `ivotnogo, v kotorxj vdelanx trubka dlq nagnetaniq vozduha, trubka s igrovxmi otverstiqmi i odna ili neskolyko basovxh burdonnxh trubok, izda}&ih ne izmenq}&iesq po vxsote zvuki. V [otlandii qvlqetsq osnovnxm nacionalynxm instrumentom.

3.1.5. I, nakonec, {armanka. Nazvanie |togo instrumenta proishodit ot na~alynoj stroki pesenki "*Scharmante Katharine*", ispolnqv{ejsq na pervxh {armankah v Rossii. \to mehani~eskij duhovej instrument, rod perenosnogo organa v forme

neboli{ogo q&ika, v ktorom razme&enx zvu~a&ie trubki, meha, valiki s metalli~eskimi {pilykami. [armanka bxxla populqna sredi brodq~ih muzxkantov²¹.

4.0. V materiale vxdelq}tsq imennxe, glagolynxe, nare~nxe i adwektivnxe frazeologizmx, vxra`ennxe slovoso~etaniem, a tak`e frazeologizmx-predlo`eniq.

4.1. V oboih qzxxkah registriru}tsq edinicx *prva violina* i *pervaq skripka*, frazeologi~eskie internacionalizmx, s odnim i tem `e zna~eniem "o ~eloveke, ktoromu prinadle`it vedu&aq roly v ~em-libo". \ti frazeologizmx voshodqt k nazvani} skripki ili gruppx skripok v orkestre, ktorxe ispolnq}t vedu&u} parti}, zna~it, ih isto~nikom na samom dele qvlqetsq termin, zna~enie ktorogo pereosmxslivaetsq. Svqzy s isto~nikom vse-taki ~uvstvuetsq: i v orkestre i v `izni *pervaq skripka* imeet vedu&u} roly.

V otli~ie ot tolyko ~to nazvannxh edinic sledu}&ie imennxe frazeologizmx, odnosq&iesq k licam, vxra`a}t ih otricateynxe ~ertx. Otme~en tolyko odin takoj horvatskij frazeologizm i ~etxre russkih. Edinica *deveta (posljednja, zadnja) rupa na svirali* govorit o ~eloveke, ne zaslu`iva}&em uva`eniq, vnimaniq. Nikomu ne nu`nxj ~elovek sopostavlqetsq s instrumentom, poho`em na dudku. V frazeologi~eskom osadke upotreblqetsq obraz instrumenta, poslednee otverstie ktorogo kak budto sovsem neva`no, kak budto ono ne imeet nikakogo zna~eniq dlq ka~estva melodii. No po~emu v nazvannom frazeologizme govoritsq imenno ob |tom instrumente? Vedy po dannxm *Muzxkalnoj |nciklopedii svirala* ne imeet otverstij. Mo`et bxy, pod |tim ponqtiem (*svirala*) ime}tsq v vidu vse (ili osnovnxe) tipx narodnxh duhovxh instrumentov, i ono, veroqtno, vzqto kak kakoe-to ob&ee ponqtie. Krome togo, v su&estvitelynom *svirala* soder`itsq i koreny *svir-*, ktorxj nahoditsq i v glagole *svirati (koji instrument)* "igraty (na kakom-libo instrumente)". V silu |togo, po vsej vidivosti, v frazeologizm vkl}~en imenno dannxj instrument.

Russkij frazeologizm s tem `e zna~eniem v svoem sostave soder`it komponent, obrazovannxj ot instrumenta *baraban*, i obozna~a}&ij ~eloveka, igra}&ego na barabane: *otstavnoj kozx baraban&ik*. V osnove |togo frazeologizma le`it sovsem drugoj obraz. Vxra`enie vzniklo v staroj Rossii: v ego osnove - rasprostrannaq qrmaro~naq zabava vodity napokaz ru~nogo medvedq v soprovo`denii plq{u&ego maly~ika, narq`ennogo kozoj, i baraban&ika, ktorxj bil v baraban, akkompaniruuq |toj plqske.

Semanti~eskij osadok frazeologizma *besstrunnaq balalajka* v samom dele otricaet balalajku kak muzxkalynxj instrument: bez strun net muzxki. \ta edinica prenebre`itelyno govorit o ~eloveke, ktorxj zanimaetsq pustxmi razgovorami, ktorxj pustoslovit, boltaet.

²¹ Interesno, ~to ukraincx takoj instrument nazxva}t *katerinka*, a polqki - *katarinka*. Oba naroda pri formirovanii nazvaniq ispolyzovali tu `e pesenku, ~to i russkie, tolyko ne prilagatelynoe, a imq sobstvennoe. S drugoj storonx, horvatx nazxva}t ego *vergl* - slovom, proishodq&im ot italyqnskogo *vergula*.

Ustarev{ij frazeologizm *ni v dudo~ku, ni v sopelo~ku* ukazxvaet na nesoobrazitel'nogo, nesposobnogo, ni na ~to ne godnogo ~eloveka.

I e&e odin ustarev{ij frazeologizm: *{kura barabannaq}*. V nem v ka~estve odnogo iz komponentov nahoditsq prilagatelynoe, obrazovannoe ot su&estvitelnogo *baraban*. V pervom zna~enii |tot frazeologizm obozna~aet voennogo slu`aku, bezdu{nogo i surovogo s pod~inennymi, a vtoroe zna~enie odnositsq k brannomu, oskorbitelnomu vxra`eni} v adres nenavistnogo ~eloveka. Po~emu imenno ko`a, obtqgiva} &aq baraban, svqzxvaetsq s surovym i nenavistnym ~elovekom? Potomu ~to ona dol`na bxyt tverdoj, `estkoj. Nado pod~erknuty, ~to samo slovo *{kura}*, krome osnovnogo, imeet zna~enie "proda`nxj ~elovek, vxmogately, {kurnik", zna~it, i ono odnositsq k ~eloveku, pri~em to`e vxra`aet ego otricatelnxe karakteristiki.

Horvatskij frazeologizm *sedma svirala* boly{e ne upominaet l}dej, on karakterizuet ve&i: |to nenu`nxe, neva`nxe ve&i, ne zaslu`iva} &ie vnimaniq. To `e samoe zna~enie imeet i upomqnutxj ranee frazeologizm *deveta (posljednja, zadnja) rupa na svirali*.

Kni`nxj frazeologizm <kak> *ierihonskaq truba* imeet biblejskoe proisho`denie. Prilagatelynoe obrazovano ot nazvaniq goroda Ierihona, neobxknovenno pro~nxe stenx ktorogo ruhnuli ot zvuka svq&ennxh trub izrailyskix voinov. Novoe zna~enie bibleizma: "o~eny gromkij, trubnxj golos". Interesno, ~to v horvatskom qzxke to`e esty biblejskoe vxra`enie *truba jerihonska* (~a&e upotreblqetsq v inversii), no ono ne polu~ilo novoe, perenosnoe zna~enie.

4.2. Glagolynxe frazeologizmx - samaq mnogo~islennaq gruppa frazeologizmov s komponentom muzxkalynxm instrumentom. |kvivalentx *svirati drugu violinu i igraty vtoru} skripku* imejt zna~enie "zanimaty ne glavnoe, a pod~inennoe polo`enie v kakom-libo dele", v to vremq kak |kvivalentx *svirati prvu violinu i igraty pervu} skripku*, a tak`e *svirati prve gusle* imejt zna~enie "bxyt glavnxm v kakom-libo dele, rukovodity kakim-libo delom". |to odnovenno i frazeologi~eskie antonimx. (O vliqnii termina *pervaq skripka, vtoraq skripka* na frazeologi~eskoe zna~enie q u`e govorila.) V horvatskom qzxke v glagolynom frazeologizme upotreblq}tsq i komponentx *prve gusle*, no net parallelnogo upotrebleniq komponentov **druge gusle*.

Frazeologi~eskoe zna~enie "nadoedlivo govority, povtorqty odno i to `e" imejt sledu} &ie edinicx: *udariti/udarati (diplati) u stare diple, zasvirati/svirati (udariti/udarati, dipliti) u iste diple, dudety v odnu dudu (dudku), zavesti/zavodity {armanku, krutity {armanku}*. V treh frazeologizmah s komponentami *diple* i *duda, dudka* melodiq proizvoditsq na *odnom i tom `e* ili na *starom* instrumente, pri~em, kone~no, povtorenie odnoj i toj `e prostoj melodii mo`et nadoesty, osobenno esli na instrumente ploho igra}t. Zvuk {armanki legko nadoedaet, potomu ~to na nej vse vremq povtorq}tsq odni i te `e melodii. V horvatskom qzxke *{armanka (vergl)* ne vo{la v sostav

frazeologizmov, no zato glagol *verglati*, obrazovannxj ot su&estvitelnogo *vergl*, imeet dva perenosnxh zna~eniq, blizkih k zna~eni} tolyko ~to privedennxh frazeologizmov: "govority bxstro, povtorqq odno i to `e" i "boltaty".

V ruskoj edinice *dudety v svo} dudu* poqvlqetsq zna~enie "uzko, ograni~enno ponimaq ~to-libo, postupaty po-svoemu, ne s~itaqsy s mneniem drugih". Semanti~eski opornxm slovom zdesy qvlqetsq mestoimenie: takoj ~elovek vidit tolyko svo} dudu, t.e. on uveren, ~to ego postupki vseгда pravilynx.

V otli~ie ot |togo frazeologizma, v sledu}&ih edinicah zna~enie rezko otli~aetsq, potomu ~to igra}t u`e ne na svoem instrumente, a na ~u`om. *Puhati (udariti/udarati) u čije diple, plqsaty pod dudku ~y}* i ustarev{ij sintaksi~eskij variant *plqsaty po dudke ~yej*²², *duty v dudku kogo, ~y}*; *pety pod ~y}-libo dudku* ime}t zna~enie "vo vsem bezogovoro~no pod~inqtysq komu-libo; postupaty tak, kak ugodno komu-libo, kak ot nas o`ida}t, vtority komu-libo".

Edinicx *puhati u jedan duduk s kim, puhati u isti (jedan) rog s kim* pod~erkiva}t, ~to na odnom i tom `e instrumente igraet ne tolyko odin ~elovek, a dvoe ili boly{e l}dej. Takim obrazom formiruetsq zna~enie "bxy odnogo mneniq s kem, vo vsem sogla{atysq s kem".

V horvatskih frazeologizmah *udariti/udarati (zasvirati/svirati) u druge diple, udariti/udarati (zaguditi/guditi) u druge gusle* zna~enie "izmenity svoje mnenie, povedenie, na~aty govority ina~e, ~em rany{e" osnovano na slove *druge*.

Vliqet li muzxkalynxj instrument kak komponent vx{eukazannxh glagolynxh frazeologizmov na frazeologi~eskoe zna~enie? V boly{instve slu~aev takogo vliqniq ne nabl}daetsq. Kak q u`e neskolyko raz upominala, semanti~eski opornxm slovom qvlqetsq imenno opredelenie, vxra`ennoe mestoimeniem, prilagatelynxm, ~islitelynxm. Vmesto duhovogo instrumenta v |ti edinicx mo`et vkl}~atysq i kakoj-nibudy drugoj instrument (mo`et bxy, da`e drugoj predmet); kone~no, iskl}~aq slu~ai, kogda povtorq}tsq korni: *duda - dudety, diple - dipliti*. Frazeologi~eskoe zna~enie pri |tom ne izmenilosy bx. \to zna~it, ~to komponent-muzxkalynxj instrument sovsem utratil svoje leksi~eskoe zna~enie.

V otli~ie ot |togo v horvatskih frazeologizmah *udariti/udarati u bubanj (talambase), udariti/udarati u bubnjeve i talambase* odin |lement leksi~eskogo zna~eniq slova *bubanj, talambas* vse-taki zader`alsq. Ishodq iz togo, ~to baraban zvu~it o~eny gromko (|lement zna~eniq - gromkosty), mo`no skazaty, ~to

²² \tot frazeologizm iz basni \zopa "*Rxbolov i rxbx*". Rxbolov igral na dudke, ~tobx primanity k sebe rxb. Emu ne udalosy takim obrazom pojmaty ih, i on na~al lovity ih sety}. Kogda rxbx, vxta&ennxe iz vodx, bilisy na zemle, on skazal: "Glupxe, kogda q igral, vx ne hoteli plqsaty po moej dudke, a tepery, kogda q prestal, vx plq{ete".

frazeologi~eskoe zna~enie upomqnutxh frazeologizmov "razglasity ~to-libo, obwqvyty o ~em-libo, no ne vtihomolku, tajkom, a gromko i ne skrxvaqsy".

Zna~enie ruskogo prostore~nogo frazeologizma *v trubu (v trubx) trubity* neskolyko otli~no: "rasprostranqty kakie-libo sluhi, izvestiq, spletni o kom-libo ili o ~em-libo". Komponent *truba* do opredelennoj stepeni vliqet na formirovanie frazeologi~eskogo zna~eniq: i truba zvu~it o~eny gromko (hotq spletni mogut rasprostranqtysq i {epotom, nikto ne podumaet, ~to v *trubu trubity* mo`no tiho). Tut e&e povtorqetsq tot `e koreny i v glagolynom komponente. Interesno, ~to i odno iz zna~enij glagola *trubity* sovpadaet s frazeologi~eskim. V horvatskom qzxke glagolx *trubiti, rastrubiti/rastrubljivati*, obrazovannxe ot su&estvitelnogo *truba*, ime}t to `e zna~enie, pri~em nado otmetity, ~to glagol *trubiti* zna~it i "igraty na trube", "zvukom trubx davaty signal", a drugie dva glagola ime}t tolyko perenosnoe zna~enie.

4.3. V materiale otme~en tolyko odin adwektivnxj frazeologizm. }to horvatskaq edinica *glup kao duduk* ("glup kak peny"), v kotoroj sopostavlqetsq ~elove~eskaq gluposty s narodnxm duhovxm instrumentom *dudkoj*. Interesno, ~to i samo slovo *duduk* v svoem perenosnom zna~enii obozna~aet duraka.

4.4. Registriru}tsq tak`e dva nare~nxh frazeologizma. Semanti~eskij osadok sravnitelnogo horvatskogo frazeologizma *kao šipka uz bubanj* so zna~enijem "nerazlu~no, nerazrxvno" soder`it obraz barabana i palo~ki, kotoroj by}t v baraban. Ruskij frazeologizm s prenebre`itelynxm zna~enijem *v odnu dudku* predstavlqet soboj }llipsis glagolynogo *dudety v odnu dudku*, pri~em ukazannxj nare~nxj frazeologizm upotreblqetsq obx~no pri glagolah *tverdity, povtorqty*, i imeet zna~enie "nastoj~ivo, postojnno (*tverdity, povtorqty*), (*povtorqty*) odno i to `e".

4.5. Vtoroj strukturnxj tip - }to frazeologizmx-predlo`eniq. Horvatskie frazeologizmx ime}t strukturu dvusostavnxh predlo`enij. *To su druge diple* imeet zna~enie "}to drugoe delo, tut re~y idet o ~em-to drugom", <*to su*> *stare diple* "ob }tom vse zna}t, }to u`e izvestno". V }tih edinicah semanti~eski opornxm slovom qvlq}tsq komponentx *druge, stare*, kotorxe okazxva}t osnovnoe vliqnie na frazeologi~eskoe zna~enie. Tretij frazeologizm - <*to je*> *na vrbi svirala* so zna~enijem "gro{a lomannogo ne stoit; }to ne vnu{aet doveriq". Odin ruskij frazeologizm - odnosostavnoe predlo`enie. *Hoty v trubu (v trubx) trubi* imeet zna~enie "kak ugodno kri~i, {umi (}to ne pome{aet)".

5.0. Kakoj vxvod mo`no sdelaty? Leksi~eskoe zna~enie muzxkalynxh instrumentov *baraban* i *truba* tolyko ~asti~no utra~eno, deaktualizovano, vo frazeologi~eskom zna~enii vse-taki ~uvstvuetsq odin }lement ih zna~eniq, odna iz ih karakteristik - gromkosty. Nam nelyzq bxlo bx zamenity, naprimer, komponent *truba* v frazeologizmah *hoty v trubu (v trubx) trubi, v trubu (v trubx) trubity* komponentom *dudka* (pri~em, ka`etsq, ne tolyko iz-za povtorq}&ihsq kornej). I }lement zna~eniq instrumenta {*armanka* to`e zader`alsq: nadoedlivoe, postojnnoe povtorenie odnoj i toj `e melodii. Odnako, kak q u`e skazala, samxe

upotrebiteljnxe muzxkaljnxe instrumentx - *dudka, duda, duduk* - ne ostavili sledov vo frazeologi~eskom zna~enii.þ

Q hotela bx e&e pod~erknuty, ~to boly{instvo proanalizirovanxh frazeologizmov vxra`aet otricatejnxe ~ertx ~eloveka (boltun, surovxj, sku~nxj, uprqmxj, glupxj) ili ukazxva}t na nikomu ne nu`nxve ve&i, i tolyko v neskolykih edinicah govoritsq o nejtraljnxx ~ertah (frazeologi~eskie antonimx - *igraty pervu} skripku, svirati prvu violinu, svirati prve gusle : igraty vtoru} skripku, svirati drugu violinu* - odnosqtsq k l}dqm, kotorxe zanima}t (ne) glavnoe polo`enie v kakom-libo dele).

6.0. I, nakonec, nado dobavit, ~to v oboih qzxkah esty frazeologizmx, komponentx kotorxh predstavlj}t soboj ~asti instrumentov. \to - *struna, strunka, struna, gudalo* (smx~kovxe instrumentx), *žica* (&ipkovxe instrumentx), *klavi{i* (klavi{nxve instrumentx), *surdinka* (v raznxh tipah instrumentov).

6.1. Russkij substantivnxj frazeologizm s slovoobrazovatelynxm variantom *slabaq strunka (struna)* zna~it "naibolee uqzvimaq storona haraktera, na kotoru} legko mo`no vozdejstvovaty".

6.2. Dva iz glagoljnxx frazeologizmov sinonimi~nx glagoljnxm edinicam s komponentom-muzxkaljnxm instrumentom. Tak, horvatskij frazeologizm *udariti/udarati u slične (iste) žice* ("postupaty tak, kak postupa}t drugie, sklonqtsq k ~u`omu mneni}") semanti~eski blizok k rqu *puhati u jedan duduk s kim, puhati u isti (jedan) rog s kim*, pri~em i v dannom frazeologizme ~asty instrumenta ne vliqet na zna~enie, no zato va`nxm faktorom pri formirovanii frazeologi~eskogo zna~eniq qvlq}tsq varyiruemxe komponentx *slične, iste*.

Frazeologizm s tem `e komponentom - *udariti/udarati u druge žice (u drugu žicu)* - semanti~eski sootnositsq s edinicami *udariti/udarati (zasvirati/svirati) u druge diple, udariti/udarati (zaguditi/guditi) u druge gusle* so zna~enim "izmenity svoe mnenie, na~aty govority ina~e, ~em rany{e". Mo`no skazaty, ~to i v privedennom frazeologizme semanti~eski opornxm slovom qvlqetsq komponent *drugi*.

Zna~enie "dejstvovaty na ~yi ~uvstva, rastrogaty, volnovaty kogo" ime}t frazeologizmx *sxgraty/igraty na strunah (na klavi{ah) du{i /kni`n./, udariti/udarati u nježne žice, dirnuti (pogoditi, udariti/udarati) koga u žicu (u najtanje žice)*. V russkoj edinice varyiru}tsq dve ~asti, prinadle`a&ie razli~nomu tipu instrumentov. Pomo&y pri formirovanii frazeologi~eskogo zna~eniq v horvatskih edinicah okazxva}t prilagatelynxve *nježan, najtanji*, a ne ~asty instrumenta.

Blizkimi po zna~eni} qvlq}tsq russkij ustarev{ij frazeologizm *der`aty v strune kogo* "pod~inity svoej vole, vlasti kogo-libo, obhoditysq s kem strogo, surovo" i horvatskij *povlačiti (vući) gudalo* - "prikazxvaty komu-libo, trebovaty ~to-libo ot kogo-libo".

Ustarev{ij russkij frazeologizm *der`aty seby v strune* (sr. *der`aty v strune kogo*) imeet zna~enie "ne pozvolqty sebe rasslablqtsq", v to vremq kak

edinica s tem `e muzxkalynxm komponentom *zadety/zadevaty* <za> *strunu* zna-it "kasatysq voprosa, osobenno troga}&ego ili zadeva}&ego kogo-libo".

V horvatskom frazeologizme *biti kao napeta struna* "bxyty v razdra`itelynom sostoqnii" semanti~eski re{a}&im komponentom qvlqetsq prilagatelynoe *napet*.

6.3. Nare~nxj frazeologizm *pod surdinku* imeet dva zna~eniq. Pervoe qvlqetsq ustarev{im i prostore~nxm - "tiho, priglu{enno" i upotreblqetsq s glagolami *zvu~aty*, *pety*, *zvenety*, a vtoroe - "tajkom, vtihomolku, nezametno" upotreblqetsq s glagolami *sdelaty*, *skazaty*.

7.0. V zakl}~enie mo`no *skazaty*, ~to naibolee upotrebitelynxm qvlqetsq komponent *struna* v russkom i *žica* v horvatskom qzxke. V neskolykih edinicah komponent~asty muzxkalynogo instrumenta do nekotoroj stepeni vliqet na frazeologi~eskoe zna~enie (*slabaq strunka (struna)*, *pod surdinku*, *dirnuti (pogoditi, udariti/udarati) koga u žicu (u najtanje žice)*), no v boly{instve slu~aev mo`no *skazaty*, ~to nazvannxe komponentx polnosty} deaktualizovanx.

LITERATURA

Boly{aq sovetskaq |nciklopediq, Moskva, 1970-1981

Enciklopediq Bvlgariq, tom 2, Sofiq, 1981

Hrvatska enciklopedija, Zagreb, 1941-1945.

Hrvatski leksikon, Zagreb, 1996-1997.

Mužička enciklopedija, Zagreb, 1971-1977.

Opća enciklopedija, Zagreb, 1977-1988.

- просторечие - "третья культура"
- наречия, говоры - народная культура
- арго - традиционно-профессиональная культура.

Для обоих рядов может быть применен один и тот же набор различительных признаков: 1) нормированность-ненормированность, 2) наддиалектность (надтерриториальность) - диалектность (территориальная расчлененность), 3) открытость-закрытость (сферы, системы), 4) стабильность-нестабильность. Каждый отдельный языковой или культурный страт характеризуется определенным сочетанием этих признаков" (Толстой 1995, 16-17).

Нетрудно заметить, что система параллельных стратов Н.И.Толстого вполне согласуется с пирамидой В.Д.Жирмунского, которую можно наложить не только на социальную структуру языкового пространства, но и на структуру пространства культурного. В этом случае основание пирамиды представит народную культуру - историческую базу национальной культуры в целом, сходящиеся стороны пирамиды можно соотнести с более унифицированной массовой городской ("третьей") культурой, а вершину пирамиды, точки схождения ее сторон, представить как отражение упорядоченной элитарной культуры (ср.: Жирмунский 1936). Наложение, сопоставление двух пирамид особенно показательно в их крайних уровнях - верхнем, точка схождения сторон, и нижнем - основании пирамиды. Основание пирамиды - это обширное территориально-диалектное многообразие народной речи в сфере языкового пространства и разнообразнейшие местные проявления народной культуры в сфере национального культурного пространства в целом. Вершина пирамиды, точка схождения ее сторон, - это соотношение классической русской литературы (часть элитарного культурного пространства) и современного русского литературного языка (одна из функциональных позиций русского языкового пространства). Но если крайние позиции двух стратификационных систем или пирамиды В.Д.Жирмунского представлены в русской научной традиции достаточно полно, то интерес к ее средней части - просторечию и "третьей" культуре - выражен слабо. Особенно это касается так называемой "третьей" культуры, которая, в отличие от народной и элитарной культур, не имеет устоявшейся дефиниции (ср.: "городская", "массовая", "популярная", "низкая"). Впрочем, каждое из этих определений справедливо и каждое открывает одну из многочисленных сторон "третьей" культуры. Определение "городская" указывает на происхождение этой культуры, поскольку ее зарождение связывается с появлением крупных городов и перемещением крестьянских масс из деревень в города. "Массовая" - подчеркивает ее статистическое превосходство перед элитарной, широкую распространенность, "популярная" - означает доступность, неэлитарность

"третьей" культуры, а "низкая" - позицию на шкале оценок относительно "высокой" элитарной культуры.

Таковыми же атрибутами можно характеризовать и просторечие: городское, массовое, популярное, низкое. Просторечие - это специфическая сфера обиходного, устно-разговорного, нелитературного, по преимуществу экспрессивного и часто вульгарного общения. Как явление в целом - это конгломерат из общепотребительной части социальных и профессиональных жаргонов, из элементов деревенских говоров, из иноязычных заимствований и традиционных мещанинских, вульгаризмов, а также обценной лексики. В русском языковом пространстве просторечие занимает своеобразное промежуточное, буферное положение между литературным языком, примыкая непосредственно к литературно-разговорной речи, и многочисленными социальными подъязыками и территориальными диалектами, региолектами - разновидностями единого русского языка.

Лексикологические и лексикографические научные труды обычно удовлетворяются лишь самым верхним слоем просторечия, прилегающим к литературной речи, и ограничиваются нормативными и эмоциональными его оценками, гораздо реже обращаясь к нижним слоям живой общепотребительной речи, к ее этическим и тем более эстетическим аспектам. Между тем просторечная стихия - это не просто часть русского языкового пространства, не только досадный "словесный мусор", но и основной источник пополнения и обогащения литературного языка, своеобразный "котел", который "переваривает" и сублимирует речевые единицы ограниченного употребления, выделяя те из них, которые по разным причинам получают доступ к общепризнанной (нормативной) коммуникации. Так, И. Бунин, используя в рассказе "История с чемоданом" наречие *до отказа*, должен был сопроводить его отчуждающей функционально-стилистической оговоркой: "*как говорят нынче*". Ср.:

Чемодан вдруг ожил и бесовски разыгрался: гладкий, скользкий, тяжелый, как булыжник, набитый мной до круглоты, до отказа, как говорят нынче, он, в диком и резвом веселье то мчался на меня и бил лбом в ножку койки, то, подпрыгнув, кубарем летел под умывальник...

Между тем в настоящее время *до отказа* - вполне литературное наречное сочетание. Точно так же литературно-разговорными и нормативными, но уже не вульгарно-просторечными воспринимаются ныне и такие образования, как: *расклад, промазать, прокрутить, втереть очки, по благу, подначивать* и пр. - элементы недавнего просторечия, прежде служившие в более узком значении номинациями для криминальных реалий. Более свежий пример - судьба слова *беспредел*, также имеющего криминальное происхождение ("группировка воров, отошедших от

воровских традиций и законов"), но получившего сначала в молодежном подъязыке, затем в городском просторечии, а потом, наконец, и в литературной разговорной речи метафоризированный и расширенный смысл ("отсутствие законов, полная свобода... нарушение правил приличия, разгул") и в результате зафиксированного в "Толковом словаре русского языка" как общелитературное разговорное слово: "крайняя степень беззакония, беспорядка" (Ожегов, Шведова 1992, 43).

Путь данной лексемы из социального жаргона в нормативную разговорную речь отражает типичный способ расширения лексического состава русского языка за счет его низких сфер: из криминальных субкультур и их специфических подъязыков (лексических подсистем) слова и сочетания слов легко проникают в речевой оборот отдельных молодежных группировок, отсюда в молодежную субкультуру в целом, в молодежный подъязык, сленг, затем подобное словоупотребление расширяется до массового, просторечного, становится популярным в сфере "третьей" культуры (в бытовой речи и в текстах масс-медиа), и наконец, закрепляется в разговорном литературном языке.

Молодежная субкультура и молодежный подъязык (подъязыки: школьный, студенческий, солдатский и пр. жаргоны, общеупотребительный сленг), это несомненный феномен в самых различных отношениях: культурном, социальном, психологическом, лингвистическом. И в основе этого феномена такой важный фактор как - **возраст**. Причем фактор возраста следует понимать в широком смысле - как психическое, психофизическое и социальное состояние говорящего и целого социума, которое проявляется как в субкультуре (нормы поведения, выбор одежды, художественные вкусы), так и в соответствующем речевом поведении. Молодежная субкультура и молодежный подъязык характеризуются двумя, как минимум, противоположенными тенденциями. Первая, центробежная, - это естественное стремление к отчуждению от "взрослого" общества: "быть не как все". Вторая, противоположная, тенденция - центростремительная: столь же естественное стремление к корпоративности, стадности: "быть подобным своим". Оба этих устремления, обе тенденции предопределяют качественные особенности молодежного подъязыка: стремление к новому, необычному, яркому. В языке это достигается выбором лексических и фразеологических единиц из маргинальных источников с резким и "романтическим" первичным содержанием (*въезжать, кайфовать, шизовать*), с повышенной экспрессивностью и эмоциональностью (*балдеж, врубаться, хавать*), яркой образностью (*совок, кадрить, комок, мочалка, приподняться*). При этом каждому новому поколению представляется рутинным не только язык "взрослого" общества, но и наследуемый сленг, поэтому молодежный подъязык в целом отличается

лабильностью, постоянным движением словаря, быстрым обновлением его состава (ср.: *милтон* - *мусор* - *мент*; *клевый* - *кайфовый*; *заколебать* - *достать* и т.п.). Новые номинации вместо старых - *бабки* (*деньги*), *баксы* (*доллары*), *ксива* (*документ*), *цивил* (*обыватель*), *деревянные* (*рубли*) - очень часто имеют для молодого говорящего то главное преимущество, что они являются новыми, другими. Но будучи новыми, они неизбежно оказываются и экспрессивными, демонстрируют выразительность осознаваемой внутренней формы и, главное, манифестируют причастность отправителя речи к некоей корпорации говорящих. А кроме того, в некоторых случаях (отдадим здесь должное сленгу) появляются и в полном смысле новые речевые единицы, то есть не имеющие денотативных аналогов в кодифицированном языке. Например: *чернуха*, *крутой*, *заморочки*, *разборки* и др., независимо от нашего отношения к этим единицам, - несомненные лексико-семантические новообразования, ставшие известными всем носителям русского языка и за пределами молодежной субкультуры.

Таким образом главный лингвистический феномен молодежного сленга - служить катализатором обновления, перехода отдельных речевых единиц из частных подязыков в литературное просторечие, а из просторечия - в разговорный литературный язык.

Просторечие и типы речевого поведения. Очевидно, что просторечие не может рассматриваться исключительно как речь малообразованных людей, как только отклонение от нормы. Это особая сфера нелимитированных самовыражений, внелитературных или "пограничных" относительно нормы. Отношение элементов живой речи к норме приводит некоторых авторов к признанию двух разновидностей просторечия: внелитературного и литературного (Филин 1977; Капанадзе 1984). Каждая из разновидностей представляет, наш взгляд, определенный тип речевого поведения - натуральный или функционально-регистровый.

Первый тип речевого поведения, натуральный, - это естественная и безальтернативная речь тех, кто не может говорить иначе, это малограмотная речь при отсутствии навыков литературной нормы. Носители просторечия в этом случае - субъекты естественного дистанцирования, ныне это преимущественно люди определенного социально-культурного статуса: с низким образованием, часто негородского происхождения, обычно пожилого возраста. Ср.:

- *Я извиняюсь, вы с Москвы, да? А я с Ленинграда* (разговор в троллейбусе); - *Хозяин, слышь, обратно бунина выхлопнулась, по-новой переделать надо* (из речи маляра).

Речевое поведение данного типа обнаруживается на всех основных уровнях языка: в произношении, морфологии словоформ,

словообразовании, в лексике и фразеологии и отчасти в синтаксисе. Таковы, например, неверные словесные ударения (*зво'нит, по'няла, шо'фер*), некорректные морфологические формы (*ящика', слесаря', местов, слабже, ездю/ехай, хоти'шь, становь*), словообразовательные производные (*мужчинский, мальчуковый, диабетчик*), некоторые нелитературные номинации (*вихотка, маленько, обратно* - в значении "опять", *культурный* - в значении "вежливый"); а также целые выражения (*всё путём, сикось-накось, сколь хошь, всегда выпимиши*) и т.д., то есть все то, что можно назвать "сигналами невладения нормами литературного языка" (Ермакова 1984, с.130).

Второй тип речевого поведения в сфере просторечия - преднамеренное и сознательно ориентированное использование просторечия как особого функционально-стилистического регистра. Такой тип речевого поведения возможен лишь для тех, кто владеет устойчивыми навыками литературной речи. Это обратное преодоление дистанцирования, "сверху вниз", речевое обращение к низкому, вульгарному как своеобразное выражение "ностальгии по речевой свободе". Данный тип речевого поведения получил в последнее время самое широкое распространение, причем не только в речи молодежи, студентов и школьников, но и в среде интеллигенции, прежде всего городской, стал обычным явлением в современной газетно-телевизионной публицистике и успешно имитируется в новой беллетристике. Таково ставшее модным среди части интеллигенции преднамеренное (игровое, имитационное) использование непристойной, низкой лексики, русского мата, некорректных или малограмотных образований, то есть специфический "поход в люди". Ср., например:

- *Ты чё, милок, хреновых мне наклал? Ты покрасивше ложи!* - высказывание господина вполне интеллигентного вида (ситуация покупки огурцов на городском рынке в Петербурге), обращенное к простоватому старичку-продавцу. Речевое действие с яркой просторечной окраской со всей очевидностью ситуации свидетельствует о якобы шутливой имитации говорящим "простого человека" с определенной целью. Аналогичную фамильярно-снисходительную имитацию можно отметить и в распространившемся ныне бытовом обращении к незнакомым старым людям с использованием слов *бабуля - дедуля (бабулька - дедулька)* и глагольно-местоименных форм в ед. числе:

- *Садись, бабуля, что стоишь! -Эй, дедулька, не стой на проходе!*

Будет, однако, сильным упрощением ограничиться только двумя выделенными типами речевого поведения - естественным и регистровым. Между этими крайними типами находится еще один, третий и, увы, самый распространенный - речь полубразованных людей, обладающих неустойчивыми навыками литературной нормы, тех, кто лишь отчасти ощущает функциональную специфику элементов просторечия, но в полной

мере не умеет контролировать свое речевое поведение. Как правило, это горожане по рождению, люди простых профессий и самых разнообразных занятий с общим или специальным, а иногда даже с высшим образованием, но часто с незатейливым воспитанием, то есть современный *демос* со средним или невысоким культурным уровнем. Говорящие данной группы в той или иной мере обладают способностью регулирования, переключения речевых действий с просторечных на нормативные и обратно. Такие переключения обычно происходят в условиях формального общения в официальных, нестандартных для говорящего условиях: с учителями в школах, с чиновниками в канцеляриях, с врачами в поликлиниках и больницах, с продавцами в магазинах и особенно с "начальниками" в муниципальных и прочих учреждениях.

Будем, следовательно, различать: (1) естественное безальтернативное пользование просторечием, (2) использование просторечия как специального регистра, (3) промежуточный тип речевого поведения - частично контролируемое использование просторечных единиц полубразованными носителями русского языка.

Структура и системные признаки современного просторечия.

Просторечие занимает центральное, базовое положение в сфере внелитературной живой речи, примыкая непосредственной к разговорному литературному языку "сверху" и энергично взаимодействуя с многочисленными социальными подъязыками "снизу". Состав просторечия, по преимуществу лексический, закономерно характеризуется значительной пестротой номинаций. Пестрота предопределяется различиями просторечных слов по происхождению (из региональных крестьянских и городских диалектов, социальных и профессиональных жаргонов, из иностранных языков), по "возрасту" заимствований (традиционные просторечные слова и новообразования), по отношению к различным нормам (языковым и культурно-этическим), а также по отношению к носителю просторечия и по характеру использования просторечных слов. В основе просторечия как естественной системы можно видеть три главных слоя так называемой ненормативной лексики.

Первый слой, - собственно "простая" речь, фиксированный и сравнительно небольшой по объему сниженный лексикон, популярный у людей с невысокой культурой: "мать" - *мамаша*, "женщина" - *баба*, "мужчина" - *мужик*, "голова" - *башка*, "мальчик" - *пацан*, "идти" - *топать*, "есть" - *жрать*, "ложь" - *брехня* и др. Это достаточно устойчивый, стабильный круг лексики, традиционно фиксируемый толковыми словарями с соответствующими пометами типа *прост.* - "просторечное". Многие из подобных слов имеют функциональные варианты, синонимы с различной образностью: *мамаша* - *маманя*, *башка* - *кумпол*, *пацан* - *малец*, *топать* -

переть, вкалывать - горбатиться, жрать - лопать и т.п. Являясь смысловыми или функционально-стилистическими дублетами к соответствующим нормативным литературным номинациям, подобные лексические единицы, ненормативные, обычно характеризуют речь тех, кто лишен устойчивого навыка владения литературной речью, не всегда чувствует разницу между вариантами либо не привык пользоваться ими осознанно или даже не знает вариантов. Именно эти популярные образования традиционно составляют главный предмет усилий нормализаторов-практиков. Впрочем, подобная лексика может выполнять и регистровую функцию, сознательно использоваться для экспрессивного снижения, для социальных имитаций (второй тип речевого поведения). Второй слой, "нижний", образует весьма специфический и ограниченный круг лексики, - так называемое грубое просторечие, или вульгарная табуированная лексика, включающая два тематических объединения: первый - обозначения "телесного низа" и его физиологических функций: *жопа, говно, срать, ссать, блевать, бздеть, пердеть*; второй - традиционные номинации совокупления: *хуй, пизда, ебать, блать, сука, манда*, так называемый русский мат. Эти древнейшие и традиционные для русского быта и русской речи слова отличаются, с одной стороны, общеизвестностью, а с другой стороны, столь же традиционным конвенциональным запретом: не только языковой, но и этической ненормативностью. Каждый из этих двух тематических объединений располагает десятками словообразовательных и фразеологических производных, семантика и функции которых выходят за пределы исходного смысла и служат для выражения максимального, а потому и наиболее эффективного эмоционально-экспрессивного самовыражения говорящего, для типовых инвективных действий: оскорбления, катарсиса, понижения статуса адресата (см.: Жельвис 1991, 333). И здесь, однако, следует различать два типа использования табуированной лексики, два типа речевого поведения. Натуральное речевое поведение связано с использованием подобных слов в их прямой функции для называния того, что нередко не имеет соответствующей нейтральной и общедоступной номинации в обыденном языке ибо сложные эвфемистические построения для деликатного обозначения "запретных" понятий под силу не всякому носителю языка. Функционально-регистровое использование таких слов обычно связано с целенаправленной инвективной их функцией. Третий слой просторечной лексики и фразеологии - самый многочисленный, подвижный и нестабильный, - это обширная система общеупотребительных или общеизвестных новообразований, реноминаций известных понятий или заполнений смысловых лакун, например: *поддавать, кадрить, мандражировать, обаяшка, подлянка, прибабахи, надрывать пупок, компостировать мозги* и т.п. Это всегда экспрессивные

единицы, выходящие из ограниченной сферы какого-то социального (реже территориального) подязыка и становящиеся общедоступными речевыми фактами. Главные системные свойства просторечной лексики этого слоя - открытость и нестабильность.

Открытость просторечия означает свободное проникновение в него единиц из сопредельных коммуникативных подсистем: из литературного языка с экспрессивной модификацией и снижением значения (*катить бочку, кидать, клеиться, козел, кошелка, крутой, купить*), из территориальных диалектов (*клевый, шугаться, зенки, лабуда*) и в особенности из социальных подязыков, среди которых традиционно первенствует воровское аргю (*борзеть, крыша, мент, наезжать, пахать, петух, продать, разборка* и др.). Активными источниками современного просторечия стали жаргон наркоманов (*наркота, улет, торчать, кайфовать, отрываться, балдеть, прикалывать(ся), врубиться, лом, крыша поехала, сесть на иглу* и др.), подязык мелких торговцев (*навар, прокрутить, баксы, комок, лимон, нал/безнал, отстегнуть*), а также профессиональные жаргоны музыкальной и телевизионной богемы (*попсовый, хитовый, раскручивать, поставить на уши, фан, лабух, порнуха, чернуха* и пр.). Главным катализатором закрепления новообразований в современном просторечии является, как отмечалось, массовый молодежный подязык - сленг.

Нестабильность современного просторечия проявляется в неустойчивости его состава. Постоянно появляющиеся просторечные новообразования ждут три типичных исхода: (а) исчезновение из активного просторечного обихода, угасание (ср.: *милтон, стибрить, шкет, зырить, битловка, стилига* и др.), (б) закрепление в просторечном языковом пространстве (*ишачить, обтяпать, промазать, лопух, кирять, делать ноги* и т.п.); (в) нормализация (*блат, промазать, беспредел, тусовка, пижон* и т.п.), при которой ненормативная просторечная лексика легко становится разговорной, проникает на страницы вполне уважаемых газет и начинает претендовать на кодификацию. В этом смысле интересна судьба популярных ныне слов *тусоваться* и *тусовка*, проникших некогда из языка картежников (*тасовать карты - тасоваться - тусоваться*) в молодежный сленг, а оттуда в массовое городское просторечие. Ср.:

Антон считает себя человеком домашним. Тусовкам предпочитает компьютер и книги фантастов (Комсомольская правда, 2/06/96); *Наши либералы-избранники... тусуются в обнимку с кем попало, бесшабашно заедают шампанское икрой под дулами телекамер* (Литературная газета, 30/04/97).

Показательно, что "отчуждение" этих уже бывших сленговых единиц в пользу массового просторечия и разговорного языка вызвало в молодежном подязыке своеобразную регенерацию понятия: появилось

обновленное сленговое *тусняк* в том же значении, что и *тусовка*, но с усиленной снисходительно-пренебрежительной коннотацией.

Нестабильность основного слоя просторечия стимулируется естественной жизнью общества, внутренними процессами развития "третьей" культуры и постоянным поиском новых номинаций для **выражения сильных чувств и резких оценок**, то есть для обновления экспрессивного потенциала речи. Нельзя не признать, что как для рядового, так и для искушенного носителя языка в ситуациях свободного бытового общения многие внелитературные номинации представляются гораздо более эффективными по коммуникативному воздействию, чем их нормативные аналоги. Просторечные экспрессымы всех трех слоев ненормативной лексики отличаются особой образностью, силой экспрессии и эмоциональностью, то есть довольно часто обладают большим, чем "нормальные" литературные слова, объемом функционально-семантического содержания, что и предопределяет их массовое использование. Ср.:

Поразительно устроен русский алкаш. Имея деньги - предпочитает отраву за рубль сорок. Сдачу не берет... Да и сам я такой (С.Довлатов, Заповедник); *Бабки в огородах не хотят горбатиться на бомжей, пользующихся плодами их труда* (Известия, 7/08/97); *Для мрачноватого на вид человека с Апрашки по имени Фима 1 мая - обычный рабочий день: "Главное - бабки забомбить, остальное - мишура"* (Аргументы и факты 18/97); *Через две недели ему зашили в задницу пиллюлю... Надо было начинать все сначала, восстанавливать связи, объяснять, что он завязал...* (А.Саломатов, Синдром Кандинского).

Другой весьма распространенный стимул обращения к просторечию как к особому функциональному регистру - **социальная самоидентификация**, унаследованная от некоторых социальных подъязыков и особенно от молодежного сленга. Лексика основного слоя просторечия нередко находится на границе между общеизвестностью и субкультурной принадлежностью, сохраняет социокультурные признаки своего источника. Поэтому, используя в общении просторечные слова, говорящий часто как бы заявляет и о своей речевой свободе, раскованности и при этом манифестирует свою принадлежность к "простым людям", к искушенным в молодежной субкультуре (*доставать, балдеть, отрываться, отпад, прикид*), к особому слою преуспевающих "новых русских" - *крутых*, у которых *все куплено, все схвачено* (*наварить, кинуть, иметь крышу, схватить тачку, отстегнуть баксы*), к так называемому криминалитету - криминальному миру (*авторитет, зек, пахан, забить бабки, мокруха, капуста*) или к музыкально-концертной богеме (*попса, лабать, лажануться, раскрутка, стоять на ушах*) и т.д.

Древнейший стимул регистрового использования современного просторечия - **комический**. Новизна многих просторечных образований, экспрессивность и образность некоторых популярных словечек, присловий и выражений, осязаемая внутренняя форма большинства из них позволяет легко достигать юмористических эффектов, балагурить (*брать на понт, духарить, подначивать, доставать, вешать лапшу на уши, прикалываться, хохмить*). Потребитель "третьей культуры", носитель массового просторечия охотно откликается на смеховую коннотацию просторечных образований, некоторые из которых нельзя не признать удачными. Ср.: *бормотуха* (дешевое низкокачественное вино - от "бормотать" в состоянии опьянения), *бомжатник* (место обитания или содержания бездомных людей - от "бомж" и по аналогии с "курятник", "крольчатник"), *демократизатор* (резиновая дубинка - от "демократия" и по аналогии с названиями предметов и лиц по функциям), *улетать* (приходить в восторг, восхищаться, ср.: *улётный, в улёте*), *остаканиться* (выпить спиртного, опьянеть), *обезьянник* в *ментовке*, куда привозят в *ментовозе* (помещение для задержанных в отделении милиции, куда доставляют в специальном автомобиле) и т.п. Использование подобных образований способно удовлетворять и эстетические потребности говорящего, ибо это ничто иное как стихийные проявления анонимной народной поэтики, массовой смеховой культуры, балагурство как игра со словом: с его внутренней формой, многозначной семантикой и фонетическим обликом (см.: Лихачев 1984, 3).

Четвертый стимул - **стремление к новациям**, к заполнению номинационных лакун. Являясь серьезным и наиболее продуктивным источником пополнения лексического состава языка, именно просторечие регулярно порождает лексические и семантические новации, многие из которых имеют тенденцию закрепиться в нормативной разговорной речи или уже входят в нее: *наличка, оборонка, силовик, теневик, симпатия, доходяга, чернуха, навороченный, кучковаться, отыгаться, засветиться, копать* (под кого-л.), *зависать* и т.п.

Просторечие и образ антимира в русском культурном пространстве. Множественность стимулов развития и употребления просторечных средств, различие способов и источников пополнения системы просторечия не размывают при этом его типологического единства, того, чем просторечие в целом противопоставлено литературному языку, а "третья" культура - культуре элитарной. Если литературный язык - это **мир** (космос знаков, значений и функций), то просторечие - **антимир** с единым семантическим императивом снижения. Все многообразие просторечных экспрессий подчинено идее снижения, утверждению низкого, как противопоставленного не только высокому, но и нейтральному,

стандартному, официальному. Как и "третья" культура, городское просторечие во многих своих проявлениях сознательно и принципиально дистанцируется от **мира**, находится в оппозитивном противопоставлении к "высокому миру", а заодно и к отождествляемой с ним официальной культуре, официальной морали, общепринятой нравственности, то есть к нормам в широком смысле: этическим, эстетическим, социальным, а также и лингвистическим: не "хочу есть", а *дай жрать*; не мужчина/женщина, а *мужик/баба*, не девушка, а *пацанка, чувиха, кадр, мочалка*, не удовольствие, а *кайф* или *балдеж*, не наслаждаться, а *оттягиваться, торчать* и *улетать*, не милиционер, а *мусор* или *мент* и т.п. Разумеется, отторгая литературные нормы, мир просторечия утверждает свои собственные "нормы": частные, локальные традиции, подчиненные невзыскательным вкусам массовой культуры и переменчивой моде (Костомаров 1994). Все это создает как бы иной, особый мир - **антимир** (или иллюзию такого мира-антимира): одновременно стабильный и постоянно обновляемый, зависимый (рефлексивный, стадный) и одновременно свободный, раскованный, но при этом упрощенный, часто смеховой, игровой и почти неизбежно вульгарный. Каково место этого антимира в русском культурном пространстве?

Если представить русское культурное пространство в виде трех главных систем - традиционная народная культура, массовая популярная культура ("третья") и элитарная, высокая, - то нельзя не заметить бросающийся в глаза парадокс. Две базовые, исторически первичные системы в структуре культурного пространства - народная культура и культура элитарная - отличаются определенной социальной ограниченностью, в то время как промежуточная "третья" культура и обслуживающее ее просторечие оказываются массовыми и общедоступными. Традиционная народная культура - крестьянская, территориальная, диалектно неравномерная, с целыми рядом типовых признаков и множеством местных вариантов, воплощенная в фольклоре, национальном костюме, в народных ритуалах, музыке и танцах, в художественных промыслах - явление угасающее, растворяющееся в современной интегрирующей цивилизации. И хотя этнографы и филологи пытаются сохранить элементы этой культуры, но вся наша история, цивилизация, а в особенности городская полукультура средствами массовой информации "неумолимо стирают богатый и красочный ландшафт славянского традиционного быта, нравов, обычаев и местного языка" (Голстой 1995, 20) и тем самым все более приводят традиционную культуру к естественной социальной ограниченности.

Другого рода ограниченность характеризует систему элитарной культуры. Культура образованного слоя, "книжная", высокая, представленная в русском культурном пространстве высшими материальными и духовными достижениями: книжный литературный язык, классическая

художественная литература, лучшие образцы живописи, музыкального и сценического искусства, архитектуры и т.д., - все это в значительной мере культура меньшинства, элиты, образованных слоев населения. Народность Пушкина, Гоголя, Некрасова, Глинки, Чайковского или Сурикова отнюдь не означает, что глубинное, истинное содержание их творчества доступно всему народу, а не немногим посвященным (не говоря уже о Достоевском, Блоке, Серове, Шостаковиче и многих других). Разумеется, элитарная художественная культура и в ее самых высоких достижениях косвенно воздействует на все русское культурное пространство, устанавливая высокую планку вкуса, меры, мастерства и способов видения мира, однако подавляющее большинство "потребителей искусства", субъектов и адресатов культурного процесса гораздо сильнее расположено не к высокой культуре, а к полукультуре - промежуточной, массовой, общедоступной "третьей" культуре. Аналогичную ситуацию можно обнаружить и в языковом пространстве: известной социальной ограниченности кодифицированного литературного языка, исторической ограниченности базовых территориальных диалектов противопоставлена массовость и глобальность ненормативной общеупотребительной лексической подсистемы - современного городского просторечия.

Экспансия "третьей" культуры и современного городского просторечия - подготовлены длительными историческими процессами естественного этнокультурного и этноязыкового **дистанцирования**, то есть разделения, разобщения этноса на социокультурные слои, классы: деревня и город, мастеровые и служащие, образованные и необразованные (малообразованные), элита и основные массы народа. Этнокультурное и этноязыковое дистанцирование проходило снизу и сверху.

Дистанцирование снизу начало осуществляться в связи перемещением крестьянских масс из деревень в города (в России этот процесс активизировался с начала XIX века), где деревенский житель дистанцировался от привычной культурной среды. В деревне крестьянин был *свободным*, в старом значении этого слова, то есть принадлежал к определенной этнической группировке, дому, роду, общине - там он был *свой* (*свободный* < *свой*, см.: Колесов 1986, 105), важный член единого в культурном отношении сообщества. "В городе он никто. Самая сложная задача человека в городе - обратить на себя внимание, заявить о себе как о личности..." (Ямпольский, 1997, 68). И вот обезличенная масса вчерашних крестьян, носителей разных местных субкультур создает свою новую культуру. Образцом для нее оказывается "господская" высокая культура, понимаемая внешне, вульгарно, а материалом служат элементы доступной традиционной культуры, вывезенные из деревни. Так появляются знаменитые лубок и "жестокий" городской романс - причудливые смешения мелодраматичности, наивности, утрированной

сентиментальности, незатейливого юмора и специфического городского языка. К концу XIX века эти виды массового городского творчества становятся необычайно популярными и благосклонно расцениваются верхами как "культура для народа".

Параллельно происходит и дистанцирование **сверху**. Наиболее привилегированные слои населения, аристократия, естественно отдаляясь от прочего народа, вырабатывают особые манеры бытового поведения, социального этикета, придворной культуры, отказываются от непосредственного проявления желаний и чувств. С начала XVIII в. в России постепенно происходит отторжение элиты от естественного бытового поведения как вульгарного, зарождаются новые, осложненные социальные связи. Так сформировалась оппозиция *высокой* культуры, элитарной, и *низкой*, народной. Между тем и элитарное общество не довольствуется только высокой культурой и ее строгими канонами, так или иначе ищет способы и формы выхода за пределы норм: моральных, этических, эстетических и языковых. М.Ямпольский, ссылаясь на исследования немецкого социолога Норберта Элиаса, пишет, что складывание придворной культуры в европейском средневековье было связано "с возникновением рыцарского романа, в котором герои дают волю своим страстям. Непосредственность, необузданность поведения переносятся в сферу иллюзий. Когда "цивилизующий процесс" достигает буржуазии, на рынок выходит криминальный роман, в иных формах выражающий нарушение социальных норм. Возникает хорошо знакомая нам романтика уголовного дна, типичная для массовой культуры" (Ямпольский, там же).

Это очень важное замечание, вскрывающее механизм порождения "третьей" культуры "сверху", а также амбивалентное отношение к ней. С одной стороны, это культура массового единения разобщенных людей вокруг доступных для их понимания идеалов: "роковая страсть", "неземная красота", "неслыханная любовь", "сказочное богатство". С другой стороны, "третья" культура - это преднамеренное снижение как выход из сложных социальных связей и условностей, из многочисленных скреп официального этикета, высокой морали, строгой нравственности. Тем самым промежуточная культура создавалась одновременно "снизу" и "сверху": "снизу" она вульгарно подражала высокому миру, а "сверху" откровенно и порою цинично стремилась к низкому, антимиру. Такая двунаправленность процесса этнокультурного дистанцирования дала необыкновенные плоды. В XX столетии "цивилизующий процесс" привел городскую культуру к поразительному размаху. От лубка, наивной живописи и городского романса промежуточная культура пришла к мощной индустрии массовой популярной культуры (масскультуры, попкультуры) с чрезвычайно развитой жанрово-видовой системой: популярная песня, мюзикл, рок-

опера и пр. в музыкально-сценическом искусстве; детективно-приключенческие и любовно-эротические романы в беллетристике; анекдот в городском фольклоре; триллеры, боевики, "мыльные оперы", телеконкурсы, видеоклипы в кино-, теле-, видеопродукции и многое-многое другое. Если на заре становления промежуточной культуры аристократия, а затем интеллигенция лишь время от времени позволяли себе снизойти в Эдем, развлечься романтикой низкого (ср.: "Тень Баркова" А.С.Пушкина, "Петергофский праздник" М.Ю.Лермонтова, "жестокие" городские романсы Ап. Григорьева и А.Блока, известные очерки В.А. Гиляровского), то к концу XX века дистанция между высокой и популярной культурой стала опасно короткой, и граница между высоким и низким, элитарным и массовым проходит уже не столько между социальными слоями, жанрами и видами искусств, сколько внутри них. Аналогичный процесс **варваризации** (Ларин 1928, 62) можно наблюдать и в языковом пространстве: современное просторечие - это уже не только подъязык определенного городского социума, но и мощный функционально-семантический регистр, экспансивный, даже агрессивный массовый язык экспрессивного самовыражения, активно проникающий в прежде запретные для него сферы публицистики, словесных искусств, официального и бытового общения.

Литература

Ермакова О.П. Номинация в просторечии // Городское просторечие: проблемы изучения / Отв. ред. Е.А.Земская, Д.Н.Шмелев. М.: 1984, с.130-140.

Жельвис В.И. Функциональная характеристика инвективного словоупотребления: проблемы эволюции // Лингвистика: Взаимодействие концепций и парадигм. Мат-лы межведомственной научно-теор. конф. Вып. I, Ч. 2. Харьков - 1991. - с.333-336.

Жирмунский В.Д. Национальный язык и социальные диалекты. М.-Л.: 1936. - 299 с.

Капанадзе Л.А. Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие: проблемы изучения / Отв. ред. Е.А.Земская, Д.Н.Шмелев. М.: 1984, с 5-11.

Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. - 312 с.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-Пресс, 1994. - 247 с.

Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // Русская речь. Под ред. Л.В.Щербы. Новая серия. Вып. III. Л.: 1928, с.61-74.

Лихачев 1984: Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. - Л.: Наука, 1984. - 295 с.
Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Издательство "Азъ" Ltd. 1992.
Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. - М.: Издательство "Индрис", 1995. - 512 с.
Философский энциклопедический словарь/Гл. редакция: Л.Ф.Ильичев, П.Н.Федосеев, С.М.Панов - М.: Сов. Энциклопедия, 1983. - 840 с.
Ямпольский М. Культура вульгарности // Итоги, 11 февраля 1997 г., с.68-69.

Особенности языковой коммуникации в словенских землях в XVII-XVIII
веках

Стиль протестантских текстов указывает на оригинальность словенской Реформации, протекавшей под сильным влиянием Гуманизма. Ввиду чисто религиозного предназначения, ему свойственно почти полное отсутствие светской линии, характерной для эпохи средневековья. Однако в рамках протестантской программы полностью достигается жанровая расчлененность - от средств художественного выражения в некоторых псалмах, до специальных теологических или юридических фрагментов. В то же самое время в разных протестантских произведениях с очевидностью просматриваются и различные диалектные языковые особенности. В целом же создание у словенцев собственных книжно-литературных идиомов на народной основе, связанных с влиянием идей Реформации, свидетельствует о демократизации на уровне изменений в языковой ситуации. Появление литературных идиомов на основе народной речи вызвало к жизни конкуренцию между ними и неродными языками (латынью, немецким, а также итальянским и венгерским), ограничению сфер функционирования последних. Одновременно, проникновение народно-разговорного в своей основе книжного языка словенских протестантов в сферу достаточно высокой культуры, приводило к расширению коммуникативных возможностей народного языка, отныне получившего пусть и ограниченную возможность использовать его в качестве языка письменности. Правда, в XVII веке, в период контрреформации в словенских землях наблюдается постепенный отход от традиций, заложенных в XVI веке. Несмотря на относительную неблагоприятность общей атмосферы в Европе, эпоху барокко в XVII веке в словенских землях все же можно рассматривать как период расширения культурной традиции литературного языка именно в сфере речевого общения. Эти процессы происходят здесь скорее „вопреки”, нежели „благодаря” - при отсутствии соответствующей кодификации - последующие словенские грамматики издаются лишь в XVIII веке. Отсутствуют и столь необходимые в подобной ситуации словенские словари. Элементы барокко особенно интенсивно проникают в жанр, композицию и стилистику. Наиболее влиятельными в этот период становятся гореньские диалекты.

Языковая коммуникация по-словенски в этот период отличается социальной пестротой и разнообразием. Мы считаем необходимым внести определенные коррективы и исправления на устоявшуюся уже в словенской историографии точку зрения о том, что в XVII-XVIII вв. в

словенских землях высшие слои - дворянство, богатые и средние горожане (которые принадлежали преимущественно к немецкой или итальянской национальностям, в то время, как крестьяне и беднейшие горожане являлись словенцами) использовали во всех сферах коммуникации немецкий, латынь и итальянский языки при полном пренебрежении к словенскому языку. Последним же, якобы, пользовались только низшие классы общества.

Новые материалы выдоизменяют эту картину. Действительно, в Габсбургской монархии к середине XVIII века установилась своеобразная языковая иерархия: на ее вершине находился латинский язык, который, хотя и терял постепенно свои позиции, все же еще сохранялся в церкви, науке, школе. На втором месте стоял итальянский язык, на котором говорило высшее общество. Третье занимал немецкий - язык официальных документов, чиновничества, богатых и средних горожан, интеллигенции. И только на самом последнем были языки славянские, в том числе и словенский - язык низших слоёв населения, крепостных крестьян, беднейших горожан. Однако статус словенского языка был уже в этот период значительно выше, чем представляется, а коммуникативная функция значительно полнее - он имел достаточно широкое хождение в некоторых семьях дворян и состоятельных горожан. Вот некоторые факты, свидетельствующие об этом. В национальной библиотеке Вены сохранились три книги, содержащие информативные записи разговоров с людьми, желавшими вступить в иезуитский орден. С 1648 по 1737 г. в него вступили 42 выходца их словенских земель, главным образом из среды дворян и горожан. 20 из них прибыли из Крайны и все говорили по-словенски. Причем, 17 из них на вопрос о знании языков на первое место ставили словенский и только на второе - немецкий язык.

До середины XVIII века дворянство в Крайне, как предполагают исследователи, было двуязычным. Об этом свидетельствует, в частности, перерписка представителей дворянских фамилий во Внутренней Крайне, Триесте (Горице) и других местах, которая велась по-словенски, с употреблением уже выработавшихся на словенской языковой почве определенных эпистолярных стереотипов. В то время словенский язык не считался зазорным и для дворян, и они пользовались этим славянским языком наравне с немецким и итальянским. Прежде всего это относилось к центральной словенской провинции - Крайне. Среди иезуитов, выступавших в первой половине XVIII века с проповедями на словенском языке, были два барона - Людвик Нойхауз и Даниэль Вальвасор. Перу последнего принадлежит знаменитое энциклопедическое описание герцогства Крайнского (J.W.Valvasor, Die ehre des hertzogthums Crain, Nürnberg, 1689), из которого мы узнаём, что в XVII веке словенский язык на этой территории являлся языком официального общения. Одна из глав

этой книги посвящена подробному описанию особенностей этого языка и носит название „Краньско-словенский язык” (Kranjsko-slovenski jezik).

Среди горожан Крайны словенский язык был ещё более распространен. Здесь, например, в 1750 году все городские судьи за исключением судей Любляны, Нового Места и Кршко присягали на словенском языке. В последующие десятилетия положение резко меняется не в пользу словенского языка, т.к. во 2-й половине XVIII века после реформ Марии Терезии и Иосифа II онемечивание словенских городов происходит быстрыми темпами. Подобные процессы в это время проходили и в других славянских землях Габсбургской империи, в частности, в чешских городах.

В конце XVII- первой половине XVIII века словенский язык в литературных произведениях и научных трудах употреблялся довольно редко. Мы уже упоминали об „иерархии” языков на словенской этнической территории. В это время в словенских землях, как и во всей Австрийской империи, языком литературы и науки был по преимуществу латинский. На словенской этнической территории немецкий язык использовался только в тех случаях, когда авторы предназначали свои сочинения для возможно более широкого круга читателей. О том, что до середины XVIII века немецкий язык не занимал в Габсбургской монархии главенствующего положения, свидетельствует тот факт, что кафедра немецкого языка в Венском университете была открыта только в 1749 году.

Словенский язык достаточно широко использовался в устной форме в церкви, где проповеди читались преимущественно по-словенски. В литературе словенский язык использовался в качестве „низкого стиля”. Например, в хорватском переводе мольеровской комедии „Жорж Данден” по-словенски говорили слуги и другие лица низкого происхождения. В представлениях на немецком языке для краньских господ на словенском языке также говорили персонажи из низших сословий, в частности, им широко пользовались в сценах крестьянской свадьбы. В „высоком стиле” словенский язык употреблялся чрезвычайно редко. Так, например, в упомянутой выше, написанной по-немецки книге И.Вальвасора „Слава герцогства Крайны”, некий Йозеф Зизенчели поместил оду на словенском языке, восхваляющую этот труд.

В канун национального возрождения появились и первые переводы на словенский язык официальных документов - патентов от 1754, 1764, 1766 гг. (Orožen M. Jezik učnih knjig v 19. stoletju. - In: XV. seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Zbornik predavanj, Ljubljana, 1979. S. 157-158.)

С наступлением контрреформации с 1615 по 1672 г. книги на словенском языке не издавались. Лишь в 1672 году люблянский епископ Янез Людвик Шенлебен выпустил в свет сборник, включающий переводы

на словенский язык евангелия, катехизиса, некоторых словенских церковных песнопений. В конце XVII века духовную литературу на словенском языке выпускали новоместский каноник Матия Кастелиц, капуцин Янез Светокрижский, иезуит Ерней Басар и другие. Таким образом, XVIII век на словенских землях можно представить обобщенно как время спорадического, пульсирующего развития словенской речевой практики, очень слабо нормированной и кодифицированной, которая в центре и на периферии словенской этнической территории (Любляна, Каринтия, Штирия, Прекмурье) закрепляет локальные языковые элементы, (особенно в лексике), сохранившие свой местный характер во многом до наших дней.

Венгерские слова в русском языке

I. Венгрия и венгры обычно предстают перед читателями в произведениях тех русских писателей, которые в каком-либо качестве - путешественников, военнослужащих, политиков или же репортеров и писателей - побывали в нашей стране. Эти столь различные по своему объему и стилю произведения могут в равной степени оказаться поучительными как для историка, так и для социолога или психолога, ибо, этот внешний наблюдатель, - порой по каким-то причинам с известной долей предвзятости, порой беспристрастно и объективно - ставит перед нами зеркало и показывают в нем нас самих, позволяет нам увидеть те наши достоинства и недостатки, которые мы либо просто не замечаем, либо привыкли оценивать по-другому. Тем не менее в данной работе нами будут рассмотрены не те аспекты проблемы, о которых шла речь выше, а в первую очередь то, какие языковые единицы венгерского языка попали в русский язык и получили там определенный лингвистический статус, психологических же, общественных и эмоциональных аспектов этой проблемы мы будем касаться лишь попутно. Мы не преследовали своей целью глубоко и детально описать проникновение венгерских элементов в русский язык, их этимологию и адаптацию, как это делает Атилла Холлош в своей монографии " Magyar elemek az oroszban", мы пытались представить новые данные, показав, какие ещё, помимо уже отмеченных, слова встречаются в произведениях авторов, ранее не цитировавшихся. Эти венгерские элементы в русском языке демонстрируются на примере полных (лишь в редких случаях сокращенных) предложений, что делается не только по лингвистическим соображениям, но также и для того, чтобы дать читателю возможность получить квази-эстетическое удовольствие, конечно, не без помощи прекрасных русских авторов.

II. В корпусе представлено 317 венгерских элементов, встроенных в русские предложения. Они могут быть сгруппированы различным образом, однако, стремясь отразить их многообразие, мы бы не только увеличили и без того значительный объем работы, но и сделали бы её труднообозримой. Принимая во внимание эти соображения, мы выбрали наиболее простой способ категоризации.

К первой большой группе относятся заимствования. Как указывает Атилла Холлош, " собственно заимствования из венгерского языка, то есть заимствования, проникшие в русский язык в результате непосредственных языковых контактов, в русском языке почти не встречаются..." (Hollós 1996:5). И среди обнаруженных нами элементов эта группа, естественным образом, является самой малочисленной.

Займствованиа:

dolmány, hajdú, huszár, paprika

Слова *dolmány, hajdú* és *huszár* мы находим и в словаре Даля, слова *paprika* в нем нет, однако в ОСРЯ оно уже отмечено. Все четыре слова приводятся и Аттилой Холлошем с указанием других источников.

Ко второй группе относятся иностранные слова, которые далее подразделяются на так называемые собственно иностранные слова и на представляющие самую обширную группу корпуса слова-цитаты.

Иностранные слова:

antal, bisztró, butik, eszpresszó, forint, pengő, rekamié

Существительные *forint* és *pengő* указаны в КСИС, у Даля же отмечено только слово *antal*.

К нарицательным существительным относятся слова, обозначающие профессию, должность, ранг:

alispán, cserkész, csikós, főispán, főjegyző, főtörzsőrmester, házmester, hercegprímás, juhász, kanász, levante, mester, prímás, újságíró, vincellér

и этнонимы:

cigány, kun, labanc, sváb

К именам собственным принадлежат :**географические названия:**

Alföld, Kisalföld, Angyalföld, Balaton, Belső, Belváros, Békeváros, Dunakanyar, Dunaújváros, Dunántúl, Erzsébet-híd, Halászbástya, Hármashatár-hegy, Hidegkút, Jánoshegy, Kokastó, Körönd, Kőbánya, Lánchíd, Magyarország, Margitsziget, Mezőföld, Nagyiván, Nagykörút, Nád-udvar, Népköztársaság u, Népliget, Oktogon, Óbuda, Palócföld, Nagyiván, Pécs, Pusztazer, Szabadsághegy, Sztalinváros, Túr, Vár (Будапештская крепость), Városliget, Vérmező, Vidámpark, Viharsarok, Vöröskő.

имена :

Ambrus, Angyal, Attila, Árpád, Bornemissza Péter, Dankó Pista, Ferenc Jóska, Gjorgej (Görgey), Hány János, Hunyadi János, Keserű (фамилия), Kinizsi Pál, II.Rákóczy Ferenc, Szent István, Thököly, Szent László, Zrínyi Miklós.

наименования (названия газет, журналов, пьес) :

Adáshiba(пьеса К.Сакоуи), Az én újságom, Dunántúli Napló, Esti Hírlap, Élet és irodalom, Forradalom, Jövendő, Kassai munkás, Képes újság, Kincskereső, Kisdobos, Kortárs, Magyar Nemzet, Néphadsereg, Népszabadság, Népszava, Pajtás, Sarló és kalapács, Szabad élet, Szabad nép, Szabadság , Szociális forradalom, Új szó, Új tükkör, Vörös katona, Vörös újság.

названия учреждений:

Arany bika (гостиница), Barátság tsz., Görög kancsó (кафе), Habselyem (фабрика), IBUSZ, IKARUSZ, Illetmény (учреждение), Kamaraszínház, Lampart, Lapkiadó, Magyar Pamutipar, Mátyás pince, Mezővíz (предприятие),

Műcsarnok, Nagycsarnok, Nemzeti Múzeum, Szépművészeti Múzeum, Új élet (кооператив), *Vigadó, Vígsház, Vörös csillag* (кооператив), *Zserbó* (кафе). Самую большую группу составляют иноязычные вкрапления. Внутри них можно выделить четыре подгруппы: в первую входят слова, во вторую - синтагмы, в третью - предложения, в четвертую - тексты.

Иноязычные вкрапления

У термина „вкрапления” в русском языке есть несколько эквивалентов. Супрун, например, говорит о "экзотизмах"

(Супрун 1958:51), Аттила Холлош отмечает, что в специальной литературе встречается термин "окационализмы", распространен в последнее время и термин "безэквивалентная лексика" (Верещагин - Костомаров 1973:53, 1976:71). В венгерской лингвистической и методической литературе мы также находим неодинаковые термины: Кишш, например, говорит о "словах образованности" (Kulturwort) (Kiss 1966:180), о "семантических вакуумах, лакунах" (Kosaras 1972), Лендваи о " Кошараш непереводаемых словах" (Lendvai 1986).

Значительную часть вкраплений составляют названия различных блюд. Это неудивительно, какой бы язык мы ни взяли, лексику, связанную с кулинарией, обычно не переводят, точнее, её и невозможно перевести, а поэтому авторы охотно прибегают к её оригинальным названиям.

1. Вкрапления-слова:

alma, aludni, antanténusz, babgulyás, barlang, basszam a, bácsi, bátyám, bejgli, bikavér, bogrács, borozó, buli, busójárás, búza, cifraszűr, cigánypcesenye, cukrászda, csárda, csárdás, cseresznyepaprika, csoda, csodák, csókolni, csuka, dalos, demizson, délibáb, direktorium, disznósajt, disznótor, dupla, előre, elvtárs, enni, éljen, fecske, fogas, földalatti, gatyá, gazda, gulyás, Hadúr, hajrá, halászcserda, halászlé, hát, ház, házak, hidivásár, honvéd, hurka, innya, isten, kakas, kapálni, kaszálni, kárász, kenyér, kerület, keszeg, kiállítás, kifli, kíváló, köszönöm, krumplic, kukorica, kutya, lángos, lelke, libegő, magyarság, matyó, másolás, megvagyok, mézeskalács, munkásegység, must, mustár, nemzetőr, néni, nyilasok, országház, oszlop, palacsinta, paprikaparadicsom, paprikás, pálinka, percc, pogácsa, politizál, porta, pörkölt, presszó, puttony, rendszer, rétes, sapka, skanzen, söröző, sugár, süllő, szaros, szeretem, szia, szilveszter, szív(e), szüret, szürkebarát, tallér, tenger, teremtette, tessék, típusház, tokaj(i), tovább, törzsgárda, trafik, tudom, túróscsusza, úr, út, utca, vásárnap, vicc, viszontlátásra, vitézkötés, zárszámadás, zsemle.

2. Вкрапления-синтагмы :

fehér kéz, lovas iskola, művész úr, nagy baj, rózsás ajkak, szép lányka, szép szem, tsz tej, úri kaszinó.

3. Вкрапления-предложения:

Beszél-e magyarul, Ejnye, be szép kepenyege vagyon kennek, Én tudom magyarul, Folyt.köv.folytatás következik, Huj, huj, hajrá, Jó napot kívánok, Jó napot kívánok, újságíró úr, Ki az ?, Köszönjük, barátaink, Köszönöm alázatosan, Magának vagyon, Mi ez?, Nem értem, Nem tudom, Nesze pacsi, Tervezte Mákolody József és Lippner Károly 1938, Valami van, Van papír.

4. Вкрапления-тексты :

Sej Abonyban kettő torony látszik,

De Majlandban harminckettő látszik.

Inkább nézem az abonyi kettőt

Mint Majlandban azt a harminckettőt.

Beszil en magyarul ? (tkp. Beszél Ön magyarul ?), Ein tudem magyarul (tkp. Én tudok magyarul), Szereten (tkp. Szeretem), Szíve, Lelki (tkp. Lelke), Eni (tkp. enni), Inya (tkp. Inni), Kedvis egisegire (tkp. Kedves egészségére), Kioszenem alazatosan (tkp. Köszönöm alázatosan), Maganak vagyium (tkp. Magának vagyon), Fegier kes (tkp. Fehér kéz), Roza ajaki (tkp. Rózsás ajkak), Szib szem (tkp. Szép szem), Szijlanko (tkp. Szép lányka), Tavasz szél vizet áraszt, virágom, virágom.

III. Примеры располагаются по формальному признаку, они следуют в алфавитном порядке по первой букве начального слова цитаты. Интересующие нас лексические единицы набраны курсивом для того, чтобы их быстрее можно было заметить. После примера в скобках указывается фамилия автора, затем следуют год издания и страница. Полные данные относительно источника можно обнаружить в библиографии, помещенной в конце работы. По соображениям экономии я избежал использования „sic!”, хотя многие слова - вполне понятным и объяснимым образом - у некоторых авторов употребляются не точно, Так, например, у Герасимовых слово 'zárszámadás' выступает в форме 'zárszámódás'. За редкими исключениями примеры взяты непосредственно из источника. Однако в случае Н.Н. Новича в скобках указывается и имя Золтана Ковача, тем самым я хотел указать на то, что пример попал в собрание через посредника. Это же касается и слова *vitézkötés* у Г.А.Потёмкина, на которое обратил мое внимание Лайош Тарди. Среди примеров немало таких, в которых фигурирует сразу несколько венгерских слов. У Дружинина слова *alma, búza, tenger* встречаются в одном предложении, я же повторяю эту цитату три раза, отдельно для каждого слова, в алфавитном порядке. Само собой разумеется, что примеры, состоящие из целых венгерских предложений или отрывков стихотворений, фигурируют только один раз, по первой букве начального слова, то есть *Sej Abonyban*, или *Ejnye, be szép kepenyege vagyon kennek* приводятся по словам *sej* и *ejnye*.

Русские предложения приводятся, по возможности, в несокращенном виде, однако в некоторых случаях из соображений экономии места приходилось

прибегать к их усечению. В таких случаях сокращение обозначено многоточием. В то же время были и такие примеры, когда за кажущейся пространностью стояла такая культурно-историческая ценность, которая говорила в пользу того, чтобы привести рассуждения автора полностью.

Одно и то же слово может встречаться у нескольких авторов или же у одного и того же автора/авторов несколько раз, каждый раз с новой датой. Например, слово *csárdás* демонстрируют семь примеров, первый датирован 1860 годом, и далее 1927, 1965, 1980, 1988 годами.

IV. Транслитерация венгерских букв (звуков)

Далее в алфавитном порядке будет показано, как русские авторы транслитерировали венгерские звуки, в частности, те из них, которые представляли для них особую трудность, например, *ű, ö*. Как ни странно, но мы увидим, что русские авторы порой испытывали затруднения даже при транслитерации казалось бы беспроблемных звуков. После каждого венгерского звука приводится его русский эквивалент, затем в скобках даются примеры, проблемные звуки набраны жирным шрифтом. Следует заметить, что большинство авторов вряд ли сознательно выбирало при транслитерации то или иное решение, скорее всего их вводили в заблуждение ослышки.

В левой колонке в алфавитном порядке следуют венгерские звуки, в правой колонке - русские в сопровождении примеров, помещенных в скобках.

<i>венгерский</i>	<i>русский</i>
a	а (алма) о (зарсамодаш, дупло) á а (Арпад, хат)
b	б (бограч)
c	ц (цукрасда)
cs	ч (чарда) тш (патше)
d	д (дисношайт) т (сабатча)
dzs	дж (джентри)

e	е (хазмештер, нем) é (регель) и (лельки) э (нэм) а (риташ)
é	э (эн)
	и (бесил, егишегире) е (бикавер ,ельен) ie (фегіерь) ей (сейл)
f	ф (форинть)
g	г (газда)
gy	дь (Андьялфёльд) дз (феедзе) ді (вадіум)
h	х (Адашхиба, хид, хирлап) г (фегіерь, газ, герцог-примас)
i,í	и (алишпан) е (несепатше,паленка)
j напот)	й (бейгли, дисношайт, хайра, йо)
j	я (бушоюраш,Янош-хедь) ь (ельен, кёсёньюк) е (феедзе, Евендо) ю (юхас) йя (айяки)
k	к (бикавер, чикош,чоколни)
l фольдалатти)	ль (эльвтарш, мадьяруль,
були)	л (алишпан, барланг, бейгли, бесил,
ly	я (сыплянко) я (бабгуяш) й (фойтаташ) е (хабшеем)
m	м (алма, ма, батям)
n	н (алишпан, алудни, нем-туду)
ny	нь (цигань, доломань, Дунаканьяр) не (чересне-парика)

ny	ні (Гу ^н іадъ)
o,ó	ни (ни лашисты, Зрини)
жербо)	нь (инья)
ö,ő	о (катона , висонтлаташра, Миклош,
Кёрёнд)	ё (Альфёльд, фётёржёрмештер,
	о (фольдалатти, пенго, шорозо)
	е (феишпан, феедзе, вереш)
	ö (köszönöm)
	у (немзетур)
p	п (алишпан, Арпад, перец ,палинка)
r	р (барланг , мадьяруль, варош,
рендсер)	
s	pp (саррош)
ss	ш (Адашхиба, алишпан, баблевеш)
sz	ш (тешек)
	с (антантенус, асу, бесил, цифрасюр)
	сс (бассамо , прессо)
t	т (баратшаг , дисношайт, эшти)
ty	тя (батям)
	тья (бетьяр , гатья , Матьяш)
	тьё (матьё)
	тт (кутти)
u,ú	у (алудни, асу, уйшаг, бушо)
	о (Амброш)
ü,ű	ю (цифрасюр , кешерю, сюрет,)
	у (керулет)
v	в (бикавер , кивало, ловаш)
z	з (борозо , газда , орсагхаз)
zs	ж (демижон , джентри , Жербо)
	з (Роза)

Произношению венгерских имен была посвящена очень интересная статья Иштвана Феньвешы, опубликованная в журнале Magyar Nyelvőr , в которой он отмечает, что в 1849 году вышла в свет книжка "Венгрия и венгерские дела", подробно описывающая гласные и согласные венгерского языка, правила их произношения и сопоставляющая их с другими иностранными языками, в частности, с французским и латинским. (Fenyvesi 1999 : 239-241).

V. Приемы этимологизации, используемые авторами:

В самых общих чертах можно сказать, что если внимание писателя привлекало какое-то венгерское слово и он включал его в свой текст, то без объяснения это слово не

оставалось. Формы этого объяснения могли быть самыми различными, от просто дословного перевода до толкования в стиле словаря.

Формальные приемы:

- сноска со звездочкой или номером (ср.: *átalag, buli* и *bácsi, bátyám* и т. д.)
- скобки (в скобках дается или венгерский оригинал или русский перевод (ср.: *pajtás, alispán* и т. д.)
- кавычки (ср.: *eszpresszó, előre, pajtások* и т. д.)
- тире, которое как бы предупреждает, что далее следует объяснение.

Хотя на первый взгляд может показаться, что русские авторы объясняют значения слов в довольно разнообразной манере, по сути дела они делают это по образцу двуязычного словаря, квази-двуязычного словаря. Наиболее типичен в этом смысле Глинка, у которого мы находим целый венгерско-русский словарик под заглавием " Скажем несколько слов по-Венгерски", в нашей работе эти слова разбросаны по алфавиту, как об этом уже упоминалось во введении (ср.: *csókolni, rózsás ajkak, szeretem* и т. д.). После глагола *szeretem* Глинка даёт русский эквивалент *любить* и аналогичным образом поступает во всех остальных случаях.

Во вторую большую группу входят те случаи, когда венгерское слово поясняется таким образом, как это делается в одноязычных толковых словарях. Описания здесь сжаты, они указывают лишь на самые существенные моменты (ср.: *szia*, по комментарию Тер-Григорьяна, *szia* - это модное словечко, образованное от приветствия *szervusz* и соответствующее русскому *привет*). У Тер-Григорьяна же мы находим еще один интересный пример: *Művész úr - господин мастер*, почтительное обращение к людям из мира искусства.

Третий тип напоминает решения, принятые в энциклопедиях. Таким, например, является *aszú* (у Герасимовых), *betyár* (у Новича, Герасимовых, Чернявской и Дружинина), *bikavér* (у Тер-Григорьяна), *busójárás* (у Тер-Григорьяна и Герасимовых) и т. д..

К четвертой группе относятся целые предложения или группы предложений, а также самостоятельные фрагменты текстов. (Ср.: *Jó napot kívánok, Szabó elvtárs!* (Тер-Григорьян), *Jó napot kívánok, újságíró úr!* (Тер-Григорьян) *Ejnye be szép kepenyege vagyон kennek !* (Фалковский) и начинающаяся словами *Sej Abonyban* венгерская народная песня, которую Тер-Григорьян сначала приводит полностью и только потом дает русский перевод.

VI. Об авторах

При собирании этого материала нами были обработаны произведения 24 писателей, являющихся, как правило, авторами одной книги. Но есть среди них и такие, кто написал две-три книги. Большая их

часть - это журналисты, публицисты, путешественники, которые какое-то время провели в Венгрии, и в качестве спецкорреспондентов написали и опубликовали в своих газетах и журналах в тогдашнем Советском Союзе и России множество статей. Среди них особо можно выделить супругов Герасимовых, написавших три книги о нашей стране и Тер-Григорьяна, автора двух книг.

Среди прозаиков и романистов особого внимания заслуживают Пушкин, Глинка, Фатеев, Куприн, Бакланов.

Особую категорию представляет собой Замерцев, он был высокопоставленным офицером, ставшим после Второй Мировой войны первым военным комендантом Будапешта и написавшим (или поручившим вместо себя написать?) об этом воспоминания.

Цитируемые произведения различаются и по своему жанру, среди них есть как путевые заметки, дневники, путеводители, так и произведения художественной литературы.

Эти произведения охватывают огромные исторические периоды, самое старое среди них - "Письма русского офицера" Глинка, относящееся к 1815 году, самое последнее - книга супругов Герасимовых "Венгрия сегодня", написанная в 1988 году, то есть, мы можем проследить историю интересующего нас вопроса в течение 173 лет.

Ни более интересный и существенный вывод, который можно сделать из этих наблюдений, заключается в том, что все без исключения авторы пишут о Венгрии и её народе с большой любовью и теплотой, с завидной наблюдательностью показывая наши обычаи, наши характерные черты. Это замечание может показаться общим местом, однако не стоит забывать о том, что среди цитируемых произведений найдется немало таких, которые были написаны в те периоды истории, когда отношения между двумя странами были далеко не дружественными, достаточно упомянуть период после подавления освободительной борьбы в прошлом веке или правление Хорти.

Бакланов Григорий Яковлевич

Родился в 1923 году в Воронеже, там же закончил школу. Участвовал в боях за освобождение Будапешта. В 1951 году окончил Литературный институт им. Горького, печатается с 1950 года. Главное его произведение "Южнее главного удара" вышло в свет в 1959 году, в нем описывается девять дней боев за освобождение Секешфехервара.

Герасимовы Владимир Михайлович и Галина Александровна

На протяжении многих лет были корреспондентами "Правды" в Венгрии. Библиографических данных о них в литературных энциклопедиях нет. Тем не менее значительная часть наших примеров взята именно из их

произведений, поскольку свои воспоминания, наблюдения о Венгрии они запечатлели на 735 страницах в трех томах, написанных между 1980 и 1988 годами. Первая книга называлась "Сервус, друг!", вторая - "Будапешт, площадь Москвы", третья - "Венгрия сегодня".

Глинка Федор Николаевич (8.06.1786-11.02.1880)

Поэт, публицист, младший брат Сергея Николаевича Глинки. Окончил кадетское училище. Принимал участие в битве под Аустерлицем, в Великой Отечественной войне 1812 года, в Бородинской битве и иностранных кампаниях 1813-1814 года, которые описывает в книге "Письма русского офицера". Принадлежал к умеренному крылу декабристов. После подавления восстания декабристов был сослан в Петразаводск, затем жил в Твери, Москве и Петербурге.

Дружинин Владимир Николаевич (2.08.1908- , данных о его смерти в литературных энциклопедиях не обнаружено)

В 1930 году окончил географический факультет ЛГУ. С тех пор печатается. Пишет главным образом приключенческие романы, кроме этого, им написано немало путевых заметок. В Литературной энциклопедии упоминаются две его книги этого жанра: "У чехословацких друзей" 1956 года и "В нашем квадрате тайфун" 1962 года, цитируемая в этой работе книга "По дорогам Венгрии" вышла в 1983 году.

Дунаевский Александр Михайлович

Данных о нем в Литературной энциклопедии нет. Из предисловия к книге "И опять иду по следу" выясняется, что в ней опубликовано два художественно-документальных произведения этого сибирского писателя: "Иду за Гашеком" и "Подлинная история Кароя Лигети". Последнее посвящено "венгерскому революционному поэту", погибшему "в колчаковских застенках". (Кавычки указывают на то, что здесь я цитирую оригинал).

Замерцев И.Т.

Советский генерал, первый военный комендант Будапешта. Библиографических данных о нем нет ни в одном лексиконе. Его книга, из которой были взяты примеры, называлась "Через годы и расстояния" и вышла в 1965 году.

Кольцов Михаил Ефимович (31.05.1898 - 4.4.1942)

В 1915 году был принят в Петроградский психоневралогический институт. В 19 лет участвовал в аресте царский министров в Таврическом дворце. С

1920 года работал в отделе печати Совнаркома. В 1921 году участвовал в подавлении кронштадского мятежа. Объездил всю страну, часто бывал за границей. В 1927 году приезжал он и в Венгрию, под псевдонимом, в "фашистскую империю Хорти", об этом им написан очерк "Что могло быть". Важное место в его жизни занимала и Испания ("Испанский дневник"). Он был основателем и редактором журнала "Огонек". В 1938 году членом Академии Наук СССР. В том же году арестован и казнен, реабилитирован только после смерти.

Куприн Александр Иванович (07.09.1870 - 25.08.1938)

Крупный русский прозаик. Отец его был чиновником. Детство провел в Москве. Попал в кадетское училище, год прослужил в армии. Работал журналистом в Киеве, там же преподавал литературу в университете. В 1919 году эмигрировал в Париж, в 1937 году вернулся на родину. Писал о жизни простых людей. Главные его произведения: Поединок, Свадьба, Ночлег, На глухарей, Олеся, Ученик, Яма, В цирке, Юнкера и др. В данной работе использовано предложение из его произведения "Прапорщик армейский".

Лапоногов Иван Сергеевич

Написал много книг, статей и очерков о Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехославакии и Югославии. Принимал участие в Великой Отечественной Войне в качестве военного корреспондента ТАСС. После войны был корреспондентом в Будапеште, затем работал в Министерстве иностранных дел. С 1962 года работал в Государственном комитете по радио- и телевидению. Другими данными о его жизни и творчестве я не располагаю.

Лукницкий Павел Николаевич (29.09.1900, Петербург)

В 1925 году окончил факультет общественных наук ЛГУ. Принимал участие в экспедициях в Сибирь, на Памир и др. Печатается с 1923 года. Главным его произведением является написанный в 1946 году и переведенный на несколько языков роман "Ниссо" о судьбе девочки-сироты.

Минчковский А.

Данных нет.

Нович Н.Н.

Литературный псевдоним Николая Николаевича Бахтина. О его жизни и творчестве см.: Ludmilla Sargina: A magyar irodalom fogadtatása

Oroszországban az 1870-1900 közötti években. Tanulmányok a magyar-oroszi irodalmi kapcsolatok köréből, II. 210-212.

Потёмкин Григорий Александрович (1739-1791)
Князь таврический, государственный деятель и дипломат, фаворит и советник Екатерины. С 1784 года генерал-фельдмаршал. Главнокомандующий во время русско-турецкой войны, начавшейся в 1787 году. Основал города Николаев и Херсон. Завоевание Крыма также связано с его именем. Чтобы ввести в заблуждение Екатерину, Потемкин показал ей на управляемых им территориях деревни, собранные из театральных декораций.

Рачинский А.В.
Данных нет.

Сковорода Григорий Саввич (1722 - 1794)
Украинский поэт, философ. Сын казака-крестьянина. В шестнадцать лет поступил в Киевскую Духовную академию. Выучил латинский, греческий, немецкий и польский языки. В 1750 году с царским посольством по закупке вина попадает в Венгрию, в Россию возвращается в 1753 году. Преполагает этику и поэтику в переяславском и харьковском училищах. С 1769 года ведет жизнь странствующего нищего философа.

Тер-Григорьян Александр Леонидович (1932 -)
Родился в Тбилиси, учился в МГУ. Бывший собственный корреспондент Известий в Венгрии. На обложке его книги "У главных ворот. Венгерский дневник", изданной в 1953 году читаем следующее: "Творческой особенностью А.Тер-Григоряна является его способность быстро и остро реагировать на международные события, выступая при этом в самых различных литературно-журналистских жанрах - от аналитических статей и комментариев до очерков, репортажей, стихов."

Фалковский Ириней Я. (- 1823)
И.Фалковский учился сначала в Духовной академии в Киеве, затем в различных учебных заведениях Венгрии, с 1783 года преподавал немецкий язык и математику в Киевской Академии, с 1803 года ректор Академии. С 1807 года епископ. Человек редкого таланта и энциклопедической образованности.

Фатеев Андрей Михайлович (- 02. 01.1866)
Профессиональный военный, участвовал в венгерском походе. Первое его произведение - "Сдача оружия Гьергеи". Затем последовал "Рассказ

отставного солдата о венгерской походе" и несколько рассказов о военной жизни. В конце жизни работал на московской почте в должности секретаря.

Холопов Георгий Константинович (1914 -)

С 1973 года первый секретарь ленинградской писательской организации. С 1957 года главный редактор журнала "Звезда". Родился в бедной армянской семье. Первые его рассказы увидели свет в 1934 году. Романы: "Медвежий лог", "Одни в бухте", "Грозный год", "Гренада", "Докер". Сборники повестей и рассказов "Бегство Сусанны", "Солдаты идут", "Иванов день", "Рассказы о современниках".

Чернявская Ирина Сергеевна

Литератор, редактор журнала "Зарубежная детская литература".

VII. Цитаты

ABC

„Я вспомнил эти цифры, въезжая на расчерченную белой краской улицу Дунакеси, глядя на стеклянный параллелограмм продовольственного магазина «АБЦ»...” (Тер-Григорян 1973:138).

ADÁSHIBA

„... в Пештском театре идет пьеса Кароя Сакони «Адашхиба» /Телевизионное повреждение/, поставленная Золтаном Варкони.” (Тер-Григорян 1973: 17).

„...в пьесе Сакони «Адашхиба», прямое обращение к публике: посмотрите на себя, взгляните, вдумайтесь., (Тер-Григорян 1978: 104).

ALFÖLD (KISALFÖLD)

„Всю территорию Венгрии... можно разделить на четыре основных физико-географических района: Большую венгерскую низменность /Альфельд/, Малую Венгерскую низменность /Кишальфельд/, Задунайскую область /Дунантул/ и Северный край.” (Лапоногов 1954: 46).

ALISPÁN

„Административные функции осуществлял *алишпан* (вице-губернатор), которому непосредственно подчинено было уездное начальство.” (Лапоногов 1954: 74).

ALMA

„...Гораздо заметнее в мадьярском элементы тюркские. Яблоко—*алма*, пшеница—*буса*, море—*тенгер*...” (Дружинин 1983: 60).

ALUDNI

„Скажем несколько слов по Венгерски: *Алудни*, Спать.” (Глинка 1815: 128).

AMBRUS

„Амброшь мадьярское *Ambrus*, -Амвросий.” (Нович 1897:130-131). (Kovács 1965:177).

ANGYAL

„ ... наш разговор с Адамом *Андьялом*... Мы , кстати , не упустили случая пошутить по поводу его фамилии : *Андьял*, то есть ангел, в *Андьялфельде*, на земле ангела ? (Герасимов- Герасимова 1988:85).

ANGYALFÖLD

„Злой иронией звучало в прошлом название этой мрачной и грязной окраины, района трущоб - *Андьялфельд*, что означает «Земля ангелов».” (Лапоногов 1969:236).

ANTANTÉNUSZ

„«*Ан-тан-тенус, сорака-тенус*» из звучащего как будто на латыни стишка, а на деле просто абракадабры, может, и бывшей когда-то заклинанием, но давно ставшей детской считалкой, пришло название этого необычного сооружения на краю новой улицы в Кечкемете.” (Герасимов— Герасимова 1985: 171).

ARANY BIKA

„В центре города, у входа в отель под выразительным названием «*Арань бика*», что в переводе на русский язык означает «золотой бык», стояло множество автомашин. (Лапоногов 1969: 134).

ASZU

„С Напхедь, плоской как стол, начинает свой путь высший сорт токайского «*асу*»: вино королей и король вин. «Хвала Токайскому!» так называется один из музыкальных гимнов Шуберта. Сложен процесс приготовления *асу*—этого густого, ароматного, темно-золотистого напитка. (Герасимов— Герасимова 1980: 137).

„При свечах, бросающих огненные искры в высокие бокалы, дают на пробу уникальные, коллекционные *асу*—тяжелый темно-коричневый напиток.

Когда получаешь *асу* в магазине, то обычно на этикетке три звездочки. Это не количество выдержки, а способ приготовления, знак того, что в один бочонок виноградного сока было заправлено три путтона, заплечных корзины с пожухлым «на корню» ягодами. Ну а в подвалах Токая гостей угощают и четырех и пяти, и даже шести, что совсем редко, путтоновым *асу*. (Герасимов—Герасимова 1985: 90).

ATTILA

„Сказывают, у них и царь такой был, *Аттилою* прозывался: должно быть, по нему платье-то так названо. Мне это, сударь, панок один сказывал.” (Фатеев 1860: 33).

AZ ÉN ÚJSÁGOM

„Э. Бенедеку принадлежит заслуга основания первого подлинно литературного и патриотического по содержанию детского издания «*Аз эн уйшагом*» («Моя газета»), которое он издавал с 1889 года совместно с другим детским писателем Лайошем Пошой.” (Чернявская 1982: 472).

ÁRPÁD

„*Арпадъ* /*Árpád*/—первый мадьярский князь на мадьярской почве, родоначальник первой мадьярской династии; под его предводительством мадьяры завоевали Паннонию и Дакию, т. е. нынешнюю Венгрию /894 г./” (Нович 1897: 130—131). (Kovács 1965: 177).

ANTAL

„...приходилось уплачивать за ввоз и вывоз каждой бочки и каждого *антала* венгерского вина*.” (Рачинский 1875: 195).

**Антал*—мера емкости, равная полубочке или 60 бутылкам.

BABGULYÁS (BABLEVES)

„Иногда гуяш бывает еще с фасолью и копченостями. Тогда он называется «*бабгуяш*» или «*баблевеш*». (Тер-Григорян 1978: 56).

BALATON

„...*Балатон*... название необыкновенного этого озера происходит от славянского слова «болото».” (Тер-Григорян 1978: 60).

BARÁTSÁG

„Потом в дело включился приграничный кооператив «*Баратиаг*».” (Тер-Григорян 1973: 150).

BARLANG

„*Барланг*, произнесла она по-мадьярски, так как забыла немецкое слово.— Пещера,—перевел я по-русски и прибавил, что запомнил легко—берлога, почти по-нашему.” (Дружинин 1983: 72).

BASSZAM A

„Впрочем, сударь, у этого народа, как соль ко шам, присловье это ко всему идет. Споткнулся—*бассамо*; вещь похвалить надо—*бассамо*; приятеля встретил—*бассамо* ;горе за сердце взяло—*бассамо* ;рад чему—то же *бассамо*. Даже и женщины-то у них без этого словца шагу не ступят... (Фатеев 1860: 69).

BÁCSI

„—Добрый день,Фери-*бачи*!—кричит юноша из кабины могучего крана.” (Тер-Григорян 1973: 93).

„Пал Фельдеш или Фельдеш *бачи*¹, как звали его, пожалуй, все, кроме жены и дочери, был большим, неунывающим и шумным человеком.” (Тер-Григорян 1978: 28).

¹*Бачи*—дядя.

„Не успели мы переступить порог и осматриваться, как Жига *бачи*— дядюшка Жигмонд /так ласково и сердечно называли и называют его будапештцы /позвал нас к статуе Шандора Петефи.”(Герасимов— Герасимова 1985: 144).

BÁTYÁM

„«В каком году родилась ? Я вам на этот вопрос, *батям*¹ Вилмош, не отвечу.» (Дунаевский1970:256).

¹ *батям* - старший брат.

BEJGLI

„- Это вот *бейгли*,- сказала она, протягивая мне традиционное рождественское печенье с орехами.” (Тер-Григорян 1978:73).

BELSŐ

„Есть загадочное и чуть таинственное озеро : оно на 25 метров выше уровня Балатона, его называют внутренним - *Бельшо*.” (Герасимов - Герасимова 1980:205).

BELVÁROS

„... можно попасть на улицу Кошута, которая с прилегающими к ней улочками и переулками образует основу так называемого *Бельвароша*. В Будапеште нет строго определенного понятия «центр» В городе несколько районов, которые могли бы претендовать на это звание. И самый предствительный среди них *Бельварош*.” (Тер -Григорян 1978:74).

„На одном из оживленных будапештских перекрестков... стоит одно из самых красивых зданий Внутреннего города - *Бельвароша* / так называют и сегодня это сложившееся

еще в середине века ядро города у Дуная.” (Герасимов - Герасимова 1985:185).

„«*Бельварош*» - Внутренний город. Так называют будапештцы центр столицы, примыкающий к Дунаю.” (Герасимов - Герасимова 1988:64).

BESZÉL ÖN MAGYARUL?

„Скажем несколько слов по Венгерски : *Бесил енъ мадъяруль ?* - Говоритель вы по Венгерски ?” (Глинка 1815:128).

BETYÁR

„*Бетьяръ* / *betyár* / бродяга, живущий в степи / по мадьярски *puszta* ,пуста/ без крова и определенных занятий, промышленяющий конокрадом, которое он почти не считает проступком, и иногда отнимающий у путешественников их имущество и деньги, но не жизнь; он щадит жителей своего комитата / округа / и деревенский люд вообще и пользуется его симпатией. По большей части, это красивый и крепкий парень и превосходный наездник. В особенно дурную погоду и он заглядывает в знакомую чарду, где его ждет глаток вина, а иногда и преданная красotka. Из *бетьяръ* нередко происходят герои национального эпоса. Ныне *бетьяры* уже становятся редки.” (Нович 1897:130-131). (Kovács 1965:177).

„Рисунки и старинные литографии на почерневших от копоти жаровен стенах напоминали о «*бетьярах*», некогда посещавших эту чарду под Веспремом. «*Бетьяры*» - добрые разбойники, как и в русских народных преданиях, боролись с несправедливостью и злом. (Герасимов - Герасимова 1980:186).

„В начале 19 века, в пору разложения феодализма, в венгерском фольклоре получает широкое распространение новый круг баллад - о разбойниках-*бетьярах*, чаще всего крестьянских парнях, спасавшихся от притеснений помещиков или от солдатчины.” (Чернявская 1982:471).

„...сидит... *бетьяръ*, венгерский крестьянин, осмелевший поднять руку на помещика.” (Дружинин 1983:65).

„И русская песня естественно вплелась в этот простор, в котором, по преданию, скрывались венгерские разбойники - *бетьяры*.” (Герасимов-Герасимова 1988:252).

BÉKEVÁROS

„Сорок тысяч жителей будет насчитываться новый город... на месте небольшого селения Казинцбарцика. Венгерский народ назвал его *Бекеварош* - городом мира.” (Лапоногов 1954:65).

BIKAVÉR

„Здесь делают знаменитый *«бикавер»*...А знаешь, почему это вино называется Бычьей кровью ? Оказывается, здесь, под Эгером, у крестьян однажды не осталось ни скота, ни хлеба, чтобы уплатить туркам очередную порцию дани. Было только вино, но вина турки, как мусульмане, не пили. Тогда какой-то остряк предложил выкатить бочку красного и выдать вино за бычью кровь. Ничего, дескать, не осталось, только вот кровь быков, которых пришлось прирезать как уже непригодных для работы. Турки попробовали, « бычья » кровь им понравилась, с тех пор в уплату дани они требовали только ее.” (Тер-Григорян 1973:109).

BISZTRO

„Руководители одних *«эспрессо»* и *«бистро»* рассчитывают на туристов, на многолюдие - спрос высок.” (Герасимов- Герасимова 1988:100).

BOGRÁCS

„Рядом разгорался костер, языки пламени все настойчивее лизали блестящие начищенные бока объемистого *«бограча»*. *«Бограч»* - особый род котелка с дужкой для подвешивания над костром. Его часто можно встретить у венгерских пастухов и рыбаков.” (Герасимов - Герасимова 1980:3).

„...над огнем торчали большие крюки, куда можно было повесить на цепях вместительный *бограч* / род котелка /.” (Герасимов- Герасимова 1985:71).

„Под ними подвешенные на цепях *бограчи* - котлы.” (Герасимов-Герасимова 1988:259).

BORNEMISSZA PÉTER

„Основателем... дидактической драмы считается живший в шестнадцатом веке священник со странным именем Петер Борнемиса /*«Бор нем иса»* значит « не пьющий вина».” (Тер-Григорян 1978:103).

BOROZÓ

„...старые средневековые подвалы. И вскоре в них открылось *«борозо»*. Этим непереводаемым словом венгры обозначают питейные заведения, где можно заказать стаканчик вина, попробовать наперченный *«погач»* - рассыпчатую пышку на шкварках.” (Герасимов - Герасимова 1980:243).

BULI

„Бывали, конечно, и у нас присущие молодости разгулы, кутежи, гулянки и проказы, но мы никогда не участвовали в «були»*. Даже не знали такого слова.” (Тер-Григорян 1973:26).

**Були* - вечеринка. Словечко из современного будапештского сленга.

BUSÓ(JÁRÁS)

„Вся Венгрия знает Мохач благодаря *бушоярашу* - народному карнавалу, хождению в деревянных масках *бушо* в первое февральское воскресенье. Этот старинный обычай, упоминавшийся еще в летописи 16 века и бывший праздником весны и моления об урожае, сохранился в первоизданном виде до сих пор.” (Тер-Григорян 1978:38).

„В разгаре мочаский карнавал «бушо». Живет в этом слове, пришедшем от южных славян, слитые воедино «возрождение», «изменение» и не в последнюю очередь «переодевание», традиционное масленичное шествие ряженых.” (Герасимов - Герасимова 1985:188).

BUTIK

„...магазинчики в Венгрии называют французским словом «бутик». Это слово используют и венгерские частники. Ш-Модель значительно потеснила частные «бутики»...” (Герасимов- Герасимова 1988:130).

BÚZA

„Гораздо заметнее в мадьярском элементы тюркские. Яблоко - алма, пшеница - *буса*, море - тенгер...” (Дружинин 1983:60).

CIFRASZŰR

„-И бурки есть ? - *Цифрасюры* ? Попадаются иногда” (Дружинин 1983:57).

CIGÁNY

„... их встречаешь в каждой чарде, в каждом ресторане, и слово «цигань» по-венгерски часто звучит как синоним слова «музыкант». „ (Тер-Григорян 1973:110).

CIGÁNYPECSENYE

„Мы будем есть суп гуляш, «цигань печенье» - жаркое по-цыгански...”(Тер-Григорян 1978:55).

CUKRÁSZDA

„Рядом слово, начинающееся с «цукр». Нечто сладкое, очевидно... *Цукрасда*, кафе-кондитесеркая.” (Дружинин 1983:13).

CSÁRDA

„*Чарда* / *csárda* / степная корчма, служащая приютом для пастухов, путешественников и бетьяр.” (Нович 1897:130-131). (Kovács 1965:178).

„Мы ехали ...через Пакш, прославившийся своим придорожным рыбным рестораном - *чардой*...” (Тер-Григорян 1978:35).

„Как-то мы остановились на минуту у *чарды* - народного кабачка.” (Герасимов- Герасимова 1980:186).

„Сидел в пригородной корчме - «*чарде*», в кругу пастухов.”(Дружинин 1983:186).

„Десятки эспрессо, ресторанов, *чард* / народных ресторанчиков/ имеют свое лицо, свой характер...” (Герасимов- Герасимова 1985:176).

CSÁRDÁS

„Вечером музыка была, и по своему *чаардаш*ь плясали...” (Фатеев 1860:63).

„Ему не нужен фокстрот, он наслаждается старым вальсом и бурным *чардашем*, этот милый, веселый, раскрасневший танцор.” (Кольцов 1927:51).

„...потом грянул *чардаш*.” (Замерцев 1965:65).

„В нарядной, украшенной цветами столовой, преобразившейся вдруг в просторный зал, закружились в вихре *чардаша* панины друзья...” (Герасимов- Герасимова 1980:80).

„...они наливаются металлом, беспощадно властвуют, когда трогается, начинает кружение *чардаш*.” (Дружинин 1983:42).

„Вечером по улице прошел оркестр, а потом на площади все танцевали *чардаш*.” (Герасимов- Герасимова 1985:48).

„Понравился текстильщикам *чардаш* - лихо отплясывал его черноволосый, синеглазый венгр.” (Герасимов- Герасимова 1988:26).

CSERESZNYEPAPRIKA

„Ковром ... свисает на нитях засушенная красная, напоминающая ягоду *чересне-паприка*. Это - «черешневая»- яростно острая.” (Герасимов- Герасимова 1988:206).

CSERKÉSZ

„На пионеров католические попы и реакционные учителя натравливали другую юношескую организацию -« *черкесы*». Так по-венгерски называют скауты.” (Лапоногов 1950:47).

CSIKÓS

„*Чикош* / *csikós* / - лошадиный пастух в мадьярской степи /пусте/, табунщик. (Нович 1897:130-131). (Kovács 1965:178).

„В накидке - это табунщики. «*Чикош*». А за тем столом ... - это пастухи.” (Герасимов- Герасимова 1980:122).

„Подарила фигурку хортобадского *чикоша*-пастуха, сделанную из соломы.” (Герасимов- Герасимова 1985:141).

CSUDA (CSUDÁK)

„... множественное число познается по перемене, или по прибавлению слогов на концах слов; на пример ... *чуд, чудо, чуда, чудеса*.” (Глинка 1815:128).

CSÓKOLNI

„Скажем несколько слов по Венгерски :...
Чоколни, целовать.” (Глинка 1815:128).

CSUKA

„Известны венграм, конечно, и щука / *чука* /...” (Тер-Григорян 1978:64).

DALOS

„В паузе, после исполнения очередной песни, он негромко говорит по-венгерски : «*A dalos* » и произносит французское название заказываемой им песни : «*Vieux chateau*» /« Старый замок »/.” (Лукницкий 1973:215).

DANKÓ PISTA

„Даже есть единственный в своем роде памятник цыганскому скрипачу, которого звали *Пишта Данко*. Именно ласкательно *Пишта*, а не полностью - Иштван. О виртуозности его игры, об умении сплотить оркестр ходят легенды. *Пишта* не просто импровизировал, многие обработанные им народные песни живут и поныне, стали национальными. И слава цыганского Паганини запечатлена в камне.” (Герасимов-Герасимова 1980:123).

DEMIZSON

„И в один из дней он приехал - с цветами, *демижоном* /оплетенная прутьями большая бутылка / домашнего вина и ...картиной.” (Герасимов-Герасимова 1985:69).

DÉLIBÁB

„И вот как бы в благодарность он в ответ подарил нам «*делибаб*» - хортобадскую фата-моргану.” (Герасимов- Герасимова 1980:125).

DIREKTÓRIUM

„На предприятиях, в учреждениях, в учебных заведениях создавались первые органы народовласти - *директории*. В *директорию* капошварской гимназии вошел и Худра.” (Дунаевский 1970:175).

DISZ

„Под руководством Венгерской партии трудящихся работает Союз трудящейся молодежи Венгрии */ДИС /*, созданный в июне 1950 г.” (Лапоногов 1954:39).

DISZNÓSAJT

„Женщины делают ... колбасу,... а мужчины - гурку и *дисношайт*, ... *дисношайт* - «свиной сыр» - это желудок свиньи, туго набитый обрезками различных внутренностей. ... У нас эта колбаса известна под названием «зельц».” (Тер-Григорян 1978:55).

DISZNÓTOR

„...нас пригласили на *«диснотор»*, что означает буквально «поминки по свинье».” (Тер-Григорян 1978:52).

DOLMÁNY

„... летом в два мундера одеваются : *долмань* - это на себе имеют...” (Фатеев 1860:33).

DUNAKANYAR

„Можно...долго смотреть на *Дунаканьяр* - излучину Дуная.” (Тер-Григорян 1978:52).

DUNAÚJVÁROS

„Вместе с комбинатом... рос молодой социалистический город *Дунаууйварош*, а если перевести дословно : Дунайский новый город.” (Лапоногов 1969:246).

DUNÁNTÚL

„Всю территорию Венгрии ... можно разделить на четыре основных физико-географических района... задунайскую область */Дунантул/...*” (Лапоногов 1954:46).

DUNÁNTÚLI NAPLÓ

„В 1971 году Бела опубликовал в областной газете *«Дунантули напло»*, выходящей в Пече, серию статей об освобождении Мохача...” (Тер-Григорян 1978:39).

DUPLA

„Заказав стакан содовой и кофе «*дупла*» / двойное /, они часами работают, обмениваются новостями.” (Герасимов- Герасимова 1980:85).

„Порция двойной крепости -« *дупла*» - это шесть граммов натурального кофе, смолотого при вас, отмеренного специальной мерной ложечкой. Ежедневно почти 700 тысяч порций «*дупла*» отпускается в двухмиллионном городе.”(Герасимов- Герасимова 1985:175).

DZSENTRI

„Заседали здесь раньше венгерские графы и герцоги, бароны и *джентри*.” (Герасимов- Герасимова 1980:66).

EJNYE, BE SZÉP KEPENYEGE VAGYON KENNEK

„Örömben nem mentem, hanem száguldottam, de megbűnhődtem könnyelműségemért : a várost csak teljesen átázva és besározva pillanthattam meg. Olyannyira, hogy amikor a külvárosba értem, az egyik közrendbeli járókelő a következő szavakkal üdvözölt / és itt a szerző magyar szavakat használ « *Ejnye, be szép kepenyege vagyон kennek* » «*Quam pulchrum pallium habes!*»”(Falkovszkij 1762:1823). (Várad-Sternberg 1962:63).

(Az eredeti szöveghez nem tudtam hozzájutni, ezért csak a magyar forrásmunka feltüntetésével tudom a fenti mondatot bemutatni. Iván Jakimovics Falkovszkij, kijeви diák - 1775-ben járt Magyarországon, barátjához írott második leveléből való a fenti mondat.)

ELŐRE

При встрече они приветствуют друг друга словами : «*Элоре,пайташок*» !, что значит - «Вперед, друзья ! »Это боевой клич венгерских пионеров.”(Лапоногов 1950:48).

ELVTÁRS

„... козырнув Лаци, зачистил : - Йо напот киванок, Сабо *эльвтари*! Добрый день, товарищ Сабо ! (Тер-Григорян 1973:76).

„«*Эльвтари*» - «товарищ »- говорят друг другу, в основном, в партии и в армии. Слово это вытесняет традиционное обращение коллега и на предприятиях, и в учреждениях, и вообще в любых коллективах (Тер-Григорян 1978:69).

ENNI

„Скажем несколько слов по Венгерски : ... *Ени*, Есть.” (Глинка 1815:128).

ERZSÉBET HID

„Остальные мосты - *Эржебет хид* /мост Елизаветы / и мост Франца-Иосифа и Маргит хид /мост Маргариты / были построены во время царствования Франца-Иосифа.”(Лукницкий 1973:103).

ESTI HÍRLAP

„Предприимчивые студенты, которые разносят вечернюю газету *«Эшти хирлан»* смело лавируют между машинами.” (Герасимов- Герасимова 1980:161).

ESZPRESSZÓ

„... мы останавливаемся у вполне приличного здания корчмы, переименованной... в *«Эспрессо»*. Соображаю, что лучше всего искать дом с помощью Марики, и тещу Имре в это *«Эспрессо»*”¹(Тер-Григорян 1978:69).

¹*Эспрессо* небольшое кафе в городах многих европейских стран, в которых можно наскоро перекусить. (Тер-Григорян 1978:54).

„В любом венгерском *эспрессо* ... можно услышать горячий обмен мнениями о том, как строить социализм быстрее, лучше. „(Герасимов-Герасимова 1980:86).

„Вывеска *«Экспрессо»*, куда забегают на ходу выпить чашку кофе.”(Дружинин 1983:14).

„На центральной площади..., где много магазинов, лавочек сувениров, *«эспрессо»*, расположено бюро Шиотур.”(Герасимов-Герасимова 1985:179).

ÉLET ÉS IRODALOM

„Он перешел в еженедельник *«Элет еш иродалом»* /«Жизнь и литература»/, но и там не нашел своего настоящего места.” (Тер-Григорян 1973:73).

„Как мы живем и как должны жить ? - так называлась серия статей, опубликованных в литературной газете *«Элет еш иродалом»*.”(Герасимов- Герасимова 1985:99).

ÉLJEN

„Гергей... произнес несколько слов, на которые все отвечали каким-то восторженным кликом *ельен*.”¹”(Фатеев 1859:104).

1 *vivat*, да здравствует !

„Ура кричат по своему, *ельень* - честь, значит, всякую графу отдают...” (Фатеев 1860:67).

„... пионеры и « черкесы...» выкрикивали : - *Эльен* а мадьяр демократия ! /Да здравствует венгерская демократия !/ - *Эльен* Ракоши ! *Эльен* Сталин ! (Лапоногов 1950:48).

Megjegyzés [x1]:

ÉN TUDOM MAGYARUL

„Скажем несколько слов по Венгерски :...

Еинъ тудемъ мадыаруль : - Я говорю немного.” (Глинка 1815:128).

FECSE

„... он был одним из авторов проекта первого венгерского судна на подводных крыльях, получившего имя «*Фечке*»/«*Ласточка*»/.” (Тер-Григорян 1973:93).

FENÉR KÉZ

„Скажем несколько слов по Венгерски : ...

Фегьеръ кешь Белья руки.” (Глинка 1815:128).

FERENC JÓSKA

„ - Мы *Ференцу Йошке*¹ присягали не по доброй воле, а по принуждению.” (Дунаевский 1970:191).

¹Так народ называл австрийского императора Франца Йосифа.

FOGAS

„Всюду жареная балатонская рыба - *фогаш* / судак / и шюллё / маленький судак/. Это последняя особенно хороша.” (Тер-Григорян 1978:64).

FOLYT.KÖV.(FOLYTATÁS KÖVETKEZIK)

„Слова в названии написаны сокращенно, как это принято в венгерских журналах «*фойт.кёв.*» «*фойтаташ кёветкезик*». Революция продолжается - таков лейтмотив спектакля. ., (Тер-Григорян 1978:5).

FORINT

„Молодой венгерский *форинт*, пришедший на смену обесцененному пенге... возвестил начало экономической стабилизации в стране.”(Лапоногов 1950:40).

1 форинт теперь равен 34,1 копейки

„Что ни слово, то *форинт*.”(Тер-Григорян 1973:123).

„Поднять танк, тридцать лет вставший в русло реки, - это верных три миллиона *форинтов*.”(Тер-Григорян 1978:34).

FORRADALOM

„В нем, некоторое время находилась редакция венгерского еженедельника «*Форрадалом*»- «Революция.” (Дунаевский 1970:172).

FŐISPÁN

„Во главе комитата / губернии / еще в начале 1950 г. стоял назначаемый правительством *фешипан* / губернатор /”. (Лапоногов 1954:74).

FŐJEGYZŐ

„Сельская администрация состоялась из назначаемого губернскими властями нотариуса - *феедзе* / иногда одного на несколько деревень / и избираемого сельским собранием старосты.” (Лапоногов 1954:74).

FÖLDALATTI

„В его «*фольдалатти*» - так называют часто подземку в отличие от нового метро. (Герасимов- Герасимова 1980:226).

FŐTÖRZSŐRMESTER

„Несмотря на свои 20 лет, Чаба уже «*фётёржёрмештер*» - старший прапорщик, служит в радиолокационной части.”(Тер-Григорян 1978:55).

GATYA

„Мужчины надевают широкие штаны, которые называются «*гатья*». Будничные «*гатья*» широкие, а праздничные еще шире.” (Герасимов-Герасимова 1988:217).

GAZDA

„Коль хозяин, так *газда*...”(Фатеев 1860:31).

„... коль к хозяйке речь, то - *газдыня*.”(Фатеев 1860:31).

„Есть у нас такой *газда* - хозяин.” (Лапоногов 1950:92).

GÖRÖG KANCSÓ

„...Енё Барчаи... можно встретить... в кафе «*Гёрёк канчо* »/ Анфора / за традиционной чашечкой кофе.” (Тер-Григорян 1978:47).

GULYÁS

„Нас приглашали в гости - на *гуляш* или халасле, мы - на пельмени.”(Герасимов-Герасимова 1988:271).

HABSELYEM

„Фабрика в Пештержебете, которую на международном рынке знают под названием «*Хабшеем*», - самое крупное предприятие Венгрии по выпуску трикотажных полотен.” (Герасимов- Герасимова 1985:190).

HADÚR

„И опять разговор о достопримечательностях столицы и о мифах их древности - например о боге войны *Хадуре*, который был у венгров, когда они были язычниками...” (Лукницкий 1973:109).

HAJDU

„... 5,5-тонная бронзовая громада когда-то призывала пастухов Альфёлда - *гайдуков* к борьбе с Габсбургами.”(Герасимов- Герасимова 1988:248).

HAJRÁ

„... пассажиры ... подбадривают своих капитанов: *Хай-ра*» /вперед/, «Кошут» ! Или :« *Хай-ра*»,« Ракоци »! ,, (Тер-Григорян 1978:62).

HALÁSZBÁSTYA

„... А вот еще : в Буде - *Халасбауитим* /Рыбачий бастион / - маленькая крепость, откуда виден, за Дунаем, весь город.” (Лукницкий 1973:104).

HALÁSZCSÁRDA

„В здешней «*халасчарде*» мы едим его...”(Тер-Григорян 1978:65).

HALÁSZLÉ

„Он утверждает, что на его родине... делают самую лучшую в Венгрии *ухухаласле* и что перец там - самый острый в Средней Европе.” (Тер-Григорян 1973:77).

„ ... и стали варить на костре знаменитую венгерскую уху - *халасле*.”(Тер-Григорян 1978:43).

„Варилось щедро приправленное красной паприкой / перец / венгерское *халасле* - рыбный суп.”(Герасимов-Герасимова 1980:3).

„Говорят, без балатонских чешуйчатых не приготовить настоящую уху «*халасле*» - ароматную, огненную от перца.”(Дружинин 1983:3).

„... мужчины варили *халасле* - рыбный суп, щедро приправленный красной паприкой.”(Герасимов-Герасимова 1985:71).

„Уха - по-венгерски - *HALÁSZLÉ*.” (Герасимов-Герасимова 1988:259).

HÁRMASHATÁR- HEGY

„...*Хармашхатар-хедь* - гора Трёх границ ?”(Тер-Григорян 1978:80)

HÁRY JÁNOS

„Родился Ийеш ... в Толне. Крае, где жил когда-то герой веселых народных сказок, отставной солдат „*Янош Хари*”.”(Герасимов-Герасимова 1985:35).

HÁT

„...Лаци вдруг смутился и произнес короткое венгерское «хат», слово, которое в данном случае можно перевести как «угу» и как «гм». ”(Гер-Григорян 1973:76).

HÁZ, HÁZAK

„ ... множественное число познается по перемене, или по прибавлению слогов на концах слов на пример *газ*, дом, а прибавив частицу *ак*, выдет *газак*, дома...” (Глинка 1815:128).

HÁZMESTER

„Сейчас консьержка или, как говорят венгры, «хазмештер» - «домовой мастер» - совсем не то, что прежде.” (Гер-Григорян 1978:72).

HERCEGPRIMÁS

„... после смерти старого кардинала ... *герцог-примасом*, первым князем церкви...Ватикан назначил Миндсенти.”(Лапоногов 1969:162).

HIDEGKÚT

„Село *Хидегкут*, что в переводе с венгерского языка означает «Холодный колодец», давно уже слилось с окраинами Будапешта.”(Герасимов-Герасимова 1988:170).

HIDIVÁSÁR

„ ... у девятипролетного моста в Хортобади собирается «*Хидивашар*» - буквально «ярмарка у моста».”(Герасимов-Герасимова 1985:182).

HOLD

„Один из таких комитетов в селе Балмазуйварош сразу замерил 3400 *хольдов** земли, подлежащей, согласно декрету, разделу.”(Лапоногов 1950:28).

**хольд* равен 0,57 гектара

„«Я оставляю тебе и сыну не только соху, пару *хольдов*¹ земли и старый дом...”.(Гер-Григорян 1978:32).

¹ *хольд*=0,57 гектара

„Не расставались кооператоры с фартуками, по полям которых вышитые цветными нитями широкие полосы извещали, сколько *хольдов* земли было у них.” (Герасимов-Герасимова 1985:91).

HONVÉD

„*Гонведы* - прежде национальные воины при венгерских королях, потом - ополченцы восстания и воины венгерской армии.” (Нович 1897:130-131), (Kovács 1965:178).

„В честь юбилея была проведена Неделя армии, которая завершилась парадом нового *гонведства*¹ на Площади Героев...” (Лапоногов 1954:79).

¹*Гонведы* - защитники родины. Так называлась революционная венгерская армия Кошута.

„Он автор исторических романов для юношества - Королевич - Орехово ядро» о *гонведах* 1848 года...” (Чернявская 1982:478).

„Повторяя песню- клятву, отправляются в бой *гонведы*.” (Дружинин 1983:33).

HUJ, HUJ, HAJRÁ

„Кто-то по русскому обычаю бросает вверх шапку, а кто-то по венгерскому, оглушительно кричит «*Хай-хай-хайра*» !” (Герасимов-Герасимова 1980:39).

HUNYADI JÁNOS

„*Гунядь / Hunyadi János /* - национальный мадьярский герой, защищавший христиан от нашествия турок.” (Нович 1897:130-131). (Kovács 1965: 178).

HURKA

„Женщины делают обычную колбасу, ... мужчины - *гурку* и дисношайт.

Гурка - колбаса из печени или застывшей крови с рисом. (Тер-Григорян 1978:55).

HUSZÁR

„Около гор водятся лошади отменной породы ... Венгерские *гусары* умеют на них славно воевать.” (Глинка 1815:119).

IBUSZ

„...жители по договоренности с «*Ибусом*» - венгерским «Интуристом», сдают на лето часть своих комнат.” (Тер-Григорян 1978:62).

„ ... в систему приема гостей включаются и частные дома, но обязательно через «*Ибус*» - туристическое агенство.” (Герасимов-Герасимова 1980:204).

„Это излучина Дуная, прославленная плакатами «*Ибуса*», венгерского бюро путешествий.” (Дружинин 1983:55).

„Наше управление - координатор работы всех бюро путешествий... крупнейшее из них - это «*Ибус*», которое широко известно в Советском Союзе.” (Герасимов-Герасимова 1985:183).

IKARUSZ

„Янош работает техником на знаменитом заводе «Икарус».” (Тер-Григорян 1973:114).

„В Будапеште изготавливаются автобусы «Икарус»...” (Герасимов-Герасимова 1980:210).

ILLETMÉNY

„Живущие в этих катакомбах венгры дают нам адреса входов в девять других, такого же типа, тянувшихся на километры и взаимосвязанных переходами, подземных гнезд. ... под административным центром /Иллетмэнь/ ... (Лукницкий 1973:211).

INNYA

„Скажем несколько слов по Венгерски : ...

Инья, Пить.” (Глинка 1815:128).

ISTEN, ISTENEM

„Да и теперь в некоторой земле называется бог *иштен*.” (Сковорода 1766, 1973:113).

„ - *Иштенем, иштенем* / боже мой, боже мой/, без конца повторял учитель.” (Лапоногов 1969:133).

JÁNOS-HEGY

„... самая высокая из вершин Буды - *Янош-хедь* /гора Яноша / - пятьсот двадцать девять метров !...” (Лукницкий 1973:105).

К лесистой вершине *Янош -хедь*, например,... ведут зубчатая железная дорога, ... и канатная дорога «либегё»...” (Тер-Григорян 1973:105).

„Они ... хорошо видны с самой высокой точки *Яношхедь* - горы Янош...” (Герасимов- Герасимова 1980:245).

JÓ NAPOT

„Открывает Дюла, бурно мешая слова мадьярские и русские. - *Йо напот ! Здравствуй !*” (Дружинин 1983:14).

JÓ NAPOT KIVÁNOK

„ - *Йо напот киванок !* Добрый день желаю ! - неожиданно послышалось рядом знакомое венгерское приветствие.” (Лапоногов 1950:90).

„ - *Йо напот киванок !* - донеслось до него совсем незнакомое ... приветствие венгров, когда пароход швартовался у дунайской пристани...” (Лапоногов 1969:179).

JÓ NAPOT KIVÁNOK, SZABÓ ELVTÁRS

„ - *Йо напот киванок, Сабо эльвтари !* Добрый день, товарищ Сабо ! ... И показал ладонью в белой перчатке, что путь свободен.”(Тер-Григорян 1973:76).

JÓ NAPOT KIVÁNOK , ÚJSÁGIRÓ ÚR

„ ... желает мне доброго утра : - *Йо напот киванок, уйшагино ур !* Доброе утро, господин журналист !” (Тер-Григорян 1978:69).

JÓ REGGELT

„« *Йо регель*» отвечают,« несепатше». Значит : день добрый, милости просим.” (Фатеев 1860:31).

JÓ SZERENCSEÉT

„В доме отдыха шахтеров« *Йо серенчет*» - «Доброго счастья». „ (Лапоногов 1950:70).

JÓ UTAT

„Эржебет, улыбающаяся, счастливая, пожелала нам« *jo utat*» - счастливого пути.” (Холопов 1975:256).

JÖVENDŐ

„На этом спектакле, поднявшемся выше обычного уровня, - писал рецензент журнала« *Евендо* »после премьеры, - перед нами открылись новые глубины...” (Лапоногов 1950:114).

JUHÁSZ

„Есть своя одежда у овчаров -« *юхас* »и свинарей -« канас». „ (Герасимов-Герасимова 1980:122).

KAKAS

„Он сию тьму просвещает, как молния
Вселенную, сходит на нее, как голубь, согревает как
²⁴*кокош*, покрывает, как орел хворостное гнездо свое, и крыльями
своими ничтожное естество наше возносит в горнее и преобразовывает. : „
(Сковорода 1776 ,1973:19).

⁴Петух

KAMARASZINHÁZ

„В первой половине 1945 года ... театр «*Камарасинхаз* »впервые выступил с советской пьесой...” (Лапоногов 1950:113).

KANÁSZ

„Есть своя одежда у овчаров -« юхас» и свиная - «канас».” (Герасимов-Герасимова 1980:122).

KAPÁLNI, KASZÁLNI

„А если обратиться к истокам, тогда, радуясь открытию, можно найти там слово «касални», что значит косить, или «капални», что значит окапывать.” (Герасимов- Герасимова 1988:57).

KASSAI MUNKÁS

„Нелегальный переход границы и работа в единственной в то время коммунистической газете «Кашшаи мункаш», выходящей в Кошице...” (Тер-Григорян 1973:44).

KÁRÁSZ

„Известны венграм, конечно, и щука / чука /, и карась / карас /, и лещ / кесег /.” (Тер-Григорян 1978:64).

KEDVES EGÉSZSÉGÉRE

„Скажем несколько слов по Венгерски : ...

Кедъ-вишь-егешеге Желая здравствовать Если кто чихнет.” (Глинка 1815:128).

KENYÉR

„ Глава III. *KENYÉR* ХЛЕБ. Социологический ракурс.” (Герасимов-Герасимова 1988:155).

KERÜLET

„Навсегда запомнил я Будапешт тех дней.Непривычные дома его центральных *керулетов* / районов /.” (Минчковский 1975:164).

KESERŰ

„«*Кешерю*» значит горький. Но это не псевдоним, а настоящая фамилия, довольно распространенная и , видимо, отражающая горечь тысяч и тысяч человеческих судеб в старой Венгрии.” (Тер-Григорян 1978:8).

KESZEG

„Известны венграм, конечно, и щука /чука /, и карась / карас /, и лещ /*кесег*/.”(Тер - Григорян 1978:64).

KÉPES ÚJSÁG

„Организаторы - Всевенгерский совет мира, редакция иллюстрированного еженедельника «*Кепеш уйшаг*» заранее объявляют конкурс на лучшие песни о мире.”(Герасимов- Герасимова 1985:196).

KI AZ

„*Ki az** ? - спросил женский голос. - Русская комендатура - ответил переводчик.”(Замерцев 1965:124).

*Кто там ?(венг.)

KIÁLLÍTÁS

„ - *Киалитаи... киалитаи...* Выставка то есть, персональная его выставка.” (Дружинин 1983:87).

KIFLI

„Утром он с удовольствием, большими кружками пьет молоко со свежими «жемле» и «*кифли*», это маленькие булочки и рогалики белого хлеба.” (Герасимов- Герасимова 1980:242).

Megjegyzés [x2]: »

KINCSKERESŐ

„Сразу же после освобождения Венгрии появляются первые детские журналы, например...«*Кинчкерешё*»/«Кладоискатель»/...” (Чернявская 1982:480).

KINIZSI PÁL

„*Кинижи* / *Kinizsi Pál* / - в 1485 г. победил турок. После победы, по словам сербского историка Ранча, вместе с Баторием устроил пир над трупами врагов и после пира плясал, держа в зубах труп.” (Нович 1897:130-131). (Kovács 1965: 178).

KISDOBOS

„... после освобождения Венгрии появляются первые детские журналы, например« *Кишдобош* »/ Маленький барабанщик /...” (Чернявская 1982:480).

KIVÁLÓ

„ ... в 1959 году Маргит Ковач присвоили звание «*кивало* »- выдающейся или избранной - высшее для мастеров искусств в Венгрии.” (Тер-Григорян 1978:49).

KORCSMA

„У кого в рабочее время заходит в *корчму* / по нашему рюмочную/, вычитается оплата за целый день, если это делает руководитель, его карают вдвойне.” (Герасимов-Герасимова 1980:127).

KOKAS-TÓ

„В лужах ласточкиной слободы ребята купались все лето. «*Кокаш-то* »/ озеро Петуха / славилось зловонием и тучами комаров.” (Герасимов-Герасимова 1980:36).

KORTÁRS

„Он уже работал в толстом журнале «*Кортари*» /Современник/, был ответственным секретарем и писал в каждом номере статьи.”(Тер-Григорян 1973:72).

KÖRÖND

„Наш спутник... говорил, что особенно любит этот последний участок, утопающий в листве, за *Кёрёндом* : это буквально за ротондой - круглой парковой площадью, которой недвно дали имя Кодая в честь известного композитора, жившего здесь.”(Герасимов-Герасимова 1980:227).

KÖSZÖNJÜK, BARÁTAINK

„Они приветственно махали руками и повторяли : - *Кёсёньюк, баратаинк**! (Замерцев 1965:126).

*Спасибо, друзья ! (венг.)

KÖSZÖNÖM

„ - *Köszönöm, köszönöm!* - поблагодарили мы ее. ” (Холопов 1975:256).

„И прошли научить их поточнее произносить еще одно венгерское слово - спасибо / *кёсёнём* /, которое тоже господствует полноправно, вырастает в большую благодарность всему тому новому, хорошему, что родилось на венгерской земле в эти годы.”(Герасимов-Герасимова 1980:103).

KÖSZÖNÖM ALÁZATOSAN

„Скажем несколько слов по Венгерски : ...

Кюсенемъ алазаташанъ. Покорно благодарю.” (Глинка 1815:128).

KÖBÁNYA

„Особенно ожесточенны сегодня бой ... в кварталах *Кобаны*, в районе парка Неплигет...”(Лукницкий 1973:94).

KRUMPLI

„Попробуйте-ка услышать в слове «*крумпли*» / картофель / отголосок славянского «*клубни*» или в глаголе «*мазални*» / красить / угадать эхо нашего «мазать»!» (Тер-Григорян 1978:13).

KUKORICA

„Осенью , зимой будапештцы лакомятся еще вареной «*кукорицей*» - кукурузой, жареными каштанами.”(Герасимов-Герасимова 1988:148).

KUN

„Мелькают названия городов, в которых неизменно повторяется слово «*кун*»/ так венгры назвали половца/.”Герасимов-Герасимова 1988:262).

KUTYA

„... мужик ... обругает в придачу : «Ай, скажет, бассамо теремтете саррош *кутти* амень».” (Фатеев 1860:31).

LABANC

„Шла борьба между сторонниками сопротивления австрийцами / *куруцы* / и единомышленниками австрийцев / *лабанц* /. До сих пор так называют : наших сторонников России - куруцами, и сторонников фашистов - *лабанцами*.” (Лукницкий 1973:105).

LAMPART

„Этот завод, носящий название «*Лампарт*» , был известен всем как скромное предприятие, изготавливающее ламповую арматуру и эмалированную посуду. Изделия с маркой «*Лампарт*» продавались во всех магазинах Венгрии.” (Лукницкий 1973:179).

LAPKIADÓ

„Инициатором его создания выступило газетно-журнальное издательство «*Лапкиадо*».”(Герасимов- Герасимова 1985:142).

LÁNCSID

„Последним из них в 1949 году вступил в строй самый великолепный дунайский мост «*Ланцхид*».”(Лапоногов 1950:86).

„Начиная с 1842 и до 1849 года строили первый мост через Дунай - *Ланцхид* / Цепной мост/.(Лукницкий 1973:103).

„И вдруг через тоннель ... открылись мощные колонны «*Ланцхида*» - «Цепного моста.” (Герасимов-Герасимова 1980:210).

LÁNGOS

„Уличная торговля в Будапеште раньше ограничивалась *лангошами* - золотистыми лепешками, которые жарятся при тебе в масле, приправляются крупитчатой солью. И по вкусу чесночным соусом.” (Герасимов- Герасимова 1988 :148).

LELKE

„Скажем несколько слов по Венгерски :...
Лельки, Душа.”(Глинка 1815:128).

LEVENTE

„Возглавлять эти звенья поручено было руководителям местных молодежных фашистских групп «*Левенто*».” (Лукницкий 1973:162).

LIVEGŐ

„К ... Янош-хедь ... ведут зубчатая железная дорога, ошибочно называемая многими фуникулером, и канатная дорога «*либегё*», приносящая любителям острых ощущений огромное удовольствие.”(Тер-Григорян 1978:80).

LOTEL

„ ... сегодня вошло в обиход даже такое слово «*лотель*», что означает лошадь плюс отель.”(Герасимов-Герасимова 1985:181).

LOVAS ISKOLA

„«*Ловаш ишкола*» - написано на воротах. Буквально -« лошадиная школа» /насколько я понимаю по-мадьярски/.” (Дружинин 1983:62).

МА

„Сталиград - капут фашиста, *ма* - *сабад* *Мадьярсаг*, *сабад* *фельд!*” (Лапоногов 1950:30).

°Наш переводчик начал было переводить слова крестьянина, но мы и без этого уже поняли, что он хотел сказать : под Сталинградом были разбиты фашисты, и сегодня - свободная Венгрия, свободная земля.

MADISZ

„Центром притяжения лучшей, передовой части юношества, авангардом молодежного демократического движения стал *МАДИС* /Союз демократической молодежи Венгрии/, деятельность которого направляла Венгерская коммунистическая партия.” (Лапоногов 1950:44).

MAGÁNAK VAGYON

„Скажем несколько слов по Венгерски : ...

Магана-квადіумь. Вы имеете.”(Глинка 1815:128).

MAGYAR NEMZET

„Как-то газета «*Мадьяр немзет*» опубликовала интервью Имре Пожгаи.” (Герасимов-Герасимова 1985:55).

MAGYARORSZÁG

„Сами мадьяры перестали называть свою родину именем Венгрии - Hungaria, но *Мадьяр-орсаг*, т.е. страна мадьяр.” (Нович 1897), (Kovács 1965:173).

MAGYAR PAMUTIPAR

„В Уйпеште на текстильной фабрике *Мадьяр Памутипар* бездействовали станки - нехватало ткачих.” (Лапоногов 1950:80).

MAGYARSÁG

„ ... чувства, высказанные Дюри, отражают процесс гигантской эволюции понятия, получившего в венгерской истории название «*мадьяршаг*» /«венгерство»/, эволюции, стремительное ускорение которой началось в 1945 году, когда страна эта была спасена от фашистского удушья.” (Гер- Григорян 1978:12).

MALÉV

„Более 700 рейсов в год совершают самолеты Аэрофлота и *МАЛЕВ*-а, по нашим заказам.” (Герасимов-Герасимова 1980:135).

MARGITSZIGET

„Под нами остров, тот самый, похожий издали, с Геллерта, на остроносую ладью. *Маргитсигет*- остров Маргариты.” (Дружинин 1983:27).

MASZEK / MAGÁNSZEKTOR/

„80 процентов уличных торговцев или из индивидуального сектора, или состоят на семейных, подрядных договорах с предприятиями индустрии гостеприимства, Их называют «*масеки*», Слово это - сокращение от «*магансектор*», что значит «частный сектор».(Герасимов- Герасимова 1988:150).

MATYÓ

„Стиль мезёкёвешдских мастериц называют «*матьё*». Узоры «*матьё*» - совеобразный символ венгерского народного искусства.” (Герасимов- Герасимова 1980:141).

MÁSLÁS

„Им-то и подделывают обыкновенное вино, заимствующее от него на первое время и аромат, и вкус настоящего *маслача*.” (Рачинский 1875:206).
„Наконец мы добрались до ресторана и заказали себе гуляш и *масляш*. Первое - какое-то национальное кушанье пополам с красным перцем, а второе - приторное венгерское вино.”(Куприн 1897 - 1964: 126).

MÁTYÁS PINCE

„Хотели после лекции пригласить его «*Матьяш пинце*», проводить, так сказать, с музыкой.”(Тер-Григорян 1973:124).

MÁZOLNI

„Попробуйте-ка... в глаголе «*мазални*» / красить / угадать эхо нашего «мазать» !”(Тер-Григорян 1978:13).

MEGVAGYOK

„Можно позвонить - поздравить с праздником или с наступлением весны, спросить : «Ну, как вы там» ? - и услышать в ответ : «*Мег вадьок*», что в буквальном переводе с венгерского значит : «Я есть, я существую»...А по смыслу близко к нашему, русскому «Ничего».” (Герасимов-Герасимова 1985:68).

MENTE

„Иной сидит да сапоги точает, тот же в *ментике*, либо в доломане.” (Фатеев 1860:33).

MESTER

„От вармегии присланной член с недопущением в продажу сухогроздья, сего октября 13го числа, называется имзом рацыони *мештер*.”(Рачинский 1875:202).

„... солисты с признательностью называли ее *мештер* - мастер, учитель.”(Герасимов- Герасимова 1985:200).

MEZŐFÖLD

„Важнейшим сельскохозяйственным районом задунайской области является плато *Мезёфёлд*, что в буквальном переводе значит« земля полей».” (Лапоногов 1954:50).

MEZŐVIZ

„Тот же кооператив... являясь гестором объединения «*Мезевиз*» //Вода для поля /, ... стремится распространить новинку...” (Герасимов-Герасимова 1988:180).

MÉZESKALÁCS

„ - Калач, калач ! - гомонят у ларька детишки. Да, доподлинно русское слово... Кстати, если он медовый то «*мезешкалач*» - почти по-нашему.” (Дружинин 1983:65).

MI EZ

„ - *Mi ez ? /* Что это ? / - не удержался старик, потрогав пальцами медаль.” (Лапоногов 1950:30).

MOKÁN

„В 1944 г. Рудольф Ронаи руководит молодежными группами Антинацистского комитета венгерских коммунистов, организованного в Мишкольце - *МОКАН*.” (Герасимов-Герасимова 1980:196).

MOM

„*MOM* - эти три буквы по-венгерски, означают Венгерский оптический комбинат.” (Герасимов-Герасимова 1985:73).

MTI

„... Йошка закончил институт и получил направление на работу в *МТИ* - венгерское телеграфное агенство.” (Тер-Григорян 1973: 10).

MUNKÁS

„Затем редактирование коммунистической газеты «*Мункаш*» /«Рабочий» / в Румынии. (Тер-Григорян 1973:44).

MUNKÁSEGYSÉG

„В качестве приветствия ситовцы взяли выразительное слово «*Мункашедьшег*» !, что в переводе на русский язык значит «Рабочее единство »! „ (Лапоногов 1950:45).

MUST

„На Балатоне ... уже прошли праздники «*мушта*» - молодого виноградного сока...” (Герасимов-Герасимова 1985:89).

MUSTÁR

„ ... можно съесть ... горячую домашнюю колбасу в мясном ряду - с пылу, с жару, окуная ее в «*муштар* »- венгерскую горчицу.” (Герасимов-Герасимова 1980:241).

MŰCSARNOK

„Оживленно и на площади Героев, представляющей собой четкий полукруг с симметрично расположенными музеем изящных искусств и выставочным залом «*Мючарнок*».”(Гер-Григорян 1978:80).

„Плакат демонстрировался ... в крупнейшем зале страны «*Мючарнок*».”(Герасимов- Герасимова 1988:231).

MŰVÉSZ ÚR

„Его уже не радовали хлопотавшие вокруг нас кельнеры и официанты, поминутно интересовавшиеся, чего желают отвесть немедленно «*мювес ур*»¹ и его друзья, будут ли они ужинать в номере, посетят ли бар.”(Гер-Григорян 1978:36).

¹Мювес ур - господин мастер. Почтительное обращение к людям искусства.

NAGY BAJ

„” - Эх-х,- вздыхает мой спутник, *надь бай*, большая беда. Урожая не будет...”(Лапоногов 1969:132).

NAGYCSARNOK

„Больше всего внимания он уделяет центральному *Надьчарноку*, что в переводе с венгерского означает «Большой павильон»” (Герасимов-Герасимова 1988:204).

NAGYIVÁN

„В местечке *Надьиван*, что значит« Большой Иван »/ кстати, это русское имя распространено в Венгрии/, местный совет принял проекты новых домов с учетом традиций - крытая галерея, белостенные фасады, двухскатная крыша под камышом.”(Герасимов-Герасимова 1980:124).

NAGYKÖRÚT

„ ... хорошо видны ... дуга *Надькёрута* - Большого кольца, проспект Ракоци, ожерелье огней на набережных Дуная.” (Герасимов- Герасимова 1980:245).

NÁDUDVAR

„*Надудвар* по венгерски означает «камышевый двор».” (Герасимов-Герасимова 1980:126).

NEM ÉRTEM, NEM TUDOM

„ ... он стоял рядом с трактором и повторял : - *Нэм иртем.Нэм тудом* ... - Нету дома, говорит, - по -своему перевел Латышев , возившийся в это

время с тросом лебедки.”(Бакланов 1958:176).

NEM TUDOM

„ ... обойдись с ним грубо, так кроме *нем-туду*, то есть, не понимаю, ничего не добьешься...”(Фатеев 1860:31).

NEMZETI MÚZEUM

„ - Национальный музей / *Немzeti муzeum* /, музей изящных искусств / *Сепмювесати муzeum*/...”(Лукницкий 1973:104).

NESZE PACSI

„ *«Йо регель* отвечают, *«несепатше*, значит : день добрый, милости просим.”(Фатеев 1860:31).

NEMZETŐR

„ - Кто ограбил ? - *Немзетур* ! И как я ни боялся, я не мог, что такое *«немзетур»*, - должно быть,какая-то банда. Впрочем, главное было понятно.”(Лукницкий 1973:160).

NÉNI

„ В доме три женщины - жена Белы-бачи, Кати *нени*¹, ... Этелка ... и дочка...”(Тер-Григорян 1978:53).

¹Нени - тетя

NÉPHADSEREG

„Вот что писал, например, Иштван Баркович в газете *«Непхадшерег*»* / 16 за 1963 год.”(Замерцев 1965:36).

*Газета «Народная армия»

NÉPKÖZTÁRSASÁG

„ Я иду по проспекту Народной республики - *Непкэзтаршашаг*.”(Тер-Григорян 1978:73).

NÉPLIGET

„Особенно ожесточенны сегодня бой ... в кварталах Кобаньи, в районе парка *Неплигет*...”(Лукницкий 1973:94).

NÉPSZABADSÁG

„В ответ мне прислали вырезку из газеты *«Непсабадшаг»* - народная свобода...”(Дунаевский 1973:213).

„ ... театральный критик из *«Непсабадшаг»* все реже прибегает к своему убийственному сарказму...”(Тер-Григорян 1978:100).

„Руководил отделом культуры центрального органа партии газеты «*Непсабадишаг*».” (Герасимов-Герасимова 1980:166).

NÉPSZAVA

„ Первая весточка из Коврова была отправлена сотруднику будапештской газеты «*Непсава*».” (Дунаевский 1970:151).

«Непсава» - /«Слово народа»/. - Ежедневная будапештская газета, центральный орган социал-демократической партии. С 1948 года - орган венгерского союза профсоюзов.

NYILASOK

„ Когда немцы отступали из Пешта, вместе с ними за Дунай, в Буду, перебрались и *нилашисты**.” (Замерцев 1965:119).

*Н. - венгерские фашисты, члены партии скрещенных стрел. Прим.ред.

„ В течение нескольких часов радио, телеграф, другие важнейшие центры Будапешта были захвачены эсэсовцами и отрядами *нилашистов*¹. (Лапоногов 1969:115).

«Нилашисты» - венгерские фашисты.

„Хортисты, а впоследствии и еще более разнузданные венгерские фашисты - *нилаши*, лезли вон из кожи...” (Тер-Григорян 1978:14).

„Были стычки с *нилашистами* - венгерскими фашистами...” (Герасимов-Герасимова 1988:34).

ÓBUDA

„ ... в последние годы *Обуда* стала ... и ареной мощного жилищного строительства...” (Тер-Григорян 1973:13).

„В новую *Обуду*. В самом этом словесном сочетании заключен парадокс. Потому что *Обуда* в переводе - Старая Буда. И так, новая старая Буда.” (Герасимов-Герасимова 1980:208).

OKTOGON

„ ... стали звать «*Октогоном*» - «Восьмиугольником». Сейчас она называется площадью 7-го Ноября.” (Тер-Григорян 1978:73).

ORSZÁGHÁZ

„ ... здание Государственного собрания ВНР в Будапеште называют *Орсагхазом* - Домом страны.” (Герасимов-Герасимова 1980:66).

„Вспыхнули мощные прожектора, засветился, подсвеченный желтыми огнями, парламент - «*Орсагхаз*», Дом страны, как называют его здесь.” (Герасимов-Герасимова 1985:194).

„Здание Государственного собрания ВНР в Будапеште называют *Орсагхаз* - Дом страны... *Орсагхаз* - главный дом страны” (Герасимов-Герасимова

1988:75).

OSZLOP

„ ... в лексикон новоселов вошли « шапка», «ослоп», то есть столб, почти по-чешски.”(Дружинин 1983:61).

PAJTÁS

„Обо все этом Арпи рассказал венгерским пионерам в журнале «Пайташ».”(Тер-Григорян 1978:34).

„Сразу же после освобождения Венгрии появляются первые детские журналы, например «Кишдобош» /«Маленький барабанщик»/, «Пайташ» /«Друг»/, «Кинчкерешё» /«Кладоискатель»/.” (Чернявская 1982:480).

”Мария рассказала, как в пионерском журнале «Пайташ» появился как-то материал о разведчике Дунайской флотилии...”(Герасимов-Герасимова 1985:62).

PALACSINTA

„То тут, то там на улицах готовят блинчики -« *палачинта*» с творогом, орехами или абрикосовым джемом...” (Герасимов- Герасимова 1985:178).

PALÓC (PALÓCFÖLD)

„Они ... создали свой мир, который и по сей день называют *палоцев* - *Палоцфельд* землей.”(Герасимов-Герасимова 1988:215).

PAPRIKA

„... в Венгрии выращивается также красный перец - *паприка* - являющийся немаловажной статей венгерского экспорта...” (Лапоногов 1954:124).

„ ... ели зеленую маринованную *паприку*, запивали ее мутным деревенским вином.” (Минчковский 1975: 160).

„ Их руки по локоть в этом мясе, сдобренном не только ароматной *паприкой*, но и острым перцем.”(Тер-Григорян 1978:55).

„Гордость венгра, неизменная любовь его *паприка* всех сортов и видов. Ярко-красная, стручковая и такая же красная, напоминающая ягоду, которая так и называется «*череснепаприка*». *Паприка* - «*парадичом*» / помидор /, действительно очень напоминающая этот овощ, разделенный на дольки.”(Герасимов-Герасимова 1980:241).

„Гордость венгров и неизменная приправа к любому блюду - *паприка*. Это перец.” (Герасимов-Герасимова 1988:206).

PAPRIKAPARADICSOM

„Глубокой осенью появляется *паприка*« *парадичом*» /помидорная/, действительно очень напоминающая помидор...” (Герасимов- Герасимова

1988:206).

PAPRIKÁS

„Нам подали куриный бульон с мясным пирожком, потом - каждому - обильную порцию *паприкаша* из цыплят, после чего принесли громадную сковородку с жареной свиной колбасой и картошкой.”(Холопов 1975:273).

„ -А вы попробуйте, попробуйте мой *паприкаш*, - вдруг спохватывается хозяйка и подкладывает в тарелку огненную смесь из красного перца, лука, кусочков колбасы.” (Герасимов-Герасимова 1985:33).

PÁLINKA

„Делают то же водку и из хлеба ржаного - это уже *паленка* выходит, по нашему горелка значит.”(Фатеев 1860:32).

„ ... чувствует себя плохо. Даже *палинку* гнать перестал.”(Холопов 1973:120).

„Мне снова налили *палинки*, мы выпили.”(Холопов 1975:330.)

„ ... Бела-бачи, встав, поднимает рюмку с абрикосовой водкой - *палинкой*.”(Тер-Григорян 1978:56).

PENGŐ

„Стремительное обесценение *пенго* заставляло национальный банк выпускать все новые купюры.” (Лапоногов 1950:39).

„Батрак ... получал не более 0,9-1,3 *пенге* в день.”(Лапоногов 1954:111).

„Фашисты успели только сжечь центральную базу материального снабжения при сахарном заводе / где хранились на сумму пять миллионов *пенга* материалы для расположенных в других районах предприятий той же капиталистической фирмы...” (Лукницкий 1973:41).

„ ... в разоренном Будапеште такие консервы стоили много тысяч *пенгё*.” (Холопов 1975:261).

PEREC

„На каждом шагу продавцы ... сахарных палочек, ... затейливо переплетенных соленых кренделей, носящих странное название «*перец*».” (Тер-Григорян 1978:80).

PÉCS

„ ... происхождение ... уходит к старому названию *Печа* - «Город пяти церквей».”(Герасимов-Герасимова 1980:158).

POGÁCSA

„ ... подадут ,, рассыпчатые лепешки со шкварками - «*погачо*», сложенные многими слоями...”(А.Л.Тер-Григорян,1978.56.)

„ ... можно заказать стаканчик вина, попробовать наперченный «погач» - рассыпчатую пышку на шварках.» (Герасимов- Герасимова 1980:243).

POLITIZÁL(NI)

„Венгры расположен к спорам - о политике / есть даже такой термин /«политизал»/ , о футболе, о телевизионных программах и преимуществах острой кухни.» (Герасимов-Герасимова 1985:68).

„Есть в венгерском языке такой глагол - «политизални», что буквально означает «заниматься политикой», «говорить о политике.» (Герасимов-Герасимова 1988:70).

PORTA

„ ... Венгрия разделяется на губернии, уезды и *порты*. Несколько деревень ... составляют отделение, называемое портом; несколько *портов* составляют уезд...” (Глинка 1815:115).

PÖRKÖLT

„Обычно сдержанные в еде, венгры в течение трех рождественских дней съедают колоссальное количество холодца, *пёркёльта* - мяса, жаренного с перцем, различных колбас, сладостей.» (Тер-Григорян 1978:72).

PRESSZÓ

„ В Венгрии привыкли пить крепкий, подаваемый в маленьких чашечках кофе из автоматов - «*прессо*».” (Герасимов-Герасимова 1985:143).

PRIMÁS

„Залихватски , бесшабашно поют инструменты, которые ведет за собой «*примаиш*» - первый скрипач. «*Примаиш*» - фигура уважаемая. Даже есть единственный в своем роде памятник цыганскому скрипачу - «*примашу*, которого звали Пишта Данко.» (Герасимов-Герасимова 1980:122-123).

„Скрипачей, как обычно, трое, во главе с *примасом* - первой скрипкой, ведущей основную мелодию.”(Дружинин 1983:42).

„Цыганский музыкант считается в стране лучшим «*примашем*» - первой ведущей скрипкой оркестра в два - три человека.” (Герасимов-Герасимова 1985:177).

PUSZTA

„Образы ... маленькой Венгрии ... со степными серыми просторами Хортобади - *пусты* , ... казались пленительными и волнующими.”(Герасимов-Герасимова 1980:23).

„Наконец *пуста*. Мы все оттуда, - сказал мне Дьюла. - *Пуста* у нас в крови. -*Пуста* первый привал мадьяр.” (Дружинин 1983:56).

„Хортобадская *пуста* - степной простор площадью более 100 тысяч гектаров действительно порой преподносит сюрприз...”(Герасимов-Герасимова 1988:253).

PUSZTASZER

„В *Пустасере*, на полях под Сегедом, было собрано первое государственное собрание венгерских племен.” (Герасимов- Герасимова 1980:194).

PUTTONY

„Качество токайского асу зависит также и от числа «*путтоней*» - заплечных 25 -килограммовых корзин этого сладкого, собираемого отдельно изюма, разбавляемого перед брожением одним бочонком / 136 литров / молодого вина. По этому асу бывает с двумя, тремя или, что большая редкость, даже с шестью «*путтонями*». Количество «*путтоней*» обозначается звездочками на этикетке.”(Герасимов- Герасимова 1980:137).

RÁKÓCZY FERENC II.

„*Ракоци /Rákóczy Ferenc II./* популярный начальник восставших в1703 г. против Австрии мадьяр;именем его назван национальный мадьярский марш.”(Нович 1897:130-131).(Kovács 1965:178).

RENDSZER

„ ... сельское хозяйство все больше охватывается комплексными системами производства на промышленной основе. Их здесь коротко называют *рендсерами* - системами.”(Герасимов- Герасимова 1980:118).

REKAMIE

„ ... диван, который венгры почему-то на французский лад называют «*рекомье*».”(Тер-Григорян 1978:55).

RÉTES

„На столе красовались «*кремаш-риташ и алмаш риташ* »- пироги кремовый и яблочный.”(Холопов 1975:269).

„ ... где можно ... съесть столь любимые будапештцами разнообразные слоеные пирожные - «*ретеш*» : с маком, творогом, яблоками, ... со свежей черешней.”(Герасимов- Герасимова 1980:236).

„К обеду мама приготовила куриную домашнюю лапшу, испекла торт и *ретеш* со свежей черешней - тесто *ретеша* катается тонко, тонко, множество слоев, требует большого терпения и умения.”(Герасимов-Герасимова 1985:123).

RÓZSA AJKAK

„Скажем несколько слов по Венгерски : ...

Роза Айяки.

Розовые губы.”(Глинка 1815:129).

SAPKA

„ ... в лексикон новоселов вошли «шапка», «ослоп», то есть столб, почти по-чешски. Понятно нам и «теста» - тесто, насущное в обиходе земледельцев.”(Дружини 1983:61).

SARLÓ ÉS KALAPÁCS

„Его статья была напечатана в журнале «Шарло еш калапач» / Серп и молот /, вышедшем в тридцатых годах в Москве.”(Дунаевский 1970:154).

SEJ ABONYBAN

„За столом ... вспыхивает песня ...

Шей Абоньбан кеттё торонь латсик

Де Мэйландбан харминцкеттё латсик.

Инкабб нэээм аз абоньи кеттёт.

Минт Мэйландбан азт а харминцкеттёт.

«Из Абоньи видно только две башни, а из Мэйланда¹ - целых тридцать две. Но я предпочитаю две абоньские тридцати двум мэйландским.» (Тер-Григорян 1978:56).

¹Мэйланд - по-венгерски Милан.

SKANZEN

„Такая старая деревня осталась только в музее под открытым небом-сканзене.” (Герасимов- Герасимова 1980:32-33).

SÖRÖZŐ

„ ... есть в Будапеште сотни третье- и даже четверторазрядных уютных быстро,« борозо » и пивных - « шорозо», таверн, чард, которые ничем не уступают в обслуживании перворазрядных - и по ассортименту, и по качеству блюд.”(Герасимов- Герасимова 1980:244).

SUGÁR

„ ... его так и называли - «Шугар», что означает «Луч».”(Герасимов-Герасимова 1980:224).

SÜLLŐ

„Всюду жареная балатонская рыба - фогаш / судак / и *шюллё* /маленький судак/. Эта последняя особенно хороша.”(Тер-Григорян 1978:64).

SVÁB

„В одном из предместий скрывавшиеся в подвалах жители сами задержали группу «швабов» / как называют мадьяры венгерских немцев/. Эти «швабы», занимавшиеся мародерством, не успели бежать с отступавшими эсэсовцами.” (Лукницкий 1973:71).

SZABAD ÉLET

„Еще в 1946 году воспоминания Калмана Довички были опубликованы в трансильванской газете «Сабад элет» - «Свободная жизнь»...” (Дунаевский 1970:207).

SZABAD NÉR

„Источник этого доверия, писала газета «Сабад неп», заключается ... в том, что ... мы добились больших успехов...” (Лапоногов 1954:89).

„Лаци вызвали в ЦК и сказали, что ему надлежит работать в газете «Сабад неп», которой нужны коммунисты.” (Тер-Григорян 1973:77).

„Слышал, как ... били ... секретаря подпольного ЦК КПВ, главного редактора нелегальной газеты «Сабад неп» Ференца Розу.” (Герасимов-Герасимова 1988:33).

SZABADSÁG

„Обо всем этом и о моих переговорах с ректором журналисты рассказали в одной из центральных газет - «Сабадшаг».” (Замерцев 1965:56).

„Противотрианонский символ ... Сабатча / площадь Свободы / в парке юго-восточнее Парламента...” (Лукницкий 1973:109).

„Восстание Дожи было подавлено... Может быть, именно в то время родилось и стало в один ряд со словом мадьяршаг другое, еще более магическое слово - «сабадшаг» - «свобода».” (Тер-Григорян 1978:13).

SZABADSÁG-HEGY

„Сабадшаг-хедь - гора Свободы...” (Тер-Григорян 1978:80).

SZAROS

„.....мужик ... и обругает в придачу : «Ай, скажет, бассамо теремтете саррош кутти а мень».” (Фатеев 1860:31).

SZÁLASISTA

„Немцы и венгерские фашисты /как их называют у нас : салашист/ отчаянно сопротивлялись.” (Лукницкий 1973:70).

SZENT ISTVÁN

„Не постеснялись украсть и увезти в Германию. Даже драгоценную

государственную реликвию Венгрии - корону *Сент Иштвана* /Святого Стефана /, которую в течение сотен лет короновались все правители Венгрии.”(Лукницкий 1973:112).

SZENT LÁSZLÓ

„Самой крупной и надежной военной единицей была дивизия «*Сент Ласло*», которая осенью 1944 года по заданию Хорти отступила в Австрию...”(Лапоногов 1950:38).

SZERETEM

„Скажем несколько слов по Венгрески : ...
Серетень, Любить.” (Глинка 1815:128).

SZERVUSZ

„В кабинет вошел ... мужчина ... - *Сервус*, Генерал ! ,, (Замерцев 1965:62).
„ ... в комнату входят пятеро молодых людей. - *Сервус*, Менос ! -кричит один из них...” (Тер-Григорян 1973:91).
„Для обычного же приветствия коротко знакомые употребляют латинское «*сервус*», что когда-то означало раб. Я, мол, твой покорный слуга.” (Тер-Григорян 1978:69).
„Приветливо звучало у нее : - *Сервус* ,, - *Сервус*, Эржике...”(Герасимов-Герасимова 1980:149).
„Приветственное «*Сервус*»!.Обмолвятся словом - другим.”(Герасимов-Герасимова 1985:85).

SZÉP LÁNYKA

„Скажем несколько слов по Венгерски: ...
Сыплянко. Молодая девушка.” (Глинка 1815:128).

SZÉP SZEM

„Скажем несколько слов по Венгерски : ...
Сибь-семь Прекрасная глаза.”(Глинка 1815:129).

SZÉPMŰVÉSZETI MŰZEUM

„ ... продолжал уже деловым тоном : - Национальный музей / Немзети музеум/; музей изящных искусств / *Сепмювесети музеум*/...”(Лукницкий 1973:104).

SZIA

„ «*Сиа*»* ! орет он с того края пропасти и уже несется на тренировки...”(Тер-Григорян 1973:27).

*«Сиа» - модное словечко, производное от слова «сервус» - «привет ! ».
„Вечером я скажу Будапешту последнее «Сиа» - словечко из будапештского сленга, соответствующее нашему пока, но употребляемое и при встречах. Впервые задумываюсь об этой универсальности, которая сейчас кажется символической :« Сиа» / прощай /, Будапешт ! « Сиа »/ Здравствуй/, память обо всем, что довелось здесь увидеть и пережить».”(Тер-Григорян 1978:2).

SZILVESZTER

„Рождество исключительно семейный праздник. ... Зато новый год, или *сильвестер*, - совсем другое дело.”(Тер-Григорян 1978:72).

SZIV(E)

„Скажем несколько слов по Венгерски : ...
Сиве, Сердце.”(Глинка 1815:128).

SZOCIÁLIS FORRADALOM

„ ... Фараго вызывали для работы в редакции газеты «*Социалисти форрадалом*» - «Социальная революция!»”(Дунаевский 1970:230).

SZTÁLVÁROS

„ ... Совет министров ... принял решение о переименовании Дунапентеле в *Сталинварош*, что означает город Сталина.”(Лапоногов 1954:65).

SZÜRET

„И вот зашумел «*сюрет*» - праздник земледельцев, праздник изобилия.”(Дружинин 1983:48-49).

SZÜRKEBARÁT

„ Боец ... пододвигает к нам ящик вина - «*Сюркебарат*» / «Серый монах»/.” (Холопов 1975:299).

„В гористом Бадачони, где производится знаменитое вино «*Сюркебарат*» - «Серый монах», в котором как бы полыхает пламя вулканических пород, вам покажут старые подвалы...”(Герасимов-Герасимова 1980:205).

TALLÉR

„ ... везется за царем и путевая казна его : червонных 74.427, *талеров* 157.160, мелких денег 95.746 руб.”(Рачинский 1875:184).

TAVASZI SZÉL ...

„«*Таваси сейл визет арас, вирагом - вирагом !*»¹ (Тер-Григорян 1978:126).

¹«Весенний ветер несет влагу, о цветик мой, цветочек !» - слова из

старинной венгерской народной песни.

TEKELLI (tkp.Thököly)

„Известно с каким неборимым мужеством защищали они права свои, под предводительством храброго вождя своего Графа Емерика *Текелли*.”(Глинка 1815: 113).

TENGER

„... Гораздо заметнее в мадьярском элементы тюркские. Яблоко - алма, пшеница - буса, море - *тенгер*...” (Дружинин 1983:60).

TEREMTETTE

„ ... мужик ... и обругает в придачу : Ай, скажет, бассамо, *теремтете* саррош кутти а мень.”(Фатеев 1860:31).

TERVEZTE

„ ... при выходе из катакомб, на ослепительном солнечном свете - высеченная на мраморной доске надпись, свидетельствующая о том, что эти катакомбы были переоборудованы / конечно, для нужд войны !/ в 1938 году :

TERVEZTE:
MÁKOLDY JÓZSEF
ÉS
LIPPNER KÁROLY
1938."

(Лукницкий 1973 : 211).

TESSÉK

„ *Тешек, тешек*», говорят, то есть : просим покорно.” (Фатеев 1860:31).

„Мило улыбаясь, она пригласила нас в дом, старательно проговорив по-

русски : - По-жа-луй-ста ! - И тут же скороговоркой по венгерски : - *Tessék, tessék!* (Холопов 1975:246).

„Достаточно сойти с самолета ... и сразу услышать доброе приветствие, многократно повторенное слово «*тешек*» - пожалуйста.”(Герасимов-Герасимова 1980:103).

TÉESZ-TEJ

„То это «*ТС-мей*»- «Кооперативное молоко», в которое вошло около 100 различных кооперативов и более десятка молокозаводов, сыроварен...”(Герасимов-Герасимова 1985:93).

TIPUSHÁZ

”«*Типуш-хаз*», что по-венгерски значит «типовой дом», состоит их двух комнат, кухни, кладовой и прихожей.” (Лапоногов 1950:104).

ТОКАЙ

„ ... каждый ставил на стол хранимую для такого случая бутылку *токая* или Малаги.” (Холопов 1975:309).

„ ... в Токае ждут новых и новых солнечных дней, чтобы собирать ... сладкие изюмины для ... благородного, неповторимого по вкусу *токайского*. В «Фаусте» Гете Мефистофель поит собравшихся ... *токайским*....В течение многих столетий экспорт *токайского* являлся одной из важных статей венгеро-русских экономических связей.”(Герасимов- Герасимова 1985:89).

TOVÁBB

„Иногда наши коллеги, прибывшие на съезд, первое венгерское слово в этом лозунге - «*товаб*»- «дальше»переводили как «вперед». Но именно дальше!”(Герасимов-Герасимова 1980:45).

TÖRZSGÁRDA

„Несколько сот «*тёржгардистов*» - кадровых гвардейцев на Чепеле : те, кто проработал более 35-40 лет. Слово «*тёрж*» переводится еще как кряж, ствол, станица, корпус. Оно точно отражает понятие «ветеран».”(Герасимов-Герасимова 1980:79).

TRAFIK

„ ... мы ... зашли в «*трафик*» - магазинчик, пестрый и многоцветный, доверху забитый сувенирами и табачными изделиями, детскими игрушками и жевательной резинкой, сладостями, шариковыми ручками, путеводителями, открытками.”(Герасимов-Герасимова 1980:141).

TUDOM

„ ... когда ему ответили, воскликнул : - *Тудом ! /Знаю!*” (Лапоногов 1950:30).

TÚR

„*Тур* на Тиссе , значит лошадиною ярмаркою.” (Нович 1897:130-131). (Kovács 1965: 178).

TÚRÓSCSUSZA

„Официант поставил перед ним *«туросчюса»*- яство истинно степное, творог со шпигом.” (Дружинин 1983:58).

TVK (TISZAI VEGYI KOMBINÁT)

„ *«Оправа»* у этого *«искусственного бриллианта»* Тисайского химического комбината / как говорят здесь коротко *TBK* / также соответствовала местному характеру производства - из легких светло желтых синтетических стоек - барьеров.” (Герасимов-Герасимова 1985:110).

ÚJ ÉLET

„Рассказ о поездке ему потом пришлось повторять бесчисленное количество раз и перед членами своего кооператива *«Уй элет»* /«Новая жизнь»/...” (Лапоногов 1950:97).

ÚJSÁGIRÓ

„ ... желает мне доброго утра : Йо напот киванок, *уйшагиро ур!*¹ ! „(Гер- Григорян 1978:69).

¹Доброе утро, господин журналист.

ÚJ SZÓ

„Под окнами редакции газеты *«Уйсо»* на улице Эржебет шумит говорливая, полная торговых страстей *«толкучка»*.” (Лукницкий 1973:202).

„Она работала в армейской газете *«Уй со»* / *«Новое слово»* / , выходявшей на венгерском языке, редактором которой был известный писатель-интернационалист Бела Иллеш, переводила на первых митингах венгеро-советской дружбы.” (Герасимов-Герасимова 1985:140).

ÚJ TÜKÖR

„У него есть свой шеф, что очень важно - это еженедельник *« Уй тюкер»* /«Новое зеркало»/...” (Герасимов- Герасимова 1985:158).

Megjegyzés [x3]:

ÚR

„Слово «ур» -«господин»- венгры применяют обычно на улице и в общественных местах.”(Тер-Григорян 1978:69).

ÚRI KASZINÓ

„В начале века в этом массивном, с высокими аркадами окон и лепными украшениями доме было «Ури казино» - «Казино для господ.”(Герасимов-Герасимова 1985:198).

ÚT

„Вац-ут - это проспект Вацы, что тянется вдоль Дуная в сторону от Чепеля.”(Лапоногов 1969:236).

UTCA

„ ... в старом здании советской миссии на Байза-утца мы сидели до глубокой ночи ...”(Лапоногов 1969:157).

VALAMI VAN

„Как-то в одной парикмахарской я заметил на стене надпись «Валами ван» / «в этом что-то есть» / , с апострофом над вторым «а», благодаря которому фраза читалась по-венгерски с райкинским акцентом.”(Тер-Григорян 1978:65).

VAN PAPIR

„Вдруг появился радостно улыбающийся Урасов :«Ван папир»! -«Есть бумага»! - кричит на венгерском со своим своеобразным уральским акцентом.”(Герасимов-Герасимова 1985:12).

VASÁRNAP

„Надо сказать, что в самом этом слове - воскресенье / по венгерски «вашарнап» / заложена, если так можно выразиться, ярмарочная основа. Потому что «вашар» - это значит ярмарка, «нап» - день.”(Герасимов-Герасимова 1985:159).

VÁR

„ ...медленно еду в Вар. Здесь, в Vаре, все, как было сотни лет назад... «Вар» значит «крепость».”(Тер-Григорян 1973:15).

VÁROSLIGET

„Крупнейший парк столицы - Варошлигет занимает огромную территорию.”(Лапоногов 1954:57).

„Они собрали несколько сотен детей в городском парке Варош-Лигет и

присматривали за ними ...”(Замерцев 1965:110).

„ ... сегодня уже достигли центральных кварталов района Зугло и пробиваются дальше, к парку *Варошлигет*.” (Лукницкий 1973:90).

„В субботние и воскресные дни на улицах *Варошлигета* особенно много детей.”(Тер-Григорян 1978:80).

„ ... лицо проспекта Народной Республики самое чистое и ясное ... перед зеленым оазисом столицы -«*Варошлигетом*» /Городской рощей/. (Герасимов-Герасимова 1980:227).

„Просыпаются после зимнего сна аллеи *Варошлигета* - городской рощи, что в самом центре города.”(Герасимов-Герасимова 1988:277).

VERBUNKOS

„ - Нет, дорогой капитан, -ответила Эржебет, - это венгерская музыка в стиле «*вербункош*», народная музыка. ... вы не знаете настоящего «*вербункоша*»... И тут она стала исполнять ... народные танцы в стиле «*вербункоша*».”(Холопов 1975:255).

VÉRMEZŐ

„Эта площадь называется *Вер Мэзо* - кровавое поле - потому, что 150 лет назад здесь были расстреляны Мартынович - национальный герой, вождь освободительного движения против Габсбургов и вся его группа.”(Лукницкий 1973:212).

VICC

„Венгр приветлив, сыплет «*виццями*» - шутками,скрашивая заботы юмором - неумывающим и необидным, не признающим ни чинов, ни званий, острым, но не злобным.”(Герасимов-Герасимова 1985:68).

VIDÁMPARK

„Здесь ... «*Видампарк*», или веселый парк, с бесчисленными аттракционами... В «*Видампарке*» можно совершить в специальном поезде увлекательное путешествие по венгерским народным сказкам...”(Тер-Григорян 1978:80).

VIGADÓ

„*Vigado* - концертный зал, с арочными высокими окнами. Шесть больших - к пристани...”(Лукницкий 1973:109).

VIGSZINHÁZ

„Почти одновременно театр «*Вигсинхаз*» поставил «На дне».”(Лапоногов 1950:113).

VINHARSAROK

„... здесь находится «*Вихаршарок*» / «Уголок бурь» / , который знаменит крестьянским движением.”(Герасимов-Герасимова 1988:255).

VINCELLÉR

„К каждому из трех домов потребно по одному *винцеллеру*, то есть надзиратель, он же насадитель : худое выбрасывает, добро умножает, нанимает рабочих, делает вино, хранит его; одним словом, всего что касается дела наставник будет.”(Рачинский 1875:200).

VISZONTLÁTÁSRA

„Пора прощаться с милыми спутниками - им ехать дальше ... - *А висонтлаташра*. Я усердно произнес это трудное венгерское «до свидания».”(Дружинин 1983:13).

VITÉZKÖTÉS

„...még a magyar huszárvisélet is megfutotta a maga karrierjét a cári ármádiában. A vitézkötés 1763-tól nemcsak kötelezővé vált a lovasalakulatoknál, a magyar szakkifejezést is átvette az orosz katonai szaknyelv, éspedig hol *vitis-kitis*, hol *vitisketi*, hol pedig *etisketi* formában.”(Potyomkin 1786 vagy 1763., Tardy 1988:11).

[Az eredeti szöveghez nem jutottam hozzá, ezért csak a magyar forráshely feltüntetésével közlöm a bemutatandó szót.]

VÖRÖS CSILLAG

„В 1948 году ... был создан один из первых сельскохозяйственных кооперативов «*Вөрёш чиллаг*», что в переводе на русский язык означает «Красная звезда»... (Лапоногов 1969:238).

VÖRÖS KATONA

„В информационной заметке «Правда» на улицах Будапешта венгерская газета «*Вереш катона*» - «Красный солдат» отмечала...” (Дунаевский 1970:178).

VÖRÖSKŐ

„Побывал и на традиционном спортивном празднике у скалы *Вереш-кё* /Красный камень/.”(Замерцев 1965:195).

VÖRÖS ÚJSÁG

„К коротенькому письму была приложена заметка из газеты «*Вереш уйшаг*» - «Красной газеты» от 1 августа 1921 года.”(Дунаевский 1970:155).

„Он принимает участие в создании Коммунистической партии Венгрии и

первой газеты коммунистов «*Вереш уйшаг*».”(Герасимов-Герасимова 1985:10).

ZÁRSZÁMADÁS

„ ... он все чаще совпадает по времени с другим деревенским праздником - «*Зарсамодаш*», что значит «закрытие счета». «*Зарсамодаш*» - это подведение сельскохозяйственного года, кооперативом.”(Тер-Григорян 1978:53).

„В кооперативе большой день - «*зарсамодаш*». В переводе это слово звучит довольно сухо - «заключительный баланс».”(Герасимов-Герасимова 1980:104).

ZRINYI

„ - Те, кто интересуется историей, знают мою книгу о *Зрини*².” (Тер-Григорян 1978:36).

²Миклош Зрини - известный в венгерской истории полководец и государственный деятель, возглавивший в 1566 году героическую оборону крепости Сигетвар.

ZSEMLE

„ ... неизменные термосы с кофе, груды круглых хрустящих булочек - «*жемле*».” (Герасимов-Герасимова 1980:44).

ZSERBÓ

„С Макрисом я вижу часто. И у него дома, ... и в кафе «*Жербо*».” (Тер-Григорян 1973:85).

VIII. Корпус

1. Бакланов Г.Я.: Южнее главного удара, 1958.
2. Герасимов В.М.: Герасимова Г.А. Сервус, друг ! Издательство политической литературы, Москва 1980.
3. Герасимов В.М.—Герасимова Г.А.: Будапешт, площадь Москвы. Издательство Советская Россия, Москва 1985.
4. Герасимов В.М.—Герасимова Г.А.: Венгрия сегодня. Издательство политической литературы, Москва 1988.
5. Глинка Ф.Н.: Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием похода Россиян против французов в 1805 и 1806, также отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. В типографии С. Селивановского, Москва 1815.
6. Дружинин В.Н.: По дорогам Венгрии. Очерки. Детская литература. Ленинград 1983.

7. Дунаевский А.М.: Подлинная история Кароя Лигети. In: Дунаевский А.М. И опять иду по следу... Западно-сибирское книжное издательство. Новосибирск 1970.
8. Замерцев И.Т.: Через годы и расстояния. Военное издательство обороны СССР. Москва 1965.
9. Кольцов М.Е.: Что могло быть In: Избранные произведения в трех томах. Том второй, Государственное издательство художественной литературы. Москва 1957 (1927)
10. Куприн А.И. : Прапорщик армейский 1867. 1964. 126.
11. Лапоногов И.С.: Венгерская народная республка. Военное издательство обороны Союза ССР. Москва 1954.
12. Лапоногов И.С.: Дунайские были. События и люди. Издательство политической литературы. Москва 1969.
13. Лукницкий П.Н.: Венгерский дневник. Ноябрь 1944—апрель 1945. Издательство Советская Россия. Москва 1973.
14. Минчковский А. : Венгрия дважды в жизни. Звезда 1975/4. Москва 1975.
15. Магьярские поэты. Изданы под редакцией Н. Н. Новича. С.Петербург 1867.
16. Пушкин А.С.: Дубровский 1833. In: А. С.Пушкин. Сочинения. Издательство ЦК ЛКСМУ Молодь. Киев 1955.
17. Рачинский А. В.: Русские комиссары в Токае в XVIII столетии. Русский вестник. Москва 1875.
- 18.Сковорода Г. С. : Сочинения в двух томах, 1766, 1776. Издательство социально-экономической литературы. Мысль. Москва 1973.
 - Начальная дверь к христианскому добронравию. Глава 1-ая. О боге
 - Книжечка, называемая Silenus Aleibidis, сиречь икона Алкивиадская
19. Тер-Григорян А. Л.: У главных ворот. Венгерский репортаж. Издательство Молодая гвардия. Москва 1973.
20. Тер-Григорян А. Л.: Страна двух рек. Рассказ о Венгрии. Издательство Детская литература. Москва 1978.
- 21.Фалковский И.Я. 1775 In: Várad-Sternberg János. Kijevi diákok Magyarországon a XVIII. században c. tanulmánya alapján. Filológiai Közlöny. Budapest 1965.
- 22.Фатеев А.М.: День сдачи венгров (из воспоминаний о походе в Венгрию, в 1849 г.) Русская беседа 1859/4 стр.99-106.
23. Фатеев А. М.: Рассказ отставного солдата о венгерском походе. Русская беседа. Книга двадцатая. В типографии А. Семена. Москва 1860.
24. Холопов Г. К. : Две книги о войне. Рассказы и повесть Воениздат. Москва 1975.

25. Чернявская И. С.: (составитель) Зарубежная детская литература. Издательство Просвещение. Москва 1982.

Szakirodalom

Az orosz nyelv oktatásának metodikája általános és középiskolai tanárok számára, Tankönyvkiadó, Budapest, 1972. Szerkesztette Banó István és Kosaras István

В.И.Даль : Толковый словарь живого великорусского языка, Москва - 1978. Издательство «Русский язык»

Fenyvesi István : Egy 1849-es orosz dokumentum a magyar nyelvről, Magyar Nyelvőr 1999/2. 239-241.

László Hadrovics: Ungarische Elemente in Serbo-chroatischen, Budapest, 1985.

Hollós Attila: Híradás Sopronról a XVII. századi orosz újságokban, (Упоминание о г. Шопроне в русских вестях XVII.века. О языке грамоты Матиаша Корвина к Ивану III.) Soproni Szemle 29/1975,258-259. Studia Slavica 25/1979, 189-193.

Hollós Attila: Az orosz szókincs magyar elemei, A Magyar Nyelvtudományi Társaság kiadványai, 206.szám, Budapest, 1996. 1-114.

Kiss Lajos: Műveltségyszók, vándorszók, nemzetközi szók. Magyar nyelv, 1966/2. 179-188.

Kovács Zoltán: Egy XIX. század végi orosz nyelvű magyar lírai antológia, Filológiai Közlöny XI.évf. 1-2.sz. Budapest,1965.

Краткий словарь иностранных слов, 6-ое переработанное и дополненное издание, Государственное издательство иностранных и национальных словарей, Москва-1951. Под редакцией И.В.Лехина и проф.Ф.Н.Петрова

Lendvai Endre : A «lefordíthatatlan» megfeleltetési lehetőségei, Kandidátusi értekezés, Pécs, 1986.

István Nyomárkay: Die ungarischen Muster der kroatischen Spracherneuerung : Der militärische Wortschatz /aufgrund der Sprache der Dienstreglements/ Studia Slavica Hung.31.1985. Akadémiai Kiadó, Budapest.

Орфографический словарь русского языка, Государственное издательство иностранных и национальных словарей, Москва - 1963. Под редакцией С.Г.Бархударова, С.И.Ожегова и А.В.Шапиро

Супрун А.Е.: «Экзотическая» лексика, Научные доклады высшей школы. Филологические науки,1958/2.стр. 51-54. Государственное издательство «Советская наука»

Tappolet, Ernst: Die alemannischen Lehnwörter in den Mundarten der französischen Schweiz, Kulturhistorisch-linguistische Untersuchung, Straßburg,1914.

Tardy Lajos: Egy fegyvernem exportjáról, Népszabadság, 1988. január 30. szombat
Várad-Sternberg János: Kijevi diákok Magyarországon a XVIII. században, Filológiai Közlöny, Budapest, 1965.
Е.М.Верещагин - В.Г.Костомаров : Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного, Москва - 1973. Издательство Московского университета
Е.М.Верещагин - В.Г.Костомаров : Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного, Москва - 1976. Издательство «Русский язык»

V É G E

idézet szintagma

A cím pontatlannak, elnagyoltnak tűnhet, azonban ha alaposabban bonckés alá vesszük azokat a magyar szavakat, amelyek az orosz nyelvbe így vagy úgy bekerültek, akkor megállapíthatjuk, hogy definiálásuk, kategorizálásuk ugyancsak problémás. Egy biztos, ezek a magyar szavak nagyon széles skálán mozognak, hiszen nem egy közülük valódi nonekvivalens lexéma, reália, hapax legomenon, jövevényszó, vándorszó, vagy éppen abbreviatúra, ám egy sor más szó esetében alighanem csak couleur locale-ról van szó. Összességében az valószínűsíthető, hogy jövevényszókról beszélhetünk.

„Ha ... több nyelv között aránylag nagyszámú egyezést észlelünk, akkor fel kell tennünk, hogy ennek történeti okai vannak. Lehetséges ugyanis, hogy az egyező szavak ezekbe a nyelvekbe kölcsönzés útján kerültek, vagyis átvételek: **kölcsönszavak és jövevényszavak.**” (Telegdi Zs.1977.202.)

„... idegen szavak átvétele és beilleszkedése évszázadokon át folyó társadalmi jelenség. ... az idegen jövevényeket ... a történelmi folyamatba ágyazottan, időrendben ... kívánatos megismertetnünk. Az idegen szavakat befogadó társadalom valóságához pedig azáltal hozhatjuk közel e szóegyedeket, ha az adott, de folytonosan változó világ jellegzetes tárgy-és gondolatköreinek kategóriáiban kíséreljük meg őket elhelyezni.” (Országh L. 1977.7.)

„Az újonnan megismert fogalmak jelölésére ... kölcsönvette - rendszerint a hangalak némi átformálásával - annak a népnek a szavát, amelytől az új fogalmat tanulta. Az így kölcsönzött szavaknak a **kölcsönszóknak** jelentékeny része annyira beleolvadt az ősi, hagyományozott szókészletbe, hogy idegen eredetük teljesen feledésbe ment. Ezek a szók alkotják a jövevényszók csoportját.” (Rácz

E. - Takács E. 1983.65-67.) méghozzá olyan formában, ahogyan azt Kiss Lajos értelmezi és mutatja be Ernst Tappolet tanulmánya nyomán. A jövevényszavak között szükségességük szempontjából mutatkoznak különbségek.

Az első csoportba a **luxus-jövevényszók** tartoznak. „A luxus-jövevényszók tulajdonképpen nélkülözhetők volnának, mert az általuk jelölt tárgyat, fogalmat már azelőtt is nevezték valahogyan az átvevő nyelvben, meghonosodásuk tehát nem a nyelvközösség ismereteinek gyarapodását jelenti, hanem azt, hogy a szókincsben egy-egy, többnyire affektív jellegű szinonimával több lesz. A szinonimák később vagy differenciálódnak jelentésárnyalatilag, használati kör terén stb., vagy pedig küzdelmet folytatnak egymással, s ennek folyamán esetleg az új jövevény kiszorítja a régi sajátot.”(Kiss L. 1966. 179.) A magyar szakirodalomban Moór Elemér a „felesleges jövevényszavak és az idegen nyelvi pótszavak” kifejezést alkalmazza.

A korpuszba bekerült szavak többsége alighanem éppen ebbe a csoportba tartozik. Jószerivel semmi sem látszik indokolni, hogy az orosz átvette az *előre*, *éljen*, *földalatti*, *kanász*, *országház*, *perec* stb. szavainkat. Ezen fogalmak, főnevek kifejezésére az orosz is rendelkezik megfelelő nyelvi jelekkel, átvételük tehát inkább azt sugallhatja, hogy csak hapax legomenonként funkcionálnak, illetőleg, ahogyan már a bevezetőben utaltam rá, couleur local lehet az igazi magyarázat az átvételükre.

A második csoportot a **szükségletet kielégítő jövevényszók** tartoznak. Ezeknek a jövevényszóknak az a fő jellemzőjük, hogy „mindenkor a befogadó nép ismereteinek bővüléséről tanúskodnak”. (Kiss L. 1966. 179.) A szükségletet kielégítő jövevényszók két további csoportra bonthatók. Műveltségi szempontból semleges szavakra és kölcsönzött műveltségyszavakra. Más terminus technikussal élve ide tartoznak a nonekvivalens lexémák, mint például a jelen korpuszban szereplő *pálinka*, *pengő*, *paprikás*, *pörkölt*, *puttony*, *rétes* stb.” A műveltségyszavak a társadalom anyagi- és szellemi kultúrájával függenek össze. (A műveltségyszó vagy ahogyan ritkábban használják, a *kultúrászó* a német *Kulturwort* hatására, annak calque-jaként jött létre.) Meghonosodásuk egyet jelent az átvevő közösség fejlődésével, ismereteinek tökéletesedésével, műveltségének emelkedésével.

Terjedésük függőleges irányban halad a magasabb műveltségi szintről az alacsonyabb felé. Közéjük tartoznak mindazok a szavak, melyek ember által előállított eszközöket, technikai újításokat, természetett növényeket, háziállatokat, állami gazdasági stb. intézményeket, oktatásügyi, tudományos stb. fogalmakat, művelődési vívmányokat, távoli országokból származó termékeket, árucikkeket stb. jelölnek.

Mint Hollós Attila rámutat, az oroszban tulajdonképpen magyar jövevényszó alig van.” A magyar eredetű orosz szavak nagy része ... olyan európai **vándorszó**, amely a magyarba is gyakran más nyelvből érkezett, hogy esetleg új jelentésárnyalattal gazdagodva folytassa útját.” A Hollós Attila által hozott példák, vö: *huszár, dolmány, paprika* jelen tanulmány szótárrészében is szerepelnek.

SZOBA megnézni, ez így nem biztos !!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

„Из виноградников и дворов с погребями, без коих пробыть невозможно, выбирать прозываемые по тамошнему *сабатх*, или курия, то есть некоторый королевский дар / пожалование /.” (Рачинский 1875:202).

Benkő Loránd: A társadalom anyagi és szellemi műveltsége a szókincs történeti vizsgálatának tükrében, Ált.Ny.T. VIII. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1972

Moór Elemér: A nyelvtudomány mint az ős- és néptörténet forrástudománya, Budapest, 1963.30.

Ország László: Angol eredetű elemek a magyar szókészletben, Akadémiai Kiadó, Budapest, 1977.

Papp Ferenc: Lomonoszov, Kalmár György és a csúdok. Magyar Nyelv LXXVI.évf.1.sz.

Pongrácz Judit: Az ekvivalencia fogalma és a szakfordítás, Modern Nyelvoktatás XVIII. 1-2.

Rácz Endre - Takács Etel: Kis magyar nyelvtan, Gondolat, Budapest, 1983.

Telegdi Zsigmond: Bevezetés az általános nyelvészetbe, Tankönyvkiadó, Budapest, 1977.

Zoltán András: Az orosz szavak és tulajdonnevek átírásának vázlatos története 1954-ig, Studia Russica I. 1978.

Zoltán András: A cirill betűs átírás szabályozásának időszerű kérdései, Magyar Nyelvőr 103. 1979.287-299.

Славянские корни *rok- и *vrem- : синкретизм времени и судьбы¹.

При рассмотрении темпоральной лексики исследователи обычно обращают внимание на наличие в этих словах различных, на первый взгляд далеко отстоящих значений, напр. времени и погоды, времени и судьбы, времени и значений благоприятства, удобства (см. напр. Кочерган 1966, Яковлева 1994, Якубинская-Лемберг 1961 и многие другие). Однако, отмечая это обстоятельство, лингвисты редко пытаются объяснить его природу. Для этого необходимо рассмотрение многих сопутствующих экстралингвистических факторов, в том числе сведений по этнографии и фольклору. Рассмотрим синкретизм темпоральных значений и значений судьбы в дериватах двух корней с временной семантикой в некоторых славянских языках.

Праславянский корень *rok- и его производные распространены во всех славянских языках и диалектах: см. ст.-слав. рокъ, укр. рік, блр. рок, др.-русск.. рокъ «срок, год, возраст; правило; судьба», серб. и хорв. рок «срок, время», словен. gok «срок, рок, предзнаменование», чеш., словацк. gok, польск. gok – «год», н.-луж. gok. «то же».

В древнерусском языке *рокъ* обладал целым спектром значений, в одних доминирует временной компонент, другие обозначают «судьбу», а также «правило, постановление» [Срезневский 1989, III : 163]: *Зрю рока уже скончашася* (*т.е. определенное время*; Псалт. XIV в.); *Литва же не приспъ на рокъ* (*т.е. в срок*); *Естли бы застава въ Жида черезъ рокъ день одинъ была* (*год*); *Выше рока развеличается срцьмъ* (*т.е. сверх меры, непомерно*); *Иже по року оць...*, *похваленыи моужь...* (*возраст*); *Мнье сего рока* (*числа*); *Вси реша: се оуставъ и се рокъ да постоить неподжимъ* (*постановление, решение*); *Съмръти наводятся рокомъ жизньнымъ* (*судьбой*) [там же]. Из приведенных примеров видно, что древнерусское *рокъ* обладало двумя значениями: кроме собственно временного (срок, время, год; возраст) еще и значениями, утраченными почти повсеместно в современных славянских языках, а именно – 1. правило; 2. судьба. Лишь в современном русском литературном языке производные корня *rok- обладают значениями «судьба» (*fatum*): *рок, роковой*, часто в сочетании с существительным, выражающим время или его отрезок (роковой миг, роковая минута, роковой день и т.п.): *Мусульмане вьрують въ рокъ, христiane въ провидьние; Противъ рока не пойдешъ; Рока не минуешь* [Даль 1955, IV : 103]. Временное значение русского существительного *рок* сохранилось лишь в отдельных (южных и западных) диалектах. [Даль 1955, IV : там же]. В остальных славянских языках слова с корнем *rok- характеризуются, прежде всего, временными

значениями (Jahr, срок). Значение времени в русском «рок» остается как бы завуалированным (ср. его очевидность в словах *срок*, *срочный* и др.). Попытаемся объяснить такой синкретизм значений времени и судьбы в общеславянском корне *гок-.

Этимологический словарь русского языка М. Фасмера указывает на связь праслав. *гокъ «срок» с *реку*, *речь* (как и лат. *fatum* «судьба» связано с *fabula* «молва, толки», *fari* «говорить») [Фасмер 1986, III : 496-497]. Того же корня и русское *пророк*, *прорицать* – предвещать судьбу, укр. «вирок» – приговор. Древнерусское «урекание» обозначало «наговор, нареkanie, осуждение наговором, клеветой»: Оурьканиа три: бладнею и зельи, еретичьство [Срезневский 1989 III : 1261]. В то же время укр. диал. «вректи», укр. лит. «зурочити» обозначает «сглазить» (и сущ. «вроки» - сглаз) (если в русском – дурной глаз, то в украинском – дурное слово, даже дурная мысль, но суть одна – «испортить судьбу» приговором, заклинанием). Такое соединение двух, казалось бы, далеко отстоящих значений на первый взгляд кажется иллюзорным и неправдоподобным. Однако рассмотрение других слов с временным значением подтверждает синкретизм значений времени и судьбы (вернее сказать – фатума, того самого *рока*). Развитие и расщепление прежде связанных, а со временем все более самостоятельных, свободных значений привело к развитию межъязыковой омонимии в славянских языках.

Обратимся к образованиям от славянского корня *vrem-/*vřëm-. Корень *vrem-/*vřëm- сохранился, по всей видимости, не во всех славянских языках и диалектах. В русском языке он имеет значение «time, Zeit», встречается также в ряде украинских диалектов (*врем'я*, *верем'я*), сербском и хорватском *време/vrijeme*, обладая здесь двумя основными значениями – времени и погоды, болг. *време* – то же.

В западнославянских же языках слова с этим корня полностью вытеснены образованиями от корня *čas- и *god- (это касается и собственно временных и погодных значений): пол. *czas*, *pogoda*, чешск. *čas*, *počasí*. Лишь словарем польского языка засвидетельствованы *wrzemie*, *wrzemienny* (*czasowy*, *znikomy*, *doczesny*) с немногочисленными примерами из Священного Писания [Karłowicz i inni, 1919, VII : 730].

Как связать значения времени и судьбы в словах *время*, *врем'я*, *време/vrijeme*? Обратимся к этимологии. Праславянское *vřëm- связано с д.-инд. *vartman*, что обозначает «дорога, колея, рытвина». Привычная славянам семантическая линия, соединяющая понятия «пути-дороги» и «судьбы» не случайно. И хотя в славянских названиях дорог нет слов с этим корнем, именно от и.-е. *wert-, с которым связано и слав. *vrem- образована такая единица измерения пространства как общеслав. *vřsta [Иванов 1986 : 69].

Выше мы уже указывали на связь слов с временным значением (*рок*) со словами со значением говорения (*речь, речи, т.е. «говорить», пророк*). Значение современного русского слова *врач* отличалось от старинного, которое употреблялось в значении «колдун, знахарь». А чем лечит знахарь? По всей видимости, заговором, заклинанием: А Персѡмь и Халдѡмь и Асирѡмь звездочтение, вльшвевание, врачевание [Срезневский 1989, I : 314]. Древний «доктор» врачевал – врал, т.е. говорил, произносил заклинания (у греков существовало понятие *ιατρομαυτις*, обозначающее врача-пророка, «боговдохновенного врача») [Вейсман 1899 : 620]. Т.Б. Лукинова отмечает вхождение слова *врач* в круг соответствующих языческих понятий [Лукинова 1984 : 121]. Отсюда сербское и хорв. *вгаџати* – колдовать, быть знахарем, лечить с помощью заклинания; др.-серб. *врачьба, врачьство* (*medicina, curatio*, прежде – *знахарство, колдовство*) [Даничић 1864 : 157-158]. Врач, он же колдун также был и предсказателем судьбы. В некоторых русских диалектах и сейчас слово «врать» имеет значение не «говорить неправду», а попросту *говорить*. К тому же, как указывают исследователи, слово *время* принадлежит к древнейшим основам на –*men* (п-основы), а детальное обследование семантики слов с п-основами с учетом свидетельств этнографии может привести к интересным результатам, «...в частности просматривается некий общий семантический сегмент, имеющий отношение к рождению ребенка и, возможно, соответствующим этому событию древним ритуалам» [Лукинова 1984 : 121].

В замечательной книге М.М. Маковского «Удивительный мир слов и значений» говорится о теснейшем переплетении жизни человека в древности с отправлением языческих культов, религиозных действий, сопровождавшихся жестикуляцией, движениями, разрыванием и расчленением, а также закалыванием приносимой жертвы. При этом обряд сопровождался заклинаниями. Однако именно *движение*, как справедливо замечает Маковский, составляло основу ритуала. По-видимому, именно поэтому главными понятиями, которые впоследствии легли в основу огромного числа индоевропейских слов (как конкретных, так и абстрактных), были «гнуть» и «резать». [Маковский 1989 : 24]. Семантика движения и культовых действий связана с семантикой говорения, речи: ср. и.-европ. корень **ueg-* со значением «гнуть, крутить, резать», а также «жечь», что, несомненно, связано с еще одним важным условием ритуальных отправлений – они происходили, как правило, у огня (на котором зачастую сжигались жертвенные животные): ср. болг. *дѣмя*, но болг. *дума*, русск., укр. *думати*), а также «жечь, испускать дым» (ср. **ueg-* «жечь», но. англ. *word* «слово»; нем. *rauchen* «дымить», *Rauch* «дым», но русск. диал. *речить* «говорить», *рок*; нем. *sprechen* «говорить», но *brechen* «ломать»). (В связи с этим интересно указать на связь значений «говорить»

и «видеть»: лит. *žereti* «сиять, светить», *žeruoti* «пылать, сверкать», рус. *взор, зоркий*, словен. *zreti* «взглянуть», чеш. *zřiti* «видеть», но рус. *позор*. Синкретизм значений огонь – сияние, свет – зрение – речь проявляется в параллелях укр. *зурочити*, но рус. *сглазить*).

Значительно легче объяснить соединение значений времени и погоды в темпоральных словах: они восходят к тому времени истории человечества, когда развитие мышления характеризовалось непосредственной связью понятий времени с практической деятельностью и явлениями природы, сменой погодных условий и времен года (отсюда значения времени и погоды в сербском и хорватском *vreme/vrijeme*, укр. диал. *година* и др.). Именно поэтому древняя система времяисчисления характеризуется отсутствием четких временных границ, относительной протяженностью временных отрезков. Современная система деления временного пространства на дифференцирующие его лексические единицы – явление позднее.

Являясь составной частью семантических изучений, этнографические исследования свидетельствуют о многоплановости обрядовых действий, в которых важнейшими факторами были движения и речь (культовые заклинания и т.д.). Синкретизм движения и слова соединен в значениях корня *ueg- и его дальнейшем развитии. Отсюда многоплановость семантики его производных, в том числе и славянского корня *vrem-. В дериватах корня *rok- семантика времени связана с изначальной идеей движения, с ней же связана и семантика говорения, *речи* (см. родственное д.-инд. *rasana* – «последовательность, порядок»; речь можно рассматривать как последовательность звуков и слов). Данные этнографии помогают также объяснить значение *судьбы* как своеобразного представления о ней, как о результате культовой речевой деятельности, *прорицания*. Как подтверждают наши исследования, активное привлечение экстралингвистических факторов совместно с лексико-семантическим и этимологическим анализом корней, лексических пластов и отдельных слов могут предоставить новые интересные свидетельства развития лексической группы темпоральной лексики, которая ранее считалась в славистике сравнительно хорошо изученной.

¹ Автор выражает сердечную благодарность проф. д-ру филол. наук В.Е. Моисеенко за ценные замечания, высказанные в адрес написанного.

Литература:

1. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. СПб., 1899.
2. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. М., 1955

3. Даничић Ђ. Рјечник из књижевних старина српских. У Биограду 1864.
4. Иванов Вяч. Вс. О соотношении этимологии и реконструкции текста // Этимология 1984. М., 1986, с. 66-70
5. Кочерган М.П. Лексика часових понять в українській мові // Лексикологія та лексикографія. К., 1966, с. 53-64
6. Лукинова Т.Б. Лексика славянского язычества // Этимология 1984. М., 1986, с. 119-124
7. Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений. М., 1989
8. Мельничук А.И. Корень *kes- и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков // Этимология 1966. М., 1968, с. 194-241
9. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987
11. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994
12. Якубинская-Лемберг Э.А. Этимология слова “доба” // Ученые записки Ленинградского университета, серия филолог. наук, № 301, 1961, с. 244-257
13. Karłowicz J., A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego. Tom VII, Warszawa, 1919

Две заметки о русских ругательствах

1.К генезису выражения *сукин сын*

Убеждение в этимологической “прозрачности” выражения *сукин сын*, по-видимому, препятствовало постановке вопроса о его генезисе. Однако при более внимательном анализе (даже на уровне современного языкового состояния) эта “прозрачность” оказывается мнимой. Достаточно соотнести такие образования, как *собака – собачий – Собакин* и *сука – сучий – сукин*, чтобы увидеть семантическую “асимметрию” данных словообразовательных рядов, причина которой заключается в семантике прилагательного *сукин*, которое, в отличие от *Собакин*, необязательно является именем собственным. По данным Картотеки Словаря русского языка 11-17 вв., выражение *сукин сын* употребляется в русском языке с 17-18 вв.: <...> тако и паки блядинъ сынъ и сукинъ сынъ сталь. Авв. Кн. толк. 482 (17-18 вв.) (КСРЯ)¹; сукиными сынами и иными скаребными словами браниль. А. К. 3 (1710) 283 (КСРЯ). В 16-17 вв. мы встречаем следующие патронимические образования: Дати ми Гришѣ Микитину сыну Сукину десять рублевъ. Пам. дух. грам. 1535, 129 (КСРЯ); Федоръ Ивановичъ Сукинъ (в ДП) Гр. ук. о кр. 1555, 236 (КСРЯ); Иванъ Михайловъ сынъ Сучкинъ. Дон. д. 2, 978 (17 в.) (КСРЯ). По Н.М. Тупикову, фамилия *Сукинъ* встречается с конца 15 в. [Тупиков 1903: 767]. Прозвище *Сука* и фамилия (ретроспективно – патроним) *Сукин* среди древнерусских (старорусских) имен собственных не настолько редки, чтобы быть квалифицированными как уникальные: Се яз Федосе[й], прозвеще Томилко, да Варламко, прозвеще Стрелец, да Обросько, прозвеще Широкой, да Огашитко, Ивановы дети, прозвеще отцу Сука. Новг. Каб. Кн. 1602, 13 (КСРЯ); Микифоръ Сука, крестьянин, нач. 16 в. , северо – восточная Россия.¹ Раскрытие названий источников Картотеки Словаря русского языка 11-17 вв. и словаря Н.М. Тупикова см. в: Указатель источников Картотеки Словаря русского языка 11-17 вв./ Сост. Геккер С.Ф., Мордовина С.П., Романова Г.Я. М., 1984.

АЮ, 443; Сенка Сука, солдат, в Астрахани, 1672, АИ 4, 492; Илейка Сукинъ, крестьянин, 1495, Кн. пер. Дерев. пят. 1, 46; Василий Борисович Сукинъ, воевода Новгородский, 1583, АЮ, 224; Иван Сукинъ, дьяк Алатырский, 1614, АИ 3, 12; Федька Сукинъ, крестьянин, 1647, северо – восточная Россия, А. гражд. распр. 2, 147 [Тупиков 1903: 378,767], Васка Сикин, капитан, 1683 [МДБП 1968: 110]. Теоретически выражение *сукин сын* было возможно в др.-русск. с 12 – 13 вв., потому что смягчение кы, гы, хы в ки, ги, хи произошло

именно в это время [Соболевский 1907: 130-131]. В древненовгородском диалекте переход кы, гы, хы в ки, ги, хи начинается с 14 века [Зализняк 1995: 74]. Однако в диалекте древнего Новгорода образования *Лукинъ* и *Ольгинъ* характерны еще для дописьменной эпохи [Зализняк 1991: 158]. В стандартном древнерусском *Лукинъ* заменялось на *Лучинъ*. Но вместо *сукинъ* или *сучинъ сынъ* в др.-русс. встречается *соучии сынъ*: Повелѣ (Владимиръ) коумиры испроврещи, ввы ишщи, а другы# вгневи предати, Перина соучіа сына повелѣ прив#зати коневѣ къ хвостѣ и волочитѣ и с горы. Сбор. Увар. 15 в. л. 624 [Срезневский 1989, 3, ч. 1: 633]. Прилагательное *сукин* первоначально закрепляется только за патронимами. Последнее, очевидно, связано с наличием в русск. словообразовательного ряда *собака – собачий – Собакин* (по Н.М. Тупикову, фамилия *Собакин* встречается с 15 века: Василий Иванович Собакинъ, московский воевода, 1438, ПСРЛ, 8, 107 [Тупиков 1903: 754]). Др.-русс. *соучии сынъ*, укр. *сучий син* [Удовиченко 1984, 1: 56-57], польск. *suczy syn* [Skorupka 1968, 2: 252] не связаны с патронимическими образованиями и первоначально представляют собой прилагательные, выражающие отношение: относящийся к суке, принадлежащий ей. Кстати, значение выражения *сукин сын* – “сын” суки, щенок, - очевидно, появляется под влиянием значения выражения *сучий сын*, также здесь сказывается воздействие мотивированности апеллятивом *сука* (ср. Щепы бы да с уксусомъ / щеня бы не сукин сынъ. Сим. посл. 159 /17 в./ /КСРЯ/).

Почему в истории русского языка не встречается как ругательства выражения **кошкин сын*? Потому что нет ругательства **кошечий сынъ* (так же, как и в случаях, напр., *Белкин сын*, *Блохин сын* и т. п.). Повидимому, в истории русского языка действует закономерность перехода патронимов (или шире – имен собственных) в разряд прикличительных прилагательных. См. наши предварительные данные:

патронимы

притяжательные

прилагательные

сын Кошкин 1550 [Тупиков 1903: 597]	-	кошкин 17-18 вв. [СлРЯ 11-17 вв. 1980, 7: 395]
сын Белкин 1495 [Тупиков 1903: 497]	-	белкин отсутствует в [СлРЯ 11-17 вв.], встречается, напр., у В.Даля [Даль 1995, 1: 156]
сын Блохин 1495 [Тупиков 1903: 479]	-	блохин 17 в. [СлРЯ 11-17 вв. 1975, 1: 244]
сын Мухин 1566 [Тупиков 1903: 656]	-	мухин 17 в. [СлРЯ 11-17 вв. 1982, 9: 316]
сын Ласткин 1455 [Веселовский 1974: 177-178]	-	ласткин 16-17 вв. [СлРЯ 11-17 вв. 1981, 8: 177]

сын Векшин 1545 [Веселовский 1974: - векшин [Даль 1995, 1: 175] 64-65]

сын Лисин 1539 [Тупиков 1903: 622] - лисин [Даль 1995, 1: 254].

Все приведенные выше образования в истории русского языка как патронимы – первичны, как притяжательные прилагательные – вторичны. Возможно, решающую роль в этом процессе (патронимы притяжательные прилагательные) сыграл переход *Сукин* → *сукин сын* на базе *сучий сын*, тем более что в остальных случаях (*Кошкин* → *кошкин* и т. п.) мотивация оказывается непроясненной. Некоторые патронимы (напр., *Выдрин*, *Кобылин*, *Козин*, *Коровин*, *Крысин*, *Рысин*, *Щенятин* и др.) не перешли в разряд притяжательных прилагательных (ср. модель *собака* – *Собакин*).

Предполагаемый нами генезис выражения *сукин сын* типологически связан с происхождением таких русских слов, как *подкузьмить* и *объезгорить*. К тому же наши рассуждения о выражении *сукин сын* обнаруживают параллель с гипотезой Б.А. Успенского об этимологическом значении выражения *блядин сын*, которое “первоначально, по-видимому, не отождествлялось с матерщиной и само по себе не являлось предосудительным, т. е. не относилось к разряду непристойных выражений” [подробнее см.: Успенский 1994, 2: 60, 111].

Анализируемое выражение представлено в блр., укр., польск., словц. и болг. языках.

В болг. *сукин син* [Фраз. речник... 1975, 2: 115, 364], бесспорно, является заимствованием: в болг. отсутствует лексема *сука*. Не исключено, что блр. *сукін сын* [Тлумачальны слоўнік... 1983, 5, кн. 1: 372, 431] также восходит к патронимическому образованию. Несмотря на то, что нами не зафиксирована блр. фамилия **Сукін*, теоретически она может иметь место в блр., поскольку в блр. есть образования подобного рода – *Свінін*, *Шчукін* [Бірыла 1963: 37-38], наличествует фамилия *Сабакін* [Бірыла 1969: 359] и вообще блр. фамилии с суффиксом –ін/-ын/ составляют 6% (в укр. они составляют 2,49% от всех укр. фамилий) [Бірыла 1963: 53].

В укр. выражение *сукин кот* [Удовиченко 1984, 1: 56-57], вероятно, заимствовано из блр. *сукін кот* [Лепешаў 1993, 1: 523]. В словаре укр. языка в 11-ти томах слова *сукин* нет [Словник укр. мови 1978, 9]. Как уже отмечалось, в укр. фамилии на –ин/-ін/ менее характерны. Иногда их можно спутать с аналогичными русскими фамилиями [об этом см.: Редько 1966: 207]. Укр. фамилии с суффиксом –ин, образованные от названий животных, очень редки. В укр. обычны такие образования, как *Білка*, *Кінь*, *Кіт* и т. п. [Редько 1966: 19, 92-94, 98, 131-132]. Для Юго-Западной Руси характерны фамилии *Мушин*, *Щучин*, *Чайчин* и т. п. [Тупиков 1903: 656, 814, 854; Зализняк 1991]. В северной Украине встречается фамилия *Сучич*, *Сученко* [Рыбаков 1981: 583] (производные от *сучий*).

В свое время А. Брюкнер указывал на то, что польск. *sukin syn* заимствовано из русского [Brückner 1957: 525]. В словаре Карловича зафиксирована лексема *sukisyn* в качестве ругательства (из А. Мицкевича) с комментарием: *Suki + syn*, заимствование из русского [Karłowicz 1952-58, 6: 508]. В словаре Линде исследуемое выражение отсутствует [Linde 1854-60, 5: 499-500]. На наш взгляд, следует различать выражение *sukisyn* и *sukin syn*. Выражение *sukisyn* могло быть заимствовано в тот период, когда в польск. еще не завершился переход *ky* → *ki*, иначе бы оно не ощущалось как чужеродное. Восточнославянские – украинские и белорусские – влияния в польском начинают усиливаться во второй половине 16 века [Лер-Сплавинский 1954: 199]. Однако в польск. *кэ, гэ, снэ* выступали как варианты *k, g, ch* уже в 15-16 вв. (как фонемы в 17 в.) [Stieber 1966: 68-69; Rospond 1971: 91]. Таким образом, выражение *sukisyn* вполне объяснимо на польском языковом материале, тем более что в отмеченной Карловичем лексеме вскрыта внутренняя форма ('сын суки'), что в случае заимствования вряд ли было бы возможно. Однако выражение *sukin syn* – по-видимому, русизм. Для польского более характерны образования *matka* – *matczyn*, *matoscha* – *matoszyn* и т. п. Далее, если предполагать возможность появления польск. прилагательного *sukin* из аналогичной польск. фамилии, то здесь мы столкнемся с трудностями иного порядка: в польск. зафиксирована фамилия *Suczyn*, датированная 1790 годом [Rymut 1991: 255] и возникшая явно на основе прилагательного *suczy*, и отсутствует словообразовательный ряд *sobaka* - *sobaczy*- **Sobakin* (польск. *sobaka*, известное в 17 в. [Brückner 1957: 505], антропоним *Sobaka*, датированный 1789 годом [Rymut 1991: 246] рассматриваются нами как след восточнославянского влияния).

В словц. *sukin syn* [Slovník slovenského jazyka 1964, 4: 381], не является заимствованием (из русского через польский): в польск. переходку → *ki* завершился позднее, чем в ср.-словц., в котором смягчение заднеязычных согласных относят к фонетическим процессам 12-13 вв. [Pauliny 1963: 184-191, 308-309]. Итак, выражение *сукин сын* первоначально являлось патронимическим образованием.

2. К реконструкции субъекта матерного выражения

<...> *твою мать*

В одной из своих статей А.В. Исаченко реконструировал третий компонент (пес в денотативном значении как субъект действия) матерного выражения <...> *твою мать*, дошедшего до нас в

усеченной форме (действие – объект) [Isačenko 1965]. Все же субъект действия в этом ругательстве, по нашему мнению, допускает и иные, не менее возможные, интерпретации.

В работе “Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии” Б.А. Успенский, восстанавливая полную форму матерного выражения, опирается на выводы А.В. Исаченко, который, в свою очередь, для решения этого вопроса привлек свидетельство немецкого дипломата и путешественника С.Герберштейна (1486-1566). По Герберштейну, русские ругаются на венгерский манер: *Canis matrem tuam subagitet*, т. е. *Чтоб пес взял твою мать* [Успенский 1994, 2: 86]. То, что субъектом действия в полной форме матерного ругательства оказывается собака, как полагает Б.А. Успенский, подтверждается “древнейшими документально зарегистрированными формами матерной брани, представленными в южно- и западнославянских текстах нач. 15 в., а именно в болгаро-валашской грамоте 1432 г. (да ми ебе пьс жен@ и матере ми – Богдан, 1905, с.43, №23; Милетич, 1896, с.51, №12/302) и в польском судебном протоколе 1403 г. (*cze pesz huchloszcz*, т. е. ‘*niech się pies uchłości*’ – Брюкнер, 1908, с.132)” [Успенский 1994, 2: 86]. Однако семантическое “пространство” лексемы *пес* не ограничивается прямым указанием на денотат. Не исключено, что свидетельство С.Герберштейна и примеры из болгаро-валашской грамоты 1432 г. и польского судебного протокола 1403 г. могут быть иначе интерпретированы при обращении к коннотативному значению²³ слав. рьсь.

Известно, что *пес* связывается с бесовским началом (об этом много

²³ В вопросе о коннотации мы разделяем точку зрения Е.Куриловича, изложенную в работе “Заметки о значении слова” [Курилович 1962: 237-250]. Статья Е.Куриловича дает основание трактовать коннотацию в связи с употреблением слова во вторичном значении и в связи с понятием семантического контекста: напр., в первичном значении слово *морда* употребляется по отношению к животным, во вторичном, более или менее обусловленном контекстом и внешней ситуацией, - по отношению к человеку. Употребление данного слова во вторичном значении является коннотативным.

‘собака; старый черт; лжец; дьявол’ [Насович 1983: 413]; в.-луж. *chort* ‘борзая собака’ в значении ‘черт’: *to by chort (był) ‘это был бы черт’, chortowe džěło!* ‘чертово дело!’ и др. [Schuster-Šewc 1971: 371]; укр. *бісів син, песький син, сучий син* [Удовиченко 1984, 1: 56-57]; русск. *пес (черт) его знает*.

Исходя из приведенных примеров, мы заключаем, что субъектом матерного выражения *пес* <...> *твою мать* мог являться и бес, черт, дьявол. Наше предположение находит мифологическую параллель: по одному из преданий змей (в христианской традиции дьявол, сатана, принявший лишь обличье змея) сожительствовал с женой Адама [Мифы... 1991, 1: 318]. *Гришр*

пишет сам Успенский [Успенский 1994, 2: 95-97, 120-122]). Данный факт получил отражение в семантике рассматриваемого слова: *пѣсь* обозначает дьявола в одном из текстов Успенского сборника 12-13 вв. - <...> по въкоушении же знаменавъ с# и рече [блаженни] ~му• пѣсе нечистыи трѣо'ка_ане• немощне и страшиве аще оубовѣси _ако блажени соуть• то по чѣто сътоужа~ши имъ• ибо блажени соуть и трѣблажени вси бо_ащии с#\$бога• отъ все_а доуша•wtвѣщавъ же ди аволь рече• сътоужаю имъ да побѣжю _а и съблазнъ сътворю имъ wt вс#кого дѣла блга• рече же къ н~моу блаженни• не боуди добра тебѣ прокл#тыи <...> [УСб 1971: 482, 298в 15-30]; в Супрасльской рукописи святой обращается к бесу: снѣ сотонинъ обѣ'штъ'ниче нечистыхъ бѣсовъ• бѣсѣнныи пѣсе• крѣво пивыи змию Y∞ ∅≡¬ Φ∇∅∇< б∇∇ бáη∇Δ∅у б∇∇∇ :∇4< :γ<γ б∇ω<• ∇∇:≡B ∅∇ *ΔζбТ<• [Супр. 1982, 1: 249]; в “Физиологе”: Поити и ты члче камень• гонимъ ^ пса• сирѣчь ^ бѣса <...> (сербская редакция 16 в.) [Физиолог 1893: 56]. Ср. также ст.-чешск. *pes* в коннотативном значении: *svatý Prokop vida jich [dáblů] zlost, ... těm pŕom odpoviedáše* [SČS 1985, 15: 149]; чешск. диал. *psina* ‘черт’ [Зайцева 1975: 10]; польск. *psi, diabelski, suczy syn* [Skorupka 1968, 2: 252]; блр. *пес*

Библиография

1. Бірыла 1963 – Бірыла М.В. Беларускія антрапанімічныя назвы ў іх адносінах да антрапанімічных назваў іншых славянскіх моў. Мінск, 1963.
2. Бірыла 1969 – Бірыла М.В. Беларуская антрапанімія. Мінск, 1969. Ч. 2.
3. Веселовский 1974 – Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974.
4. Даль 1995 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. 1-4.
5. Зайцева 1975 – Зайцева Н.И. Мифологическая лексика в чешском и словацком языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1975.
6. Зализняк 1991 – Зализняк А.А. Морфонологические модели *Луцѣ-Луцинъ* и *Лукѣ-Лукинъ* в славянских языках // *Studia Slavica*. К 80-летию С.Б. Бернштейна. М., 1991. С. 153-160.
7. Зализняк 1995 – Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
8. Курилович 1962 – Курилович Е. Заметки о значении слова // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 237-250.
9. Лепешаў 1993 – Лепешаў І.Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1993. Т. 1-2.
10. Лер-Сплавинский 1954 – Лер-Сплавинский Т. Польский язык. М., 1954.
11. МДБП 1968 – Московская деловая и бытовая письменность 17 века. М., 1968.

12. Мифы... 1991 – Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1991. Т. 1.
13. Насовіч 1983 – Насовіч І.І. Слоўнік беларускай мовы. Репронт. изд. Мінск, 1983.
14. Редько 1966 – Редько Ю.К. Сучасні українські прізвища. Київ, 1966.
15. Рыбаков 1981 – Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
16. Словник укр. мови 1978 – Словник української мови, т. 1-11, Київ, 1970-1980. Т. 9.
17. СлРЯ 11-17 вв. – Словарь русского языка 11-17 вв. М., 1975-1997. Вып. 1-22.
18. Соболевский 1907 – Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
19. Срезневский 1989 – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репронт. изд. М., 1989. Т. 1-3.
20. Супр. 1982 – Супрасьльски или Ретков сборник. София, 1982. Т. 1.
21. Тлумачальны слоўнік... 1983 – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы, т. 1-5 (кн. 1-6), Мінск, 1977-84. Т. 5. Кн. 1.
22. Тупиков 1903 – Тупиков Н.К. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
23. Удовиченко 1984 – Удовиченко Г.М. Фразеологический словарь украинської мови. Київ, 1984. Т. 1-2.
24. УСб 1971 – Успенский сборник 12-13 вв. М., 1971.
25. Успенский 1994 – Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1994. Т. 2. С. 53-128.
26. Физиолог 1893 – Физиолог, изд. А. Александровым. Казань, 1893.
27. Фраз. речник... 1975 – Фразеологичен речник на българския език. София, 1974-75. Т. 1-2.
28. Brückner 1957 – Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.
29. Isačenko 1965 – Isačenko A.V. Un juron russe du 16-e siècle // Lingvua viget. Commentationes slavicae in honorem V. Kiparsky. Helsinki, 1965. S. 68-70.
30. Karłowicz 1952-58 – Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1904-1927 (1952-58). Т. 1-8.
31. Linde 1854-60 – Linde S.B. Słownik języka polskiego. Lwów, 1854-1860. Т. 1-6.
32. Pauliny 1963 – Pauliny E. Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava, 1963.
33. Rospond 1971 – Rospond S. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1971.
34. Rymut 1991 – Rymut K. Nazwiska polaków. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1991.

35. Schuster-Šewc 1971 – Schuster-Šewc H. Slawische Etymologien // Zeitschrift für Slawistik. Berlin. 1971. Bd. 16. № 3. S. 369-376.
36. SČS 1985 – Staročeský slovník. Praha, 1968-1996-, 1-21-.
37. Skorupka 1968 – Skorupka St. Słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa, 1967-68. T. 1-2.
38. Slovník slovenského jazyka 1964 – Slovník slovenského jazyka, dl. 1-6, Bratislava, 1959-1968. Dl. 4.
39. Stieber 1966 – Stieber Zdz. Historyczna i współczesna fonologia języka polskiego. Warszawa, 1966.

Принятые сокращения

диал. – диалектный

ДП – дательный падеж

КСРЯ – Картотека Словаря русского языка 11-17 вв. (хранится в Институте русского языка РАН в Москве)

языки:

блр. – белорусский

болг. – болгарский

в.-луж. – верхнелужицкий

др.-русс. – древнерусский

польск. – польский

русс. – русский

слав. – славянский

слвц. – словацкий

ср.-слвц. – среднесловацкий (диалект)

ст.-чешск. – старочешский

укр. – украинский

чешск. – чешский

Суффиксальные редуцированные звуки в Синайском патерике

(Иштван Пожгаи)

1. Введение

Синайский патерик (Син. 551) был списан со старославянского оригинала в XI–XII вв. на восточнославянской территории. Памятник хранится в Государственном Историческом музее в Москве. Он состоит из 184 листов. Рукопись была издана В. С. Голышенко и В. Ф. Дубровиной в 1967 г. в Москве²⁴. Наш анализ проводится по их изданию. В рукописи кроме основного почерка различается еще 7 иных почерков. Иные почерки мы будем указывать под общим названием “иной почерк”, приписывая к этому римские цифры от II по VIII (основной почерк был бы I, но этого мы не будем указывать отдельно). В заключении и подсчетах все иные почерки мы будем брать вместе из-за незначительного их количества. В работе будут указаны все примеры, содержащие буквы =, ' и апостроф, или показывающие отсутствие как букв =, ' так и апострофа на месте редуцированных гласных, но где примеров будет слишком много, там в виде исключения, после нескольких примеров будет дано лишь количество примеров. Примеры будут помещены по алфавитному порядку, и слова, образованные от тех же корней, будут отделены друг от друга запятой. Слова, образованные при помощи чередования гласных, будут отделены друг от друга точкой с запятой. Примеры будут представлены по своему наиболее употребляемому правописанию. Эта работа является сокращенной частью нашей докторской диссертации.

2. Органические редуцированные в слабой позиции

В этой главе мы не указываем окончаний у имен и причастий, поскольку данный пример встречается неоднократно. Таким образом мы желаем избежать того, чтобы при каждом примере написать, что он стоит в косвенных падежах за исключением род. п. мн. ч. Те формы, в суффиксах которых согласный, стоящий рядом с редуцированным, показывает праславянскую палатализацию или йотацию, указаны после остальных примеров данного слова.

2.1. Органические редуцированные заднего ряда в слабой позиции

На месте этимологически слабого органического редуцированного заднего ряда найдена буква = в следующих суффиксах.

²⁴ Голышенко В. С., Дубровина В. Ф.: *Синайский патерик*. Москва 1967.

2.1.1. В суффиксах --w- и -v=w-

2.1.1.1. В суффиксе --w-

ved=w-: 43.4, 47v.9, prived=wimi: 112v.1, naved=w[: 95v.12, pr\ved=we: 174.6. Mvr'g=wi: 166.2. povr'z=w-: 114.11, 123v.19, Mvr'|z=we: 144v.2-3,3-4, ot=vr'z=w[sA: 11v.3. povl=k=wem=: 58.14; izvl\k=we: 109v.19, obl\k=w[: 55.5. izgas=wa: 16v.4, ugas=wa: 126v.1. v=zdvig=w- (sA): 54.3, 61v.19, 70v.13-14 (иной почерк V). v=zlelg=wi: 55.5-6. obli;iv=we: 103v.6. v=l\z=w-: 9.11, 86.4, 117.12, 120.2-3, 142.6-7, 146.1, izl\z=w-: 30.12, 146.4-5. s=nemog=wa sA: 13.16, iznemog=wu: 81.2. um'r=w-: 6.5-6, 6v.18, 8.12,16, 25v.7-8 (иной почерк IV), 30.16-17, всего 18 примеров (1 в ином почерке), izm'r=we: 146.8. prines=w-: 58v.16-17 (иной почерк V), 84.3. pr\nik=w[: 147.10. un'z=w-: 74.5-6,9. pad=wi: 164v.9, v=pad=w-: 53.16, 164v.5, pripad=wi: 173v.6-7 (иной почерк VIII). upas=wa: 146v.20. rospor=|wi: 131v.15-16. nedorast=wei: 56.13. rek=w-: 10.13, 17v.11, 19v.10, 25.12, 26v.6, 27.6, 27v.21 (иной почерк IV), всего 49 примеров (9 в ином почерке), prorek=w[: 73v.8. obr\t=w-: 9v.19, 58v.10, 172v.6, 173v.5 (иной почерк VIII), 175v.3, us=r\t=wi: 33v.8. postig=wI: 173v.8 (иной почерк VIII). prost'r=wi: 54.4. istek=wi: 87.19, Mtek=wi: 174.4. pretr=g=w[: 85v.8. uhas=wem=: 147v.1. w'd=w-: 30.18, 37.7-8, 45v.5-6, всего 12 примеров, priw'd=w-: 12v.10, 15v.5, 16v.13 (иной почерк II), всего 48 примеров (3 в ином почерке), v=w'd=w-: 30.11, 98v.5, 102.12, dow'd=wem=: 18.2-3, 61.8, pr\w'd=w-: 3.13, 44.4-5, pod=|w'd=wi: 60.18-19, iw'd=w-: 92v.13, 164v.4, 172.3, s=w'd=w-: 63v.6-7, 104.1, 135.11-12, 146.19, ot=w'd=w-: 51v.20, 159.17, 158.14-15, ob'w'd=we: 177v.16; s\d=w-: 151.11, 172.12-13. navyk=we: 145v.10. na;'n=w-: 79v.18-19, 137v.2. v=z'm=w-: 10v.-13-14 (в первом слоге буква = утрачена), 11.13, всего 17 примеров, im=w-: 21.13, 87v.10, 91v.2, 114.11, 146v.1, 175.17, priim=w-: 42.5, 44v.5, 52.17, 178.3, poim=w-: 112v.16, 131.1, 146.17, 156v.1, 158v.6, iz'm=we: 125.18.

2.1.1.2. В суффиксе -v=w-

priblixiv=w- sA: 9v.3, 83v.19, 117.8,16. zabludiv=we: 21.13. pobol\v=we: 44v.6. ubo|/v=wi sA: novoob=dov\v=w[(sic!): 154.5. 50v.5-6. byv=w-: 4v.11, 11v.1, 12.4, 13.1, всего 31 пример (1 в ином почерке), pr\byv=w-: 23.14, 30.11, 71.19-20 (иной почерк V), 92v.11. v=zb\|s'n\v=we: 109v.18-19. povel\v=w-: 43.17, 134.8-9. vid\v=w-: 8.12-13, 34.17, 34v.2-3, всего 17 примеров (1 в ином почерке).

v=zvrativ=w- sA: 21.17-18, 117.2, obrativ=w[: 92v.3. vr\div=we: 174v.15. pov\dovav=we: 110v.16, pov\dav=w[mu: 154v.19. v\rovav=w-: 56v.1, 99v.10. niz'|v\siv=we: 57.19-20, privAzav=we: 85v.7. Mv\qav=w-: 11.6, 33v.13-14, 54v.13-14, 91v.13, 130v.12-13, 131.12, 147v.14, s=v\qav=w[: 129v.4. pogasnuv=w[: 126.13, ugasiv=wi sA: 175.6. m'noϕlav=wem=: 123.14. v=zglasiv=wa: 87v.7. s=gniv=wa: 11v.5. s=- gnuwav=wa sA: 154v.8. gor\v=w-: 128v.5-6,6, s=gor\v=we|m=: 23.14-15. zagradiv=wa: 103v.7. dog=nav=we: 175v.13. dav=w-: 32v.8, 43.17, 132v.16, 136.9, 157.2 (*уной почерк VI*), rasprodav=wi: 20.14. udariv=w-: 8.10, 98v.15, 123v.19. da|rovav=wago: 106.12-13. odol\v=we: 44v.3. v=zd=hnuv=wi: 50.5. s=d\av=w[: 156v.20. xiv=wi: 154.6. z=vav=waago: 179v.3. uz'|r\v=wA: 145v.17-18. iskav=w-: 58v.7, 81.14, 87v.9, 171.1, v=|ziskav=we: 175v.2-3. pokazav=wem=: 37.7. katihDmisav=we: 97.15. v=sklepav=w-: 49v.13, 93.10. v=skliknuv=we: 43.14. pr\kloniv=wa: 61v.18. kon';av=w[: 71v.4, 102.8, 152.18-19, s=kon';av=w- (sA): 65.5, 104.17, 154v.12. kopav=w-: 57.13, 58v.15-16 (*уной почерк V*), 63.6, 137.10-11, 137.20-137v.1, iskopav=w[: 62v.6. pokoriv=w[sA: 20v.8. s=|kryv=wem=: 64.2-3. kr'stiv=|wema: 63v.7-8, pr\kr'stiv=w[: 39.2. uloviv=we: 85.7. v=zloxiv=w[: 39.1, pr\loxi|v=w[mu: 158.1-2. prilui|v=w- sA: 32v.12, 44v.17, 146.13, 114.15, s=lu;i|v=wiih= sA: 147.7-8. razl\niv=w[: 92v.2. ot=mahnuv=we: 9v.3. minuv=w-: 61v.2, 147v.20,13-14. uml=;av=w[: 120v.14. moliv=|w[: 54v.12-13. pomudiv=we: 114v.2, zamud\v=w[: 61.11-12, 120.3. pomysliv=wa/: 95v.5. m'n\v=wi: 132v.8. pr|m\niv=wa sA: 154v.11. pomAnuv=wi sA: 164v.6. obnaxiv=w-: 9v.2, 95v.20. u|nyv=wa: 162.11-12. ob\qav=wa sA: 129.13. razoriv=wa: 138v.16. s=pav=|wa: 13.1-2. piv=we: 10.15, ispi|v=wem=: 9v.14-15. posti|v=w[sA: 38v.11-12. ispraviv=wi sA: 33v.18. uprazniv=wem=: 108.13. v=prosiv=waago: 147v.9. pustiv=w-: 57.18-19, 159.6. ra;iv=w[: 3.9. posadiv=we: 156v.2; be|s\dovav=wa: 180v.20-181.1. oskud\v=w-: 131.9-10, 155v.17. posluwav=w[: 20v.9; slywav=w-: 19v.11-12, 20.3, 42.5, 47.20, 52.13-14, 109.15, 146.20, 168.20, 175v.4, 182v.15, uslywav=wi: 167.11. prosl'ziv=wem=: 12v.8. os'mAnu|v=w[: 73v.12-13. usp\v=wem=: 101.16. osramiv=we sA: 165.1. stav=w-: 137.20, 167.15, v=stav=w-: 50.1, 102.1, 136v.13, 171v.9, nastav=w[F: 45v.9-10, nedosta|v=w[: 171.3-4; pr\|sto/v=we: 182v.17-18; ostaviv=w-: 19.6,17, 47v.4, 55v.5-6, 139v.4, 154v.20-155.1, 175.19, 175v.14, pred'postaviv=we: 178.7. pr\star\v=wa: 128v.10.

postra|dav=waago: 52v.1–2. ustroiv=w[: 171.7. pristupiv=w-: 15.8–9, 105.13–14. v=sypav=wi: 124v.15. posA|zav=we: 165.15–16. s=tvoriv=w-: 27.11 (*иной почерк IV*), 57.12, 62.13, всего 18 примеров (2 в ином почерке). 8tvr'|div=wem=: 152v.19–20. isto;iv=w[: 54v.13. ist=qiv=wi: 57.12. razum\v=w-: 33v.16, 77v.1, 86.11, 124v.13. v=shot\v=w[: 81v.5–6. s=hraniv=wa: 76v.8. isc\l\v=wago: 27v.4 (*иной почерк IV*), ic\liv=wi: 153v.20, c\lovav=wa sA: 103.18. Mi/a/v=wiih= sA: 174.20, pri;a/v=|we: 44v.4–5. ;[div=w- sA: 34v.1, 46.14, 132v.12, 159v.1. v=z=piv=wi: 174.3. /viv=w: 3v.7, 73v.15.

2.1.2. В суффиксе ==k- (==c-, ==i-)

kl\t=k-: 13.4–5, 12, 32.3, 6–7, всего 21 пример (2 в ином почерке), kl\t=c-: 28v.9, 29.5, 30.20–30v.1, всего 15 примеров. krot=k-: 4v.18, 28v.15–16, 64.17, 65.8, 65v.13, 70v.2 (*иной почерк V*), 78.2, 89v.12–13. kr\p=kyA: 125.1, kr\p=iA: 100.18. k'nig=i6: 166.12 — В этом примере речь идет не о суффиксе ==k- (==i-), а скорее суффикс -;ii (который является суффиксом, извлеченным из тюркских заимствованных слов²⁵) был подложен или к корню через звук =; или к гипотетической форме *-k'nig=k-, которая, может быть, когда-то существовала, и звук k ассимилировался, потом исчез. Поскольку трудно было решить, где указать этот пример, в конце концов мы поместили его тут. — obl'g=iiti: 4v.4, 19, 5.9, 108v.14, 163.16. polu|t=ku: 59.1–2. p\s=k-: 99v.8, 122.12, 122v.10 (*иной почерк VI*), p\s=c\: 121v.11, 147.11. pAt=k-: 89v.19, 164.17. r\d=ko: 116.10. slad=k-: 90v.7 (последняя буква выскоблена, позже написана буква а), 108.18, 120.11–12. ;etv'r't=k-: 35v.12, 55v.16. na ;At=k-: 38v.19, 109.18–19.

2.1.3. В суффиксе ==t- (==i-)

Фомы действительного причастия настоящего времени глагола w'p=tati: w'p=iA: 138.19, w'p=i [qa: 152v.19.

2.1.4. В суффиксе ==h- (==s-, ==w-)

vet=h-: 117v.4, 118.1, 13, 135.3, 148v.14, vet=s\: 133v.15, zavet=wav=: 102v.5.

2.1.5. В суффиксе ==p-

²⁵ Balczyk Emil, Hollós Attila: *Ószláv nyelv*. Budapest 1987, 103. o.

Вайан А.: *Руководство по старославянскому языку*. Москва 1952, с. 232.

vr't=p- / v'r't=p-: 3v.5, 4.3–4,8, 7v.16,20, 10.19, 10v.14,18, 11.8, 12.16, 15.3,5, 36.12, 58.19, 95v.17, 97v.15, 111.16–17, 155v.7. Форма, содержащая в своем суффиксе =, является старославянской, пока форма, содержащая ', считается древнерусской²⁶. Эти написания через =, несомненно, восходят к старославянскому протографу.

2.2. Органические редуцированные переднего ряда в слабой позиции

На месте этимологически слабого органического редуцированного переднего ряда найдена буква ' в следующих суффиксах:

2.2.1. В суффиксе –'n– (–'n'–)

al';'na: 96.9. obav'nik=: 45.9. bi;'nikom': 34.17. blix'nii: 110v.2, 154.10, 155v.19, 175v.2, 180v.19. blud'nica: 9.12, 19.2,4,12–13,14,15, 53v.4, 156.7, 156v.17–18, 175.4, blud'nyi: 31.3, 14v.2, blud'ni;'|stva: 31v.2–3, pr\blud'nik=: 53.4; blAd'na: 138.19–20. box'stv'nyi / (преимущественно под титлом) ѿxstv'nyi: 21.4,15–15, 21v.4,5, всего 26 примеров (7 в ином почерке), bezbo|x'nyA: 160.7–8. bol'ni: 80v.16. s=bor'n'i: 14v.11–12, 17.17, 18v.1, 22.14 (иной почерк III), 27v.3 (иной почерк IV), 33v.19, 35.3, 56v.2, 73.12–13. zabral'nika: 146v.18. brat'n'-: 6.7, 30v.12, 38v.9–10, 63.1,6, 101.1–2, 139.7, 163.6,14, 163v.11, 163v.12, 164.5. braw'na: 58.7, 69.9 (иной почерк V), 89.8, 108v.10, 118.10. neby|t'na: 26.2–3 (иной почерк IV). b|d'n'm': 20.13–14, b\d'ni|ci: 115.16–17, pob\d'nyi: 43.10, v=zb\s'|n'ti: 95v.8–9, 109v.18–19, 127v.1. povar'nica: 73v.13. vel'blud'nik=: 75.2. vin'|ni: 120v.7–8. nenavist'nici: 65v.1, zavist'nika: 153v.18–19. vital'nicD: 121v.3. zatvor'nik=: 31.2,15,19, 31v.7,13, 45.15, 96.18. vr\men'no: 98.15, malovr\men'ny|h=: 108.13–14. v=n|w'nii: 7v.12–13. vyw'nii: 31.11, 110v.17 (az utóbbi példában az y betű helyén = betű áll). prav'd'n-: 73v.3, 127.4, 138.14. dov'l'no: 148.2. vr'hov'nii: 102v.19, 103v.9. propov\d'nika: 146v.18. v\;'n-: 30.17, 98.14–15, 98v.3, 108.12, 111v.5, 130.17, 154v.17, 182v.18–19. bezglav'nago: 136.2, 160.8, bezglav'nika: 33v.12. bezglDm'nyA: 118v.17. gnus'nyh=: 54v.16. ugod'nik=: 68.5, 103v.18, 126v.19–20, bogougod'no]: 20.8. bLgougod'n'i: 118v.19. grad'nyi: 24.19 (иной почерк IV), 45.14–15,20. gr\w'n-: 38v.18, 46v.19–20, всего 8 примеров, gr\w'nik=: 53v.6, 101v.7, 179v.14, gr\w'nica: 50.6, z=logr\w'na: 50.12. dav'nyh=: 172.12,

²⁶ Vasmer Max: *Russisches Etymologisches Wörterbuch*. Erster Band, Heidelberg 1953, p.190.

izdav'na: 102v.5, 165v.14. dal'nii: 176.6. velikodarov'nika: 95v.12. podvix'nyi: 80.3, nepodvix'nu: 46.13. dv'r'nik=: 79.18, 102.13–14. nadex'nyh=: 176.20. pAt'desAt'nyh=: 123.9. div'n\m': 56.2. podob'n=: 66v.2, 142v.16, 146v.15, 177.14, nepodob'n=: 53v.17–18, 54v.11, 99v.15, 142.18, 163.12, pr\podob'nyi: 122v.6 (*иной почерк VI*), 144v.5–6. domaw'nii: 56.4, 167v.6–7, 170.18, 181v.1. dw'nyi: 20.6, 53.8, 100v.6, 119v. 10, 165.17, dw'nyum': 44v.2. d=xdev'nyA: 167.9. dl=x'nyi: 140.12, 155v.12, dl=x'niky / d=l=x'lnky: 155v.13, 157.1–2 (*иной почерк VI*). d'n's'nAgo: 20.1, d'n'w'nAgo: 18.9–10, 19.16, 27.20 (*иной почерк IV*), 55.2, 109.14 — Хотя это прилагательное написано с буквой ' , она вероятно не обозначала редуцированного, а то смягченный *n'* не смог бы ассимилировать полумягкий *s'* в мягкий *š'*. Однако, можно предположить и то, что в говоре писцов все-таки произносился редуцированный по аналогии с другими прилагательными, поскольку ассимиляция, упомянутая выше, характеризует прежде всего старославянский язык²⁷, и она может восходить к оригиналу. —, v'sed'n'no]: 118v.11. d\latel'nika: 67v.13, ned\l'n'i: 77v.10. nedDx'nyA: 122.18. xel'nyh=: 168.19. xivot'nyum=: 128v.13. xit'nica: 17.9, 17.11–12, 59.18–19, 59v.12. xl=d'nuF: 76v.4. xAd'nyA: 121v.10. zad'nii: 127.1, 127.5. zem'nyi: 129.2–3, 148.14, 150v.4, zem'nik=: 136v.15. zolot'nik= / zlot'nik= / zlat'nik=: 21.17, 29.15,18–19, всего 15 примеров. zra;'na/: 166v.4, dobrozra;'na: 4v.7, sv\tozra;'nu: 70v.7 (*иной почерк V*), b\lozra;'na: 91v.2, bLgozra;'na: 135.13. zlov\r'nyih= (sic!): 17v.2, z'|lov\ - r'naago (sic!): 22v.1–2 (*иной почерк III*). l=xaime|n'naago: 180v.6–7. naim'nik=: 109.7, priAt'nom=: 178.4. istin'n=: 15.1,4, 24v.12–13 (*иной почерк IV*), 30v.11, 33v.5–6, 110.8–9, 120v.11. kamen'|nik=: 152v.11–12. okan'n=: 50.12, 50v.1; mnogoc\n'nago: 153.1. kliros'nik=: 104v.16–17, 144v.1, 156.18,20, 156v.6–7. s=kl't'nik=: 29v.6, 103.9–10. klAtv'nik=: 31v.11; nepr\klon'nyi: 127v.9. iskon'no]: 147.5. zakon'n=: 76v.5, 135v.12, 140.5, zakon'nik=: 140.5,7,15,19, 140v.3,6,7–8,10,13, 141.3,14, bezakon'nyi: 12.10, 54v.11–12; na;Al'ni: 56.14. kon'nik=: 47v.6. korabl'nik=: 50v.12, 51.20–51v.1, 63.2,7, 120.5,9–10, 120v.7,18, 152v.16, 153.8 (*иной почерк VI*), 153.20. pokos'no: 174.15. kow'nica: 37v.13–14, 124v.15, 125.18,19–20. kras'n=: 4v.8, 30.7,10, 52.5, 136.18, 136v.3, 181v.5. s=krov'na/: 147.15. kr'st'nyum': 5.5, 120.9. iskr\p'nu: 122v.7 (*иной почерк VI*). kup'no: 89v.4. iskus'nik=: 173v.3 (*иной почерк VIII*). k=nix'no]: 28.14.

²⁷ Вайан А.: *Ibidem*. с. 80.

kr=; 'm'nica: 135.20, 135v.3,9–10, 136.2, 142.7,16, 142v.5–6. razli; 'n-: 52v.15,16, 53.6,7. pol'z'no: 43v.19. pril\x'n-: 118v.18, 147v.6, 151.8–9, pr\d'lex'ny: 126.16. luka|v'nii: 163.11–12. l\s'no: 10.1. \bar{m} ltv'nik=: 48.3, 64v.8, 90.9, 101v.16. moq'na: 122.17, nemoq'n-: 100.11, 107v.20, 157.15 (*иной почерк VI*), 160.10–11, 171v.5–6, pomoq'nik=: 88.3, 100.18. pr\mudr'nik=: 43v.16. mux'stv'no: 44.4. bezml=v'nik=: 42v.11 (*иной почерк VI*), 43.19, 113v.9. m=q'nik=: 69v.2, 88.6. s=mysl'n-: 76v.6, 136v.4, 154.8, v'semysl'no: 143v.14. s=mr't'n- / s=m'r't'n-: 65v.3, 143v.16, 148v.16–17, 180v.4, pol=s=mr't'na: 175.18–19. m\d'nica: 79v.11,13, всего 18 примеров. n \bar{m} s'no]: 19v.11. noq'n-: 16.12, 70.20–70v.1 (*иной почерк V*), 174.10, v'sAkonoq'no]: 118v.11. dobronrav'n-: 6.17, 29.9, 76.15, 73.14, 102v.14, 117v.10. nyn\w'nii: 58v.2 (az y betú helyett = betú van), 78.6, 125v.10–11, 176v.11. ob'q'nik=: 20.6,11, 47.5, 55.19. ov'n-: 34v.5,19. ogn'n-: 30v.13, 45v.14, 70v.15 (*иной почерк V*). o; 'n\i: 118.13. z=loramAt'niku: 53.3. s \bar{p} s'no]: 138.17, opas'no: 153.8–9 (*иной почерк VI*). pe;at'l'n'na: 148v.19. besplod'no: 180.9. pl'n'nika: 21.16, 109v.4, 177v.17–18. pr\ispod'nih=: 139v.11. pl=t'n-: 165.17, 180.5, bespl=t'nago: 176.13. post'n-: 63.10, 107v.18, 108v.14, 118.8, post'nik=: 9.8, 28v.16, 44.3–4,20, 64.14, 82.11, 130.15. protiv'n-: 79.19–20, 85.10,16–17, 180.1. nepr'q'no]: 92v.20. pr\d'nih=: 100v.16. pustyn'n\i: 98v.8, pustyn'nici: 104.3. put'nu[: 20v.19, s=put'nik=: 126.15. p'weni; 'na: 128.12. rabot'nic[: 40.19 (*иной почерк V*). b\loobraz'n-: 25.7 (*иной почерк IV*), 71v.9, bL agoobraz'no]: 108.6. izdre;en'nyum': 73.18, neizdre;en'na: 84. 20–84v.1; neporo; 'no: 144v.20. ri|z'nyum': 118v.7–8. odinorod'nu: 25v.7 (*иной почерк IV*), roditel'nica: 31.14–15, s=rod'nici: 90.9–10. ru; 'nyim': 82.1. r'v'nost': 27v.11–12 (*иной почерк IV*), 32v.13, 175v.20, r'v'nitel': 22.5 (*иной почерк III*). rAd'nik=: 181v.20, izdrAd'no]: 118v.13. svobod'n-: 25v.4 (*иной почерк IV*), 133v.18–19, 136.16. svoistv'na: 96v.3, 142v.17–18. sv\q'naago: 36.17. nasel'nik=: 16.18, 56.10. sil'nii: 113.1. skv'rn'n- / skvr'n'n- / skv'r'n'n-: 19v.6, 19v.17, 25v.11 (*иной почерк IV*), 67v.6–7, 114.20–114v.1, 123v.8. slav'nyh=: 150v.8, pravoslav'nyi: 17v.14–15, 149.15, 180.16–17, pr\slav'n-: 44v.8, 55v.3, 91v.3, 122v.12 (*иной почерк VI*), 138.7–8, 146.18–19; sloves'n-: 66.9, 76.7, 104.9, besloves'n-: 20v.17, 21.3, 128v.13. slux'b'nik=: 34.1. sl\d'nyh=: 173.15, posl\d'nii: 92v.8, 139v.6–7, 139v.20–140.1, 175v.12–13. sra; i; 'na: 54.1. pristav'nik=: 23v.8–9, 91v.11, 101v.13–14; stanov'no[: 172.13, nepr\|stan'no: 164.6–7.

nastol'nik=: 104.13, pr'vonastol'nik=: 103.16, pr'vostol'nika: 146v.19. stran'n-: 39.19–20, 48v.4, 61.14,14, 88.17–18, 108v.18, stran'nik=: 14.19, 39.16, 100v.12, 113.11–11, 127v.2,4, 167v.4, 169v.7,17, stran'nopri|Asta: 60.17–18, stran'no|l[b'c': 172v.14–15. strast'nice: 19.8, strast'nik=: 54.13–14, 78v.20, strast'n-: 133.18, 137.2, 154v.3–4 drDgos=stra|st'no]: 129.6–7. straw'n-: 15.9, 54.15, 56.6, 121.1–2. strun'n-: 18v.10, 36.13, strun'nik=: 4.15–16, 12v.15, 36v.9–10, 39v.12–13 (*иной почерк V*), 40v.19–20, 127.17, 127v.19. stud'nyi: 175.18, 178.11, bestud'na/: 19.9. neostDp'no: 163.18. stl=p'nik= / st=lp'nik= / st=l'p'nik=: 16v.1–2,9, 17.15, всего 21 пример (7 в ином почерке). st'klAni; 'nu[: 51v.6. sud'nyi: 31v.12.]dinosuq'n\i: 29v.16. su]t'nyi: 44.16, 93.16–17. sl=n'; 'nyi / sL n'; 'nyi: 78. 11, 121v.5. usypal'nic\': 61v.12. v=sto; 'n|i (sic!): 23v.6–7, isto; 'nik=: 57.5, 117v.9–10,10. otrav'nik=: 52v.20. trapez'niku: 132.6. potreb'no: 44v.16. trud'na: 101.4, trud'nik=: 173v.18 (*иной почерк VIII*), 176.9–10, 177.7. tu; 'nym': 116.17. t=; 'n-: 19v.17, 100.16–17, 108.2, 151.4, prit=q' n-: 92v.19–20, 108.6. t=qet'ny|h=: 179v.20–180.1. t'l\ n'no: 43.5. t'm'n-: 15.11, 73v.15, t'm'nica: 76v.12,15, 77.1,2,5,20, всего 29 примеров, t'm'ni; 'nik= (a főnévben kétszer található meg az -'n- suffixum): 136.18–19, 77v.6. t'r'nov'na/: 126v.10. t\les'n-: 44v.2, 71v.2–3, всего 7 примеров. um'n\i: 118v.16. razum'n-: 107v.11, 118v.16. utr\w'nii: 17.1 (*иной почерк II*), 36.3. prohod'n\m': 30.15, Mhod'niku: 171v.15, zahod'nyh=: 158v.2; ow'l'nik=: 7v.5, 58.17; v=sad'niky: 120.6; v=sAD'niky: 49v.1 (Последнее слово образовано от основы настоящего времени. Так как в словаре можно найти именно этот единственный пример²⁸, не исключена и описка, если мы имеем дело не с “hарах legomenon”). hu|l'no: 53.4–5, hul'nik=: 15.15, 33.17. huq'nik=: 157v. 6,7. сѣ kv'nyi: 28v.21, 61.9, всего 12 примеров (1 в ином почерке). ;rev'nuF: 29.10. ;[v'stv'nyh=: 107v.12. ;r'm'nago: 85.7, 85v.4, 86.16. ;'st'n-: 27.4 (*иной почерк IV*), 32.2, 63v.6, 72.20, 72v.8–9, 73.9, 125v.20, 156.17, 161.3, ;'st'n\iwa: 107v.11, pri; 't'nici: 61.13, 61v.4–5. ;[d'n-: 66.17, 76v.1–2, всего 11 примеров. pri; Ast'nik=: 20v.7–8,18, 150.16,17. oby; 'nyi: 111v.8, 170.14, 175.3, 177.8,16, oby; 'nika: 96.19. /zv'na: 74.8–9.

2.2.2. В континуантах праславянского суффикса *-ьк-

²⁸ Срезневский И. И.: *Словарь древнерусского языка*. Репринтное издание. т. I, часть 1, Москва 1989, с. 432.

2.2.2.1. В суффиксе -'k- (-'c- / -' ; -)

gor'kyA: 12.11-12, 108.20, 114v.6. d=i'kD: 151.2. tAx'ko: 104.6, otAx'alo: 167v.16.

2.2.2.2. В суффиксе -'c- (-' ; -)

blud'cA: 67.8. b\l'c-: 92.16, 108v.19, 109.1. samovid'ci: 119.2. vr'v'c[: 61.1. v\n'ati sA: 70.10, 116v.2-3. dv'r'ca: 35v.18, 45v.3, 46.6, 70v.5 (иной почерк V), 111v.15, 166v.13 (иной почерк VI). drev'ce: 137v.19. doma;Ad'ci: 56.10. z=l'ca: 30.14, 107.3. lihoim'c[: 53.1, 109.8, mytoim'ci: 53v.3. kl\t'ca: 5v.7, 28v.2-3 (иной почерк IV), всего 15 примеров (1 в ином почерке). kon'c-: 29.9, 32v.5, всего 10 примеров, kon';ati: 23.12, 71v.4, всего 13 примеров, kon';ina: 42.17, 136v.13, 143.10,10-11, kon';ani/: 105.16, s=kon';ati (sA): 9.10, 11.19-11v.1, 12v.15, всего 19 примеров (2 в ином почерке), s=kon';anii: 176v.13, iskon';alt': 68.7. koryt'ce: 85v.6. kup'cA: 136v.16. kr=i;ax'c[: 59.3. bgol[b'ci (sic!): 172v.3, slovol[b'ca: 110.8, ѿ ol[b'ci: 9.2. pr\mudr'c-: 63v.17, 70.5-6, 112v.17. mr'tv'c- / m'r'tv'c-: 13v.10, 164.10,12,16. ov'ca: 66.9, ov';ii: 115v.20, ov';Ati: 79.4. b\loriz'c-: 42.12,15, 60.17, 62v.5,8, 118v.13-14, 138v.6-7, ;r'noriz'ca: 114v.15,17. bL goslov'ca: 32.6. sl\p'c-: 51. 16,19, 51v.5. star'c-: 3.9, 3v.10, 4. 17, 7.5, всего 155 примеров (9 в ином почерке), star';e (звательный п.): 3v.6, 27v.7 (иной почерк IV), всего 10 примеров (2 в ином почерке). stol'ci: 41v.9-10, pr\stol'c[: 41v.11. sl'n'ce (sic!): 108v.11, 109.6. s'r'd'ce: 19v.12, 53.13, 124v.17, 148.17. s's'ci: 38v.16. tvor'c-: 18v.14, 31v.14-15. ;r'n'c-: 169v.10-11, 170v.13,19-20, 172.4-5. ;'t'c[: 118.5. ot=w'l'c- / Mw'l'c- / ow'l'c-: 7v.15, 8v.15, 12v.6-7, всего 25 примеров (1 в ином почерке).

2.2.2.3. В суффиксе -'sk- (-'st'-, -'sc'-)

aleGandr'sk- / aleGan'dr'sk-: 28v.1, 69.8 (иной почерк V), 101.3, 102v.12, 146v.19, aleGan'dr'st-: 139.19, 142v.10-11,13-14, Inoan'dr'ska: 160v.4. аѿ gel'st\m': 148v.17. apostol'skuumu: 22.13 (иной почерк III), a\postol'sk\i (sic!): 22.14-15 (иной почерк III) (отсутствие II праславянской палатализации, если оно не является опискою, может указать на новгородский диалект третьего писца), оѿ stol'skyi (sic!): 24v.9-10 (иной почерк IV), apostol'sc\i: 15v.7 (иной почерк II). afron'skyA: 145.1. ѿ x'sko: 156v.15. b\l' ;'sk-: 111v.1, 152.11. b\sov'sk-: 79.6, 176.9. vavilon'skuF: 86v.14, 87v.13. vison'skyA: 110.20. v'sA ;'sk- / v'sA ;'sk- / vsA ;'sk-: 20v.1, 31.19,

39v.6–7 (*иной почерк V*), 143.19, 180.8, 182v.15. galat'skD|mD: 96.17–18. grad'skyA: 137.10. d\t'sk–: 11v.8, 147.1. egIp't'sk–: / egIp't'sk–: 21.12–13, 108.16–17, 158.12–13, egIp't'stii: 124.6. elin'sky: 109v.7. elion'skyA: 13.18, elion'st\ : 134v.5, eleon'st\i: 31.2. eliot'skyi: 31.1. er'm'ska: 127.15. erihon'st\m': 6v.14. xen'sk–: 11v.8, 26.11 (*иной почерк IV*), 54.11, 90v.16. xidov'sky: 122v.17 (*иной почерк VI*). idol'st\i: 142v.19. ier'dan'sk– / |r'dan'sk– / i|r'dan'sk–: 5v.13–14, 7v.4–5, 8v.1–2, ier'dan'st\i: 125.2. ierusalim'sku: 11.1, ѿ lim'skyi: 95.6, ѿ lm'st\ : 21v.9. kalamon'skyA: 125v.9. kanon'skyim': 29v.19. kilik'sky: 36.6. kr'st' /n'sk–: 29v.13, 130v.15, 131v.5–6, 143v.2, 148v.10. kIan'ska: 160.16. kIpr'sko: 18.1. lad'skago: 113.7. livan'sky/: 107v.1 (*иной почерк VI*). manastyr'sk–: 65.1, 99.3–4. mir'skyi: 108.19, 115.7, 150.20. mor'sk–: 50v.8–9, 85.10, 99v.8, mor'st–: 12v.3, 117.6. mux'sk–: 11v.8–9, 178v.20. m'niw'sk–: 46.1, 55.8–9, 83v.13, 107v.13–14, m'niw'st\m': 71.10 (*иной почерк V*), 128v.11. ѿ ;'sky: 101.15. pl=t'sk–: 53.6, 82.5, 108.16. popov'sko: 122.2, popov'st\i: 11v.6–7, 16–17. prozvI|ter'sky: 27.11–12 (*иной почерк IV*), prozvIte|r'st\ : 145.15–16. ;r'noriz';'skyA: 115.8. rim'sk–: 102v.14, 103.8, 104v.7, ri|m'sc\m': 102v.15–16, ri|m'st\ : 105v.19–20. skIt'skyi: 35.10, 81.15. star';'sky: 38.3. stromAt'skyi: 1123.9. sIr'skom': 73v.10, sur'sky: 96.3. faran'skago: 89v.9. fini';'skyA: 12v.19. Oivaid'stii: 21.14. ѿ rkv'sky: 101.15. ;L ;'ska: 172v.1. ;r'n';'skyi: 115.5.

2.2.4. В суффиксе –'stv–

blaxen'stva: 140.4. blud'ni; '|stva: 31v.2–3. bogat'stvo / ѿ gat'stvo: 137.1, 139v.2–3, 142.1–2, ubox'stva: 141v.20. veli; 'stvo: 146v.3, 148.19–20. vo|in'stvo: 148.14–15, voin'stvuA: 101v.1, 7–8. v=dov'stv\ : 56.15, 90.17. vl=w'stva: 101.18. v'selev'stvo: 103v.19. s=v\d\tel'stvovati: 44.6, 89v.9–10, 110.9, izv\st'stvuFqe: 139.20. glav'stvo: 38.5, 130v.19, 141v.7, 11. nev\glas'stvo: 182.3. gov\in'stva: 151v.13. bL gdar'stvovati / blagodar'stvovati: 30v.18, 83v.8, 95v.11–12, 149.2. d\v'stv'n=: 119.5, ѿ v'stvom': 76v.8, d\v'stvuFqih=: 95v.3. episkup'stvo: 64v.12, 86.20. pr\zor'stvo: 180.14. igumen'stvo: 3.10–11, 66.7–8. lihoim'stvo: 36v.6, lihoim'stvu]t': 158.8. istin'stvoval=: 137.18. `kaan'stvo: 22v.12 (*иной почерк III*). kovar'stvo: 41v.12. krD;in'stvuA: 138.5. kDp'stvo: 127.11. laskr=d'stvo: 36v.6. ѿ

qno1\p'stva: 64.20, bezl\p'stv\': 165v. 20. mux'stvom': 44v.2. bezml=v'stvu: 86.12, bezml=v'stvovati: 12.12–13, 28v.20–21, 29.5, 40.1, 43v.1, 64v.15, 119v.3–4, 155.5–6. m'nox'stvo / mnox'stvo: 30v.14, 93.9, 118v.8, 148v.1, 163.6. mysl'stvu: 100v.11, s=mysl'stvo: 133.2, 36v.20, 137.9, 151v.14. m'niw'stvo: 45.12. naprasn'stvu: 105v.15. ѿ ;'stvo: 117v. 13. obraz'stvu]t': 91.2. rav'n'stvo: 119.17. bL gorod'stvo: 136.3. rumAn'- stvom': 122.20. sv\t'l'stvo: 138.16. ѿ t'stvu: 168.15. v=sl\d'stvuFqim=: 15.15. star\iwin'stvo: 104.7–8, 147.3. stran'stvo: 10.11, 118.17–18, prostran'stvo: 127.3, 171.18, stran'stvovati: 56.10–11, 73.2, 181.20. nestroin'stvo: 160v.14. su]t'stva: 78v.12. sr'h]l'stvom' (sic!): 118v.8. bL gotvor'stvo: 136.15. tr=x'stv\': 59v.17. dl=gotr'p\l'stvom': 105v.17. tAx'stvom': 127.2. hval'stvovati: 56.19, 62v.11, bL gohval'stvovati: 9.14, 9v.6–7, всего 12 примеров, bL gohval'stviti: 162v.11–12, 15–16. ;r'n';'stv\': 39v.13–14. ;'st'n'stvu: 138.16, ne; '|stiv'stva: 29v.20–30.1. [not'stv\': 71.6 (иной почерк V).]st'stvo: 5.14, 16, 43.4, 44.9, 54.9, 11, 12, 12, 56v.8–9, 100v.3, 107v.17.

2.2.5. В суффиксе –'l–

s=bir'liv=: 7.11, 119.10. obid'livu: 109.8. obrat'liva: 100v.3. gn\v'liv=: 119.5. v=zdr'x'liv=: 29.4–5, 45.17, 101.9, 119.4–5, 134v.14, 151v.4. os'la: 74v.9, 11, 75.3, 9, 11, 111.8. pe;at'l\n'na: 148v.19. osed'la]ft': 111.3–4 — В старославянском языке тут наблюдается =²⁹, так эту форму с ' можно принять за древнерусскую. — sv\t'l–: 35v.3, 91v.3, 100v.1. posluw'liva: 28v.16. strast'liv=: 139.20. bezum'l': 174.2 — По словарю в этом прилагательном суффикс не содержал редуцированного³⁰, однако А. Вайан тут видел суффикс –'l–³¹. Другой пример лингвиста (obid'l'), который он указал у этого суффикса (ученый отдельно рассматривал те случаи, когда за суффиксом –'l– следовала флексия –'), по нашему мнению, может доказать то, что l в этом суффиксе не может являться вставочным потому, что в противном случае, при йотации вместо obid'l' должна была бы возникнуть *obixd'. —, bLgorazum'liv=: 132v.14.

2.2.6. В суффиксе –'b–

²⁹ Фасмер М.: *Этимологический словарь русского языка*. т. III, Москва 1987, с. 589.

³⁰ Срезневский И. И.: *Ibidem*. т. I, часть 1, с. 63.

³¹ Вайан А.: *Ibidem*. с. 233.

vra;'by: 53.9. l\;'ba: 53.2. mol'ba: 141v.6, 166v.16 (*иной почерк VI*). slux'ba: 5v.16–17, 9v.12, 13v.11, всего 24 примера (4 в ином почерке), slux'b'nik=: 34.1. c\l'bu: 52v.17.

2.2.7. В суффиксе –'d–

vraх'doF: 176.9. prav'dy: 77v.19–20, neprav'da: 107v.7 (*иной почерк VI*), prav'd'n=: 157.4 (*иной почерк VI*), neprav'di|vaago: 172v.10–11, oprav'dani]: 100v.7. nap'du: 67v.5.

2.2.8. В суффиксе –'t– (–'i–)

m'i'ty: 182.8–9,18. skr'x'i;qa: 117.14. hr'b'tu: 75v.6.

2.2.9. В суффиксе –'zn–

l[b'zn=: 91v.6, 97v.4–5, 150v.2.

2.2.10. В суффиксе –'w–, образующем имя существительное

d=qer'wi: 90.5, 90v.2.

2.2.11. В суффиксе –'w– (прасл. **-jъs-*), образующем сравнит. степень

bol'w=: 31v.6, 44v.12–13, 75v.11, 100v.12, 118.11, 122.4, 140v.12. vAq'wei: 176v.12. gor'wa: 175v.6. m'n'w=: 135.6,8,11, 148v.6, 181.8–9. tAx'we: 99v.8. Dn'wi: 176v.13.

2.2.12. В суффиксе –'w– (прасл. **-#s-*), образующем действ. причастие пр. времени

u|gotovl'wa sA: 155v.7–8. poklo|n'wa sA: 27.10–11 (*иной почерк IV*), pr\klon'wi sA: 164v.18. nDx'wago sA: 164.20. ml=vl'w[: 74v.15. v=zdraq'wa/: 160.7. postavl'we: 122.9,10. s=tvor'w=: 4v.10, 20.16–17. 65v.13, 66v.16, 102.2, 117v.7, 121.14. /vl'wem=: 132.2. Архаические формы действительного причастия пр. времени попали сюда вероятно из протографа, так как в изучаемом памятнике лишь незначительное количество причастий от глаголов IV класса образовано по образцу глаголов с основой пр. времени на согласный.

3. Вторичные редуцированные в слабой позиции

В суффиксах, или точнее между корнями и суффиксами найдены нами три буквы =, которые могут обозначать вторичные редуцированные:

tug=liv=: 10.11, 113v.15 — Словарь дает это прилагательное без буквы ', так мы можем допустить, что редуцированный здесь был

вторичный. Однако нужно учесть и то, что словарь дает единственно один из вышеуказанных примеров, написанных через =³². В то же время существует и суффикс -=l-, но он образует существительное, напр. слово ug=l=³³. Однако стоит вспомнить, что известен и суффикс -l-, и он уже употребляется для образования прилагательных, напр. в слове krDgl=³⁴. Заслуживает внимания, что корень обоих прилагательных (tug=liv= и krDgl=) оканчивается на согласный g (между прочим корень существительного ug=l= тоже оканчивается на g). Так можно предположить, что эти прилагательные были образованы не с помощью гораздо чаще употребляемого суффикса -'l- потому, что не было желательно, (по крайней мере у прилагательных) чтобы последний согласный корня превратился в ž'. Найденные в памятнике прилагательные v=zdr'x'liv= и posluw'liva не возражают этому предположению, поскольку эти формы по всей вероятности были образованы от глагольных корней *dbrž'- и *sluš'-, где I праславянская палатализация произошла благодаря гласному ě. — uz=la: 170.16.

4. Органические редуцированные в сильной позиции

4.1. Органические редуцированные заднего ряда в сильной позиции

На месте этимологически сильного органического редуцированного заднего ряда найдена буква = в следующих суффиксах:

4.1.1. В суффиксе -v=w- i|zgor\v=w': 23.15–16.

4.1.2. В суффиксе -=k- (=-c-, -=i-)
pabrad=k=: 113v.2. kl\t=k=: 17.4 (иной почерк II). krot=k=: 20v.14, 66.4–5, 67v.1, 101.8–9. kr\p=k=: 20v.1, 40v.17. p\s=k=: 116v.12. pAt=k=: 35v.12–13, 55v.2, 59.18, 164.18. sla...=k= (выскоблена одна буква (вероятно d)): 176v.6. ostat=k=: 177v.12, nedostat=i'no: 177v.13. ;etv'r't=k= / ;etv'rt=k=: 58v.19 (иной почерк V), 59.17–18, 86.2. ;l=n=k=: 85v.9.

4.1.3. В суффиксе -=p-

³² Срезневский И. И.: *Ibidem.* т. III, часть 2, с. 1032.

³³ Х. Тот Имре: *Музейное евангелие.* In: *Studia Slavica Hungarica* XI, 1965, с. 232.

³⁴ Balczyk Emil, Hollós Attila: *Ibidem.* 121. о.

vr't=p=: 3v.2,17, 4.9, всего 13 примеров. Это существительное существует и с ' в суффиксе (v'rt'p=), которое является древнерусской формой, пока форма, содержащая =, принимается за старославянскую форму³⁵. Примеры изучаемой рукописи, несомненно, возникли под влиянием протографа.

4.2. Органические редуцированные переднего ряда в сильной позиции

На месте этимологически сильного органического редуцированного переднего ряда найдена буква ' в следующих суффиксах:

4.2.1. В суффиксе –'n–

bran'n=: 85.9. vin'n=: 26v.10 (*иной почерк IV*), 135.17, 137.7, povin'n=: 26v.2 (*иной почерк IV*), 175.11. prav'd'n=: 157.4 (*иной почерк VI*). dov'l'n=: 28v.21. v\r'n=: 22.9 (*иной почерк III*). gr\w'n=: 52v.13, 104.10, 105.9, 167.3. podvix'n=: 31.2, 41.2. be|zdruх'n=: 118.19–20. dl=x'n=: 141.2. d\v'stv'n=: 119.5. ѿ lgo|d\t'n=: 149v.10–11, z=lod\istv'n=: 158.15. prizra; 'n=: 66.13, do- brozra; 'n=: 77v.7, 109v.2–3, blagozra; 'n=: 76v.16. kras'n=: 170.3. iskus'n=: 98.12. nemoq'n=: 116.16. s=pr\m\|n'n=: 118.20–118v.1. dobro|nрав'n=: 15v.17 (*иной почерк II*), 45.16–17, 159.9. ov'n=: 34. 13, 34v.1. ogn'n=: 23v.13, 40v.7–8. pe;al'n=: 14.6–7, 42.16, 91v.9, 166v.7, 172.2. be|spl=t'n=: 8v.18–19. rav'n'stvo: 119.17. radost'n=: 160.1. sil'n=: 127v.5. skr'b'n=: 87.20. slav'n=: 150v.8–9, pravoslav'n=: 22v.5 (*иной почерк III*). stran'n=: 8v.13, 110.19, 123.20–123v.1. straw'n=: 57v.7. strun'n=: 73.4. trepet'n=: 133.18. trud'n=: 63.17. t='n=: 104.12. neic\l'n=: 16v.12. m'nogoc\n'n=: 152v.13; oakan'n=: (sic!): 180v.12. ;'st'n=: 136.15, 175v.18, ;'st'n'stvu: 138.16. ;[d'n=: 119.6, 131v.16–17, 172v.8. beqad'n=: 81v.8. priAt'n=: 45.3, ѿlgopriAt'n=: 174.19.

4.2.2. В суффиксе –'c– (–' ;–)

b\l'c': 62v.10, 82v.15, 83.2, 108v.6,8, 109.1–2,5, 119v.14, 138v.9, 151v.3, 154.3,5, b\l' ;i: 118v.1 (Притяжательное прилагательное стоит в местном падеже ед. ч. В суффиксе притяжательного прилагательного напряженный редуцированный повидимому выпал, так редуцированный в суффиксе –' ;– был в сильной позиции.), b\l' ;'sk–: 152.11, 111v.1. v\n'c': 43.10,13–14. golu|b'c': 73v.11–12. gr=n'c': 93.1, 137v.1.

³⁵ Vasmer Max: *Ibidem*. Erster Band, p.190.

srebroprodav' ;ii: 132.6,8,12–13,16,19, 135.8–9, srebrodav' ;ii: 135.5, srebroprodav' ;i]: 135.9–10 — В этом примере речь идет не о суффиксе –'с– (–'i–), а скорее суффикс –;ii (который является суффиксом, извлеченным из тюркских заимствованных слов³⁶) был подложен или к корню через звук ' ; или к форме –prodav'с–, и звук с ассимилировался под влиянием ;, потом исчез. — podvigodav'с': 108.3. dv'r'с': 128v.20. domo|d'r'x'с': 33v.1–2. kon'с': 127.19, 133.16, 152.20, 152v.10. kup'с': 48v.9, 55.17, 82.11–12, 133.20, 136.6. hristol[|b'с': 24v.20–25.1, ;Lklb'с': 34v.13, trudol[|b'с': 121.16, stran'- nol[|b'с': 172v.14–15. m'r'tv'с': 51v.15, 52.8. pis' ;i/: 148.1 (то же самое можно сказать, что уже было изложено выше насчет существительного srebrodav' ;ii). ;r'noriz'с': 40v.18, 67.19–20, всего 11 примеров, ;r'noriz' ;'skyA: 115.8, b\loriz'с': 47.2. skor'с': 10v.18, 26v.20–21 (иной почерк IV). bogoslov'с': 122v.14 (иной почерк VI). sl\p'с': 51.17. sl=n' ;'nago: 121v.5. star'с': 3.3,14, 3v.5,9,14–15, 4.2, 4v.7, 6.15,18, всего 305 примеров (16 в ином почерке), star' ;' (им. и вин. п. ед. ч. притяжательного прилагательного, правильно было бы star' ;ii): 27.7, 27v.11 (иной почерк IV), 45v.2, 65.11, 82v.9, star' ;– (косвенные падежи притяжательного прилагательного): 7.19, 16.17, 28.12, 38v.11, 45v.5,10–11,15, 59.12, 63.8, 64.20, 76.2, 84v.12, 93v.18, 158v.6, 159v.1, 161v.18, 163v.1 — Слабый напряженный редуцированный в суффиксах притяжательного прилагательного во всех примерах выпал, или эти формы стали стянутыми. Найдены нами такие формы: star' ;i, star' ;[, star' ;A, star' ;a вместо star' ;'i, star' ;'[, и т. д. (парадигму склонения мы взяли от П. Я. Черных им./вин. ед. ч. v=l ;ii, род. ед. ч. v=l ;' /, дат. ед. ч. v=l ;' [, и пр.³⁷). —, star' ;'sky: 38.3. studen'с': 56v.7, hl\b'с': 24v.6–7 (иной почерк IV), 113.18. ;'van' ;i[: 65v.2 ((то же самое можно сказать, что уже было сказано выше насчет существительного srebrodav' ;ii). ;r'n'с': 125.1, 125v.7, 171v.16, 173.18, 176.6, ;r'|n' ;'stv\ : 39v.13–14, ;r'n' ;'skyi: 115.5. ;'t'с': 80.14, 117v.11,18. ot=w'l'с' / Mw'l'с' / ow'l'с': 7v.17–18, 8.1, 12v.9, всего 22 примера (1 в ином почерке).

4.2.3. В суффиксе –'sk–

³⁶ Balczyk Emil, Hollós Attila: *Ószláv nyelv*. Budapest 1987, 103. o.

Вайан А.: *Руководство по старославянскому языку*. Москва 1952, с. 232.

³⁷ Черных П. Я.: *Историческая грамматика русского языка*. Москва 1954, с. 194.

d\vi;'sk=: 164v.2. xen'sk=: 179v.5. iĭ lm'sk=: 3.4.
kr'st'/n'sk=: 130v. 16, 131.11, 132v.13. ma|nastyr'sk=: 138v.16–17.
0ivai|id'sk=: 46.20–46v.1.

4.2.4. В суффиксе –'stv–

box'stv'nyi / ѿ x'stv'nyi: 22.11, 22v.8 (*иной почерк III*),
24.20, 27.2 (*иной почерк IV*), 32v.12–13, 65v.6–7,12, 102v.6–7. dar'stvi[:
123v.11. mux'stv'no: 44.4. pronyr'stvii: 44.16. ;[v'stv'nyh=:
107v.12.]piskup'stvi]: 24v.4 (*иной почерк IV*).

4.2.5. В суффиксе –'l–

os'l=: 74.20, 74v.6,12,14, 75.1,4,7, 111.4. sv\t'l'stvu: 138.16.

4.2.6. В суффиксе –'b–

slux'b'nik=: 34.1.

4.2.7. В суффиксе –'d–

prav'd'n=: 73v.3, 127.4, 138.14.

4.2.8. В суффиксе –'t–

m' ;'t=: 173v.14 (*иной почерк VIII*), 182.13.

5. Вторичные редуцированные в сильной позиции

Лишь в одном случае найдена буква = на месте этимологически сильного вторичного редуцированного заднего ряда в суффиксе –l–, или точнее между корнем и суффиксом: uz=|l=: 170.12–13. Несмотря на то, что известен и суффикс –=l–, редуцированный мы считаем вторичным ввиду того, что это существительное принято реконструировать без редуцированного³⁸.

6. Выпавшие редуцированные

В суффиксах, сравнивая с корнями, выпало мало редуцированных, большинстве с апострофом.

6.1. Выпавшие редуцированные без апострофа

На месте органического редуцированного мы не нашли ни буквы = или ', ни апострофа в следующих суффиксах:

В слабой позиции:

–n– (< –'n–): nepodobna: 163.7.

³⁸ Фасмер М.: *Ibidem*. т. IV. с. 154.

-i- (<- ' i -): star'ie (звательный п.): 124v.5.

В сильной позиции:

-l- (<=l-): sr'h1'stvom': 118v.8.

Касаясь суффикса -'n-, мы считаем уместным заметить, что имеются слова (/sn-, vesn-, desn-, xelezn-, naprasn-, prisn-, t\sn-), в которых, уже и в древнейших старославянских рукописях, этот суффикс пишется без буквы ' ³⁹, что может указать на то, что в суффиксах этих слов редуцированный выпал уже в праславянском языке. Оспаривается, что редуцированный действительно выпал ли в этих словах, или только из-за орфографической традиции тут не поставлена буква '. Например, в этом суффиксе В. М. Марков не принимает выпадения редуцированного в праславянском языке ⁴⁰. Однако С. П. Обнорский отрицает того, что эти слова содержали редуцированный в праславянском языке ⁴¹. Ради полноты мы указываем эти оспариваемые слова, найденные нами в изучаемом памятнике: prisn-: 69v.8,11, 75.14–15, всего 14 примеров, prisnoŭva: 23.10, 32v.7,17, 73v.2. desnyi: 5v.5, 54.5, 64v.8–9, 134.12, 182v.10. t\sn=m': 126v.8, t\snotD: 126v.11, 126v.17–18. naprasn-: 44.12, 160v.8, 177v.16.

6.2. Выпавшие редуцированные с апострофом

В 4 главе нашей диссертации изложены подробно те доводы, на основе которых мы не придаем фонетического значения паеркам, т. е. апострофам, но тут за недостатком места мы не будем касаться их. На месте органического редуцированного переднего ряда найден апостроф в следующих суффиксах:

В слабой позиции:

-'n- (<- ' n-): blax'nAwe sA: 149.10. s=bor'n\i: 160.14. v\r'n- : 79v.14, 90.6, 109.19, 178.4, z=lov\r'n-: 17v.11, 32v.5, 102v.18, 103v.6–7, bla|gov\r'na: 108v.3–4, pravo|v\r'no: 14v.13–14. okaan'ne: 163v.16. bezm\r'nyi: 134v.10, 121v.5.

-'c- (<- ' c-): dv'r'cami: 137.5. star'ca: 66v.7.

-'sk- (<- ' sk-): egiar'sky: 59v.16.

В сильной позиции:

³⁹ Марков В. М.: *К истории редуцированных гласных в русском языке*. Казань 1964, с. 74–77.

⁴⁰ Марков В. М.: *Ibidem*. с. 74–77.

⁴¹ Обнорский С. П.: *Къ истории глухихъ въ Чудовской псалтыри XI вѣка*. In: РФВ, т. 68, 1912, с. 342.

–'n– (< –'n–): $\text{h} \text{lgov} \backslash \text{r}' \text{n} =: 120.17, 142\text{v}.8, \text{z} = \text{lov} \backslash \text{r}' \text{n} =: 55.18$. По нашему мнению в этих словах апостроф появился по аналогии с слабой позицией, и он не обозначал редуцированного звука.

7. Мена редуцированных

7.1. “Простая” мена редуцированных

Перед слогом, содержащим гласный переднего ряда, на месте органического редуцированного переднего ряда найдена буква = в суффиксе следующего слова: $\text{brat} = \text{ne} : 15.2$.

7.2. Межслоговая ассимиляция

Перед слогом, содержащим гласный заднего ряда, на месте органического редуцированного переднего ряда найдена буква = в суффиксе следующего слова: $\text{nar} = \text{du} : 67\text{v}.3$.

Перед слогом, содержащим гласный переднего ряда, на месте органического редуцированного заднего ряда найдена буква ' в суффиксе следующего слова: $\text{v} = \text{l} \backslash \text{z}' \text{we} : 60\text{v}.19$ (иной почерк VII).

8. Вокализация редуцированных

У суффиксов встречается один пример, где произошло прояснение редуцированного в сильной позиции. На месте этимологически сильного органического редуцированного заднего ряда найдена буква о в суффиксе –=k– следующего слова: $\text{slanotok} = : 113.8$.

Эта вокализация вероятно характеризует не столько произношение писцов (хотя полностью не отказываемся и от этого), сколько язык протографа. По мнению Дюлы Дечи древнеболгарский о, возникший от =, с одной стороны можно объяснить влиянием письменных македонских форм, а с другой стороны произносительной нормой, распространенной среди интеллигенции⁴². Из болгарских диалектов лишь в средних зонах можно обнаружить о на месте праславянского *ь в префиксах и суффиксах, напр.: *возглавица, воведе, вознего, песок*⁴³. Боряна Велчева пишет, что в суффиксах, в префиксах и постпозитивных членах изменение = > о чаще наблюдается в современном болгарском языке в диалектах вокруг Софии, Ботевграда и Салоники, а также в фракийских и мезийских диалектах, напр.: *soberi, sopna se, ... danok, vetro*⁴⁴. Она же пишет еще, что

⁴² Décsy Gyula: *La vocalisation des jers en bulgare*. In: *Studia Slavica*, Budapest 1955, tomus I. fasciculus 4., p. 373.

⁴³ Décsy Gyula: *Ibidem*. p. 373.

⁴⁴ Velcheva Boryana: *Proto-Slavic and Old Bulgarian Sound Changes*. Columbus, Ohio 1980, p. 124.

вокализацию редуцированного в данной рукописи вообще принято считать диалектным признаком, указывающим на западно-древнеболгарское происхождение⁴⁵.

По мнению А. М. Селищева изменение редуцированного суффикса $-=k-$ в o в македонских (за исключением северной полосы) и юго-западных болгарских диалектах произошло фонетическим путем, однако, в северно-македонском, в средне- и северо-западных, а также в восточных болгарских диалектах прояснение редуцированного не является результатом фонетического изменения, так как в этих диалектах из $=$ возник не o . По его мнению, в этих диалектах суффикс $-ok-$ заимствован не от остальных диалектов, а он появился по аналогии с такими словами, в которых искони был суффикс $-ok-$ как, напр. в словах *висок*, *широк*, *слепок*⁴⁶. В настоящем случае возникновение вокализации в протографе мы связываем с фонетическим путем, так как суффикс $-ok-$, появившийся не фонетическим путем, раньше всего обнаруживается в памятниках, возникших в раннюю среднеболгарскую эпоху⁴⁷. Однако Синайский патерик не смог быть списан со среднеболгарского оригинала, поскольку в памятнике не встречаются признаки среднеболгарских рукописей (мена юсов, мена букв D и $=$ и пр.), но в то же время наблюдаются архаические признаки (оформление нескольких букв, неоднократно бросающееся в глаза архаическое образование действительного причастия пр. времени у глаголов IV класса, и т. д.). Нужно учесть и то, что в памятнике, среди корней найдена форма $m'ne$ (55.16, 178v.3) вместо $menе$, которая характерна для рукописей, возникших в Македонии⁴⁸. Так, по этим данным мы с большой долей вероятности можем определить, что протограф изучаемого памятника возник в Македонии, по всей вероятности в ее южной или средней части.

9. Выводы

По регулярной постановке букв $=$ и $'$ можно определить, что слабые органические редуцированные в суффиксах редко подверглись изменению, их сохранность хорошая. Органические редуцированные в слабой позиции сохранились без изменения в 1945 случаях (114 примеров в ином почерке). Органические редуцированные выпали всего в 23 случаях, в 3 случаях без апострофа (1 пример в сильной позиции), в 20 случаях с апострофом, (3 примера в сильной позиции). В 22 случаях

⁴⁵ Velcheva Boryana: *Ibidem*. p. 124.

⁴⁶ Селищев А. М.: *Очерки по македонской диалектологии*. фототипно издание, София 1981, с. 24.

⁴⁷ Селищев А. М.: *Ibidem*. с. 25.

⁴⁸ Вайан А.: *Ibidem*. с. 176.

выпали редуцированные переднего ряда (3 примера в сильной позиции), а однажды редуцированный заднего ряда. Большинство редуцированных выпало в суффиксе –'n–, всего 18 (3 примера в сильной позиции), из которых 17 с апострофом (3 примера в сильной позиции), поэтому можно предположить, что в этом суффиксе падение редуцированных началось раньше всех. Правда, что в памятнике этот суффикс наблюдается чаще всех, но и так, сравнивая пропорциональности, в нем выпало больше всех редуцированных. Подтверждается и другими рукописями, что падение редуцированных в суффиксе –'n– началось раньше, чем в других суффиксах, напр. Пандектами Антиоха XI в.⁴⁹, Изборником Святославовым 1073 г.⁵⁰, Музейным Евангелием конца XII – начала XIII вв.⁵¹, Июльской Служебной минеей конца XI – начала XII вв.⁵², Октябрьской Служебной минеей 1096 г.⁵³. Небольшое количество примеров, свидетельствующих о падении редуцированных, вновь позволяет нам предположить, что падение редуцированных началось не просто в слабой позиции, а в изолированной слабой позиции, согласно определению И. Фалева⁵⁴. Поскольку редуцированные в суффиксах почти никогда не были в изолированной позиции, они так и не могли исчезнуть. Так, хорошая сохранность редуцированных в суффиксах объясняется тем, что эти редуцированные не были в изолированной позиции. (В корнях изучаемого памятника наоборот, редуцированные намного чаще были в изолированной позиции, и поэтому они чаще и исчезли.) После этого мы показываем следующей таблицей, между какими согласными произошли изменения.

⁴⁹ Копко П. М.: *Изслѣдованіе о языкѣ Пандектовъ Антиоха XI в.* In: Извѣстія II Отд. И. А. Н. т. XX (1915) кн. 3, с. 147.

⁵⁰ Еленски И. И.: *Редуцированные гласные в Святославовом изборнике 1073 года.* Автореферат. Москва 1955, с. 12.

Соколова М. А.: *К истории русского языка в XI веке. (Рукопись московской Библиотеки им. Ленина, № 1666).* In: Известия по русскому языку и словесности. т. III. Ленинград 1930, с. 105.

⁵¹ Х. Тот Имре: *Музейное евангелие.* с. 230.

⁵² Карягина Л. Н.: *Редуцированные гласные в языке Июльской Служебной минеей конца XI-начала XII вв.* In: Материалы и сообщения по истории русского языка. Москва 1960, с. 43.

⁵³ Х. Тот Имре: *Малоизвестный фрагмент служебной минеей на месяц октябрь.* In: *Studia Slavica Hungarica* 33/1-4, Budapest 1987, с. 26.

⁵⁴ Фалев И.: *О редуцированных гласных в древнерусском языке.* In: Язык и литература 1927, т. II. вып. 1, Ленинград, с. 121.

Между какими согласными	Выпавшие редуцированные	Мена редуцированных	Межслоговая ассимиляция	Вокализация	Все изменения итого
b n	1				1
x n	1 с апострофом				1
z w			1		1
n n	1 с апострофом				1
p d			1		1
r n	15 с апострофом (3 в сильной поз.)				15
r s	1 с апострофом				1
r c	2 с апострофом				2
r ;	1				1
t k				1 в сильной позиции	1
t n		1			1
h l	1 в сильной позиции.				1

По таблице можно определить, что изменения произошли между билабиальным и зубным согласными в 2 случаях (1 пример в сильной позиции), между зубными в 2 случаях, между зубным и переднеязычным в 20 случаях (3 примера в сильной позиции), между переднеязычными в 1 случае, между зубным и заднеязычным в 2 случаях. Изменения произошли между акустически низким и высоким согласными в 4 случаях (1 пример в сильной позиции), между высокими в 23 случаях (3 примера в сильной позиции). Изменения произошли между акустически диффузными согласными в 4 случаях, между диффузным и компактным в 22 случаях (4 примера в сильной позиции), и между компактными в 1 случае.

Заслуживает внимания, что между r и n редуцированный выпал 15 раз с апострофом (3 примера в сильной позиции), а сохранился в 21 случае. Это позволяет заключить то, что между этими согласными редуцированный легче выпал, чем между иными согласными. Если остановиться у примеров суффикса –'n–, тут было всего 19 изменений (3 примера в сильной позиции), из которого 15 (78,95 %) приходится на положение между r и n, пока редуцированный, сохранившийся между этими согласными был 21, что представляет собой лишь 3,05 % всех

редуцированных, сохранившихся в суффиксе –'n– (689 примеров (46 в ином почерке). Стоит упомянуть, что во многих памятниках часто отсутствует буква ' на месте редуцированного после r напр.: в Архангельской Евангелии 1092 г.⁵⁵, в Музейном Евангелии конца XII – начала XIII вв. и Ефремовской кормчей XII в.⁵⁶, в Октябрьской Служебной минеи 1096 г. и Ноябрьской минеи 1097 г.⁵⁷. По мнению М. А. Соколовой в Архангельском Евангелии, где ерь стояла перед буквой r, отсутствие буквы ', обозначающей редуцированный суффикса, было обусловлено тем, что писец так хотел избежать того, чтобы буква r была окружена двумя ерями, так как в рукописи подобных написаний почти нет (всего 5 примеров, из которых 2 находится на конце строки)⁵⁸. Однако в Синайском Патерике только один случай может объясниться так (dv' r' samī: 137.5), и написания, упомянутые выше, гораздо чаще встречаются, поэтому объяснение М. А. Соколовой для изучаемого нами памятника не может быть применимым.

⁵⁵ Соколова М. А.: *Ibidem*. с. 105.

⁵⁶ Х. Тот Имре: *Музейное евангелие*. с. 229.

⁵⁷ Гринкова Н. П.: *Евгениевская Псалтырь, как памятник русской письменности XI века*. In: Известия ОРЯС, т. 99, 1925, с. 301.

⁵⁸ Соколова М. А.: *Ibidem*. с. 105.

НЕКОТОРЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ⁵⁹

Предпосылки

«Социальные явления связываются с одинаковыми языковыми фактами»
Селищев

Русский язык советского периода даёт обильный материал не только для показа разновидностей инструментов власти, имеющихся в распоряжении отправителя, но может продемонстрировать и процесс обеднения, искажения языка тоталитаризмом, насаждения в него фразовых штампов, внедрения во все сферы речи различных жаргонизмов, политической фразеологии, благозвучных иносказаний в целях словесного камуфляжа и истинной сути творимого беззакония. «Система тоталитарного властвования, утвердившаяся в России современной, довела осуществление государственного [...] давления на общественное сознание и контроля над речевым его выражением до пределов, истории неведомых» – пишет Л. РЖЕВСКИЙ в 1951 году.⁶⁰ Двойной стандарт мышления превращается в норму. Власть подчиняет язык распространению и узаконению лжи, в конечном счёте использует его как инструмент, с целью идеологического манипулирования.

Много языковых явлений, связанных с происходящими процессами в обществе, довольно часто имеют свои аналогии как во времени, так и в пространстве⁶¹. Поэтому важно отметить, что языковые явления,

⁵⁹ Данная статья в первоначальном виде (с заглавием: *Советизация русского языка*) была предназначена для ежегодника, который предполагалось издать в 1993 году в Будапеште под ред. сотрудников Венгерского центра русистики, но издание по техническим причинам не осуществилось (ред).

⁶⁰ РЖЕВСКИЙ Л.: Язык и тоталитаризм, München, 1951. с. 6.

⁶¹ Наиболее наглядно отражают структуру социально-политической власти языковые явления (по преимуществу лексика), родившиеся во времена Великой французской революции. Переосмысляются такие до того в семантическом плане точно ограниченные понятия, как собственность (*la propriété*), народ (*le peuple*), равенство, (*l'égalité*), революция (*la révolution*), свобода (*la liberté*). Рушатся целые семантические гнезда и синонимические ряды, например, коммуна (*la commune*) ещё в XVII в. является синонимом «черни» (*la populace*), а термин республиканец (*le républicain*) мятежника, бунтаря. Из-за множества аналогий политических реалий именно язык французской революции может считаться одним из прямых предшественников советского языка. В создающемся советском новоязе начинают играть роль не только прямые заимствования, как например *террор*,

характерные для русского языка советской эпохи не изолированы. Тем более нельзя сказать, что они возникли исключительно в советский период. Корни большинства из них уходят в словоупотребление дореволюционного подполья «демократических» кругов, в речь его лидеров⁶². Именно величина и количество этих языковых явлений то, что безпрецедентно. Языковые явления, которые как бы обобщаются в таких определениях (названиях) как *орвельский, советский язык, державная, функционерская или номенклатурная феня, советский политический, партийно-функционерский, партийно-пародийный язык* и т. д. – следствие двойного напора, под который попал русский язык в советскую эпоху⁶³.

С одной стороны, в результате своеобразной языковой политики, «демократизации» общества, террора, истребляющего владеющих литературной нормой, на поверхность всплывают элементы воровского жаргона, а в живой язык образованных людей проникает языковая грубость и вульгаризмы.

С другой стороны, русский язык загрязняется элементами советского языка, узаконенным и многонациональной, но в основном всю же русской номенклатурой, в силу чего население страны становится пассивной жертвой своего же языка, попадая в «грамматическую» зависимость от него⁶⁴.

Языковая грубость, «военизация языка», жаргон

«...и вы, слонтяги, плюгавые жалкие лакеи буржуазии...»
Каганович

петиция, декрет, трибунал, комитет, экспроприация, национализация, коммуна, комиссар, или кальки типа порядок дня, объявить вне закона и т.д., но и различные словообразовательные суффиксы и префиксы, выплеснувшиеся во время французской революции. Ср. образования с суффиксами: -isme (dantonisme, roberspierrisme, girondisme) – *троцкизм, ленинизм, хвостизм, большевизм*; -iste (girondiste, dantoniste) – *ленинист, троцкист, активист*; образования с префиксами: anti- (antisociale, antiaristocrate, anti-républicain, anti-civique) – *антиленинский, антисоветский*; kontre- (contre-révolution) – *контрреволюция*, слово, которое впоследствии сгущалось в короткое слово-префикс – *контра*. Об этом можно справиться в работе: ДЕРЖАВИН К.: Борьба классов и партий в языке Великой французской революции. В кн.: Язык и Литература, т. II. Ленинград, 1927. 21–27; а также СЕЛИЩЕВ А. М. *Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926)*. Изд. 2-е, М., 1928, 12–22.

⁶² Ср. СЕЛИЩЕВ А. М. Указ. соч..

⁶³ Ср. TÓTH SZERGEJ: A GULag nyelve [Язык гугага]. In: *Új Tükör*, 1989. 43. 18–9.

⁶⁴ Ср. TÓTH SZERGEJ: A szovjet birodalmi nyelv, avagy a totalitarizmus grammatikája. *AETAS*, 1991. 1. 5–37.

Перераспределению стилистически противопоставленных структур способствовал коренной социальной переворот. Резкое изменение социального субстрата национального языка является исходной точкой языковой эволюции, целью которой будет создание такого единого языка, который мог бы обслуживать новый «контингент» носителей.⁶⁵ В этом процессе роль первой скрипки будет играть язык той социальной группы (как правило, это интеллигенция), авторитет которой наиболее высок в глазах общества. По идеологическим и политическим соображениям власти предрасполагающие не только намеренно разрушают престиж носителей русской литературной нормы, но в первые же послереволюционные годы изгоняют и физически уничтожают их.

В понижении сложности языкового мышления, соотносимого с колебанием уровня культуры его носителей, сыграла свою роль и массовая печать. Уже в 1923 году деятелями советской прессы была замечена малая доступность их продукции пониманию «нового читателя». Л. Сосновский в своем докладе на Всероссийском съезде рабочих, корреспондентов (рабкоров) подвергает резкой критике методы работы печати: «*Простой человек в разговоре не употребляет придаточных предложений. Ясно, что и статья должна быть без придаточных предложений. Простые фразы, простые предложения по возможности*»⁶⁶. К сожалению, подобные ложные представления и высказывания опирались на такие в социологическом и лингвистическом плане корректные труды, которые показывали действительно существующий низкий уровень мышления среднего читателя.⁶⁷ Несмотря на то, что некоторые решительно выступают против того, чтобы «строить литературную речь массового читателя, ограничиваясь его словарем и синтаксическими схемами», газету заполняют лексемы низших стилистических пластов, в том числе и слова воровского жаргона.

С «обострением классово-борьбы» в большом количестве появляются слова-характеристики, передающие эмоциональное отношение к человеку и применяемые в данном случае конкретно к политическим деятелям оппозиции, например, *подлец, негодяй, бесстыдник, каналья* и проч. В распространении этих лексем существенную роль играла большевистская печать того времени, как бы легализирующая языковую

⁶⁵ ПОЛИВАНОВ, Ю. Д.: Статьи по общему языкознанию, Москва, 1931. 87.21. См. об этом анализ концепции Поливанова в кн.: КРЫСИН Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., «Наука», 1989. 18–21.

⁶⁶ Цит. по УСПЕНСКИЙ Л. Русский язык после революции. Slavia, Т. X. 1931. 256.

⁶⁷ Имеются в виду работы ШПИЛЬРЕЙНА И. А.: Язык красноармейца. Опыт исследования словаря красноармейца Московского гарнизона. Москва – Ленинград, 1928. 8–63, статьи КУДРИНА (без инициал) Как воспринимает газету рядовой красноармеец. «Красная печать», 1924. 6. 5–9., и др.

грубость, выносящая на поверхность отроду «скверные» оценки, не применявшиеся ранее к людям, занимавшим высокое положение в обществе.

Агрессивный и шокирующий стиль газетных заголовков также как бы внушал и легализовал языковую грубость. Исследования лексических особенностей материалов политических процессов над «врагами народа», а также компрометирующие статьи (в духе советского языка: *кампании-травли*) в газетах таких писателей, как Б. Пастернак, А. Солженицын, Й. Бродский и др. показывают, что упомянутые явления 20-30-х годов прочно закрепились. По поводу «терминотворчества» тоталитарного правосудия Т. А. Яцюк пишет о том, что подсудимые процесса по делу Бухарина именуется *головорезами, отребьем, наймитами буржуазных разведок, двурушниками, погаными псами, кровавыми шакалами*. «Показательно, что в юридических текстах 30-х годов именно термины с ярко выраженным эмотивным содержанием составляли основу правовой лексики»⁶⁸. Литературные органы также не отставали. В редакционной статье «Литературной газеты» от 26 июня 1968 года можно встретить такие выражения: *«бездельники, фарцовщики», «верещать о бедности музыкальной культуры», «бездарь», «графоман», «шизофреник», «писания, одобренные ярой злобой», «подпольные пасквилянты», «отщепенцы», «проходимцы», «прежние клеветники*. Вот что пишется, например, о пьесе А. Солженицына «Пир победителей»: *«Советскую Армию, освободившую мир от фашистской чумы, А. Солженицын представляет как скопище тупиц, насильников, мародеров, вандалов, живущих только шкурными интересами*». Сравнивая эти примеры, можно заметить своеобразную инверсию. Она получается за счёт того, что в основном те же негативные номинации употребляются один раз для отрицательной характеристики естественного поведения думающей интеллигенции, а другой раз для отрицания объективно изображённой, но в конечном счёте не номенированной действительности.

Моральную почву для употребления стилистически сниженных лексем и для распространения эмоционально, экспрессивно насыщенной лексики непосредственно подготавливало языковое невежество некоторых лидеров, что наблюдалось до последнего времени. Проявления «вербальной агрессии» часто служило политическим целям. Е. Верещагин приводит воспоминания академика А. М. Румянцева, который говоря о середине шестидесятых годов, засвидетельствовал, что *«в партаппарате господствовала грубость, доходящая до мата. Ругательства, помню настолько въелись, что их почитали чуть ли не за отеческое ласковое*

⁶⁸ Яцюк Т. А. «Терминотворчество» тоталитарного правосудия. «Русская речь», 1991. 3. 53–57.

добродушие»⁶⁹. Семена посеянные Лениным, часто употреблявшего слово *говно*, и Сталиным, одно из любимых словечек которого было *сволочь* пали на плодотворную почву.

По мере реализации программы «милитаризации труда», создания «Трудовой армии», члены которой впоследствии будут именоваться «*трудоармейцами*» (*т/а* в письме), «*каналоармейцами*», и по мере введения военизированной трудовой повинности, которая с некоторыми перерывами существовала до 1946 года, всё в большей мере укрепляются термины военного происхождения, или связанные с их семантическими полями. Естественно, это явление так же не ново; подобное наблюдалось уже в дни революции 1905 года, и во время первой мировой войны.

Речи партийных руководителей всё чаще начинают напоминать военные сводки. Флотские и военно-командные термины (*держат курс на что-л., равнение на что-л., даешь, крепить оборону чего-либо, открыть огонь* и т.д.) начинают употребляться не только в партийных органах, но и в области культуры, здравоохранения. *Командиры* сельского хозяйства и промышленности, *рабочая армия, гвардия* большевиков, разные *отряды* на многочисленных *фронтах* (хозяйственном, продовольственном, культурном) ведут беспощадную *войну*, бросаются на решительный *штурм*, проводят *кампании*, получают *путёвки*, *военизируют* страну и доводят дело до *победного* конца. (Немало подобных выражений появилось и в Венгрии в конце 40-х, начале 50-х годов.) В литературной жизни «*удавшееся (по официальным понятиям) произведение уподоблялось выигранному сражению, а неудавшееся, сражению проигранному – перо и кисть, это штык или какое-либо другое холодное или горячее оружие – тот, кто сочиняет, как надо – передовой боец, а тот, кто своевольничает, – вражеский лазутчик и идеологический диверсант.*» – пишет Ю. Манн. Он же в дальнейшем замечает: «*Совсем недавно я слышал в кругах общества «Знание», что надо в какой-то город послать лекторский десант.*»⁷⁰

Процесс интенсивного вторжения в разговорную речь воровского жаргона (блатной «музыки») можно отнести уже к началу XX века, ко времени распада весьма консервативных в почитании своих законов воровских артелей, продолжался он и после революции⁷¹. Следует

⁶⁹ ВЕРЕЩАГИН Е. Сквернояз. «Неделя». 1991. 11. с. 11. См. еще: TISZÓCZKY CSABA: Общественные элементы лагерной лексики. *Studia Slavica Savarensia*, 1992. 2. 103–7.; TÓTH SZERGEJ: Несколько замечаний по поводу исследований русского жаргона в связи с интересным и достойным пристального внимания словарём. *Studia Russica*, XVI. Budapest, 1997. 338–345.

⁷⁰ МАНН Ю. Говорим как думаем. «Известия». 1991. 16. с. 7.

⁷¹ Ср. TÓTH SZERGEJ: К вопросу о приёмах образования русских жаргонных словю – *Studia Russica*, XVI. Budapest, 1997. 65–74.

отметить, что воровской жаргон с реорганизацией воровских артелей не утратил своей социальной почвы. С одной стороны, воровской мир не исчез, а только принял другую структуру. С другой стороны, ускорился рост беспризорности, увеличилось количество людей, занятых неквалифицированным трудом, а наибольший уровень преступности падает именно на представителей этого слоя. Вследствие этого социальная почва преступности расширилась. Не менее важным проводником для воровского жаргона являлись фабрики, заводы, детские дома.

В 20-е годы лексемы воровского жаргона начинают проникать как в речь городской, так и в речь деревенской среды. К этому времени К. КОСЦИНСКИЙ относит проникновение в разговорную речь горожанина таких слов, как *барахло*, *блат*, *крыть нечем* ('нечего ответить', 'невозможно оправдаться'), *смыться*, *финка*, *иллюнуть* 'убить', а А. СЕЛИЩЕВ в речь деревенской молодёжи: *винта дать* 'убежать', *затыряться* 'скрыться', *липовый*, *маруха*, *забуреть* 'возгордиться'.

В то время как в городской среде почти не наблюдается сдвигов в семантике указанных слов, это характерно в деревенском словоупотреблении. Например, в воровском жаргоне *маруха* – это любовница, сожительница, но в деревнях Самарской губернии (конец 20 годов) парень и девушка *марушатся*, то есть любят друг друга. Любимая девушка для парня *маруха*, а он для неё: *марушонок*. Как видно из данного примера, в деревенской речи слово *маруха* потеряло свою жаргонное значение и приобрело стилистически нейтральный или эмоционально-положительный оттенок.⁷²

Надо заметить и то, что усилившееся просачивание в разговорную речь элементов воровского жаргона в это время наблюдается и во Франции, и в Англии, и в США так же, как и в Венгрии.⁷³

Возникает явление (особенно в больших городах) сознательного обращения к языку «низов». Начиная с конца 20-х годов, оно становится общепринятым и это объясняется как политическими, так в определенной мере и психологическими причинами. Интенсивное взаимодействие между языками различных социальных групп, вызванное полным переворотом в обществе, определялось не культурным превосходством одной из них над другими, а социально-политическим превосходством. Поэтому можно наблюдать проникновение в язык интеллигенции языка масс, а не наоборот. Элементы, например, воровского жаргона постепенно начинают

⁷² КОСЦИНСКИЙ К. Существует ли проблема жаргона? «Вопросы литературы». 1968. 5. 188.; Селищев Указ.соч. с. 77. FENYVESI ISTVÁN: Az orosz szleng és kutatása [Исследование русского сленга]. В кн.: A szlengkutatás útjai és lehetőségei. Szerk. KIS TAMÁS. (Szlengkutatás 1.) Kossuth Egyetemi Kiadó, Debrecen, 1997. 185-234.

⁷³ ЛАРИН Б. А. О лингвистическом изучении города. «Русская речь». Новая серия, III. Л., 62 с.; BÉRCZI G.: A «pesti nyelv». MNyTK 29:37

считаться как бы языком пролетариата и противопоставляются «буржуазно-интеллигентскому» языку (термин Л.И.СКВОРЦОВА)⁷⁴. Сознательное обращение к различным жаргонам и к грубой, переполненной просторечными оборотами речи масс, главным образом являлось средством сохранения жизни.

Конечно, мы не можем не принять во внимание мнение К.КОСЦИНСКОГО по поводу того, что употребление солдатского, матросского и, в конечном счёте, воровского жаргона в среде «воспитанных» людей «придавало речи говорящего оттенок опытности, искушенности, создавало ему хотя бы в его собственных глазах «ореол бывалого человека»⁷⁵

Аббревиатуры «новояза»

Недаром же, в самом деле, пришла некоему московскому карикатуристу мысль нарисовать двух крестьян, ломающих голову перед вывеской со словами «ВХОД», и недоумевающих, в какое учреждение они вошли
Винокур

В русском языке, как и во многих других, аббревиатуры существовали и до 1917 года, но их количество было незначительным. Круг их функционирования был четко ограничен. Это была промышленность (напр.: АМО, Лензолото), торговля (ЮРОНАТ), телеграфное использование в армии, терминология коннозаводства (наименования лошадей), аббревиатуры-псевдонимы (*Анче* – Антон Павлович Чехов, *К.П.Га* – князь П.С.Гагарин) и т.д.⁷⁶

Аббревиатуры советской эпохи начали появляться в огромном количестве по мере необходимости наименования множества образований нового партийно-административного аппарата, когда началось наполнение

⁷⁴ Стоит обратить внимание на то, что самый важный фактор проникновения многочисленной лексики воровского жаргона в каждодневную жизнь – это развитие системы ГУЛага. Значительное количество носителей русского литературного языка непосредственно сталкивается и соприкасается с «социально-близкими». К этому времени мы можем отнести формирование по своим функциям совершенно нового социального диалекта – аргю ГУЛага. Через него в разговорную речь вошло большое количество фразеологизмов, лексем воровского жаргона и вульгаризмов, бранных слов, – в конечном счёте составных лексических элементов лагерного языка. В это время прочно закрепляются в разговорной речи такие лексемы воровского жаргона, как *доходяга*, *заложить*, *кантоваться*, *пайка*, *расколоться*, *стукач*, *стукнуть*, *фитиль*, а в речь студентов переходит *братва*, *шамать*, *шамовка*, *бикса*, *малина*, *киса*.

⁷⁵ КОСЦИНСКИЙ К. Указ.соч. с. 186.

⁷⁶ См. многочисленные примеры в кн. Русский язык и советское общество. Под ред. М. В. ПАНОВА. М., 66–70.

различных общественных функций «новым» содержанием, приравнивание и приспособление до тех пор употребляемых понятий и названий к новой идеологии⁷⁷.

Развитие самой системы ГУЛага вызвало немало реалий организационного порядка, для наименований которых использовалась эта механическая морфология. МАРКЕС разбивает аббревиатуры на пять основных групп⁷⁸. В первую группу он относит буквенные-сокращения, например, *КВЧ, БУР, СЛОН, Втек*, во вторую – комбинированные, такие как: *гужрабсила, вагонзак*, в третью – комбинированные типа *ГУЛаг, ШИЗО, ОСО* и т.д., в четвертую, слоговые, например, *начкар, сексот*, а в пятую – семантическое сложение. Последние представляют для нас особый интерес, так как в литературном языке мы находим немало подобных явлений. Речь идет о таких усечениях, которые образовались следующим путем. Из атрибутивного словосочетания отбрасывается имя существительное и к усеченному имени прилагательному прибавляется суффикс -к-(а/и) и, например, *гарантийка* (гарантийная пайка), *Соловки* (Соловецкие острова), *Бутырка/Бутырки*.

Признаки лексикализации графических сокращений наиболее ярко представлены также в арго ГУЛага⁷⁹. Именно из него опираясь на разграничения Панова⁸⁰ мы можем привести характерные примеры.

Это 1) образование производных слов («*вохровец*», «*забуриться*», «*кавежединец*», «*чесеуровка*», «*гэпзушник*», «*губарь*», «*березлаговец*» и т.д., 2) стабилизированное произношение по названию букв, получающее иногда отражение на письме («б/у», «бэу» – 'бывший в употреблении', БОРЗ – 'без определенного рода занятий' – «БОМЖ» –

⁷⁷ Ср. TÓTH SZERGEJ: *Abbreviatúrák a Szovjet birodalmi nyelvben* [Аббревиатуры в советском имперском языке]. *I. Alkalmazott Nyelvészeti Konferencia. Nyíregyháza. 1991. május 3-4.* II. 546-550. он же: *A totalitarizmus abbreviatúrái* [Аббревиатуры тоталитаризма]. В книге: TÓTH SZERGEJ – VASS LÁSZLÓ: *Pápuáktól a Pioneerig.* Szeged, Generalia, 1997. 155-159.

⁷⁸ MEYER GALLER and HARLAN E. MARQUESS: *Soviet Prison Camp Speech: A Survivor's Glossary.* The University of Wisconsin Press, 1972. 27-31.

⁷⁹ Арго ГУЛага создавалось вследствие конвергенции различных языковых пластов. Составные его части различить гораздо легче, чем его самого отличить от языка социальной среды, на котором говорил заключенный. Это мнение подтверждает и А.Солженицын: «*Другая трудность – необходимость разграничить собственно язык народа ээков от языка племени каннибалов (иначе называемых «блатными» или «урками»), рассеянного среди них. [...] (вроде: ксива – документ, марочка – носовой платок, угол – чемодан, Луковица – часы, прохоря – сапоги) Но трудность в том, что другие лексические элементы каннибального языка [...] усваиваются языком ээков и образно его обогащают: свистеть; темнить; раскидывать чернуху [...]*». Солженицын А.: *Архипелаг ГУЛАГ*.

⁸⁰ *Русский язык и советское общество.* Под ред. М. В. ПАНОВА. М.

лицо 'без определенного места жительства', «СПП» – 'секция профилактики правонарушений'; и, конечно, особое место занимают «з/к», «л/с» – 'лишенный свободы', «с/к» – 'спецконтингент'. Многие из последних послужили для дальнейших образований, например, «зэчка», «зык», «зики», «зык», «зыки» и т.д., 3) пропуск точек на письме: И.Т.Р. – ('инженерно-технические работники': «итр»), А.Т.П. – ('административно-технический персонал': «атп»), о.-о.з. – 'общественно-опасный элемент'), то же, но уже «соэ» ('социально-опасный элемент').

Аббревиатизация оказалась надежным способом разрушения национального сознания. Сокращенные названия национальных республик затемняли их национальный колорит, активно содействовали той топонимической катастрофе, которая постигла страну. С карты надолго исчезают *Россия, Закавказье, Украина*, чтобы передать свои места составным частям *Эссэсэриш*, трудно произносимым РСФСР-ам и ЭСФСР-ам. Некоторые топонимы, конечно, вернутся, например, накануне Отечественной войны, то есть только тогда, когда власти это будет выгодно.

Русскому человеку, которому исконно давались имена какого-нибудь святого, «предлагали», но уже не в церкви, такие имена, отражающие идеологию и дух эпохи, как *Гертруда* (сокращения от «героиня труда»), *Ким* (из начальных букв «Коммунистический Интернационал Молодежи»), *Лемира* (от «Ленина» и «мировая революция»), *Роблен* («родился быть ленинцем»).

То, что на выбор имени всегда влияют традиции, мода, а иногда и приспособления к власти, не новое явление⁸¹. Но даже в языке Третьего Рейха мы не можем найти таких имён-сокращений, которые состояли бы из элементов антропонимической структуры имён вождей, как это было в Советской Союзе, например, *Виулен* (В. И. Ульянов-Ленин), *Владлен*, *Виленин*, *Стален* (Сталин, Ленин), *Мэлис* (Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин).

⁸¹ Во время Великой французской революции падает популярность имен, ассоциирующихся с представителями старой власти (*Roi, Le Comte, Baron*) и носителями которых были члены династии (*Louis, Henri, Charles, Marie*). Под воздействием событий младенцы получают имена античных героев (*Brutus, Scaevola*) и руководителей революции (*Marat*). См. ДЕРЖАВИН К. Указ. соч. с. 37. В фашистской Германии одновременно с повышением популярности таких древних германских имён, как *Dieter, Detlev, Uwe, Margit, Ingrid* не регистрируются имена, упоминавшиеся в Новом Завете, если ими хотели назвать так называемых арийцев. Если кто-л. носил имя, в котором нелегко распознавалось ивритское происхождение (*Baruch, Recha*), то к нему прибавлялось или «Izrael» или «Sara». См. KLEMPERER, V.: LTI. Notizbuch eines Philologen. Leipzig, 1986. 78.

Надолго, а в некоторых случаях и навсегда исчезают слова, связанные со старой общественной жизнью (*барон, князь, господин, сударыня*), со старым административным управлением (*городовой, министр, департамент, тюрьма, поручик*), с системой образования и здравоохранения (*гимназист, универсант, учитель, фельдшер*). Их заменяют *полпред, ГНС* ('главный начальник снабжения'), *комрот, начдив, рабфаковец, вузовец, шкраб*, ('школьный работник'), *нарком, рабис*, ('работники искусства'), *лекком*⁸².

«Сокращенные слова стали чуть ли не символами революционного языка» – пишет Л. ЩЕРБА. «Ни одно учреждение не может успокоиться, пока не найдет себе сокращенного наименования» – отмечает Е. Поливанов⁸³. Но более важным оказалось то, что аббревиатуры советской эпохи, нередко обладающие неоднозначностью (напр.: в слове *пролеткульт*, не ясно, имеется в виду *культ* или *культура*, а также часто встречающийся элемент *ком*, мог обозначать *комитет, комиссию, командира, коммунальный* или *коммунистический*) и семантической неясностью, начали походить на механически засекреченные слова жаргона офений и стали выполнять роль своеобразной кодовой речи.⁸⁴ Постепенно они превращаются в элементы такого условного языка, знание которого для многих являлось если и не преимуществом, но во всяком случае давало ощущение «своего». Именно этот факт отделяет окончательно дореволюционные аббревиатуры от подобных языковых образований советской эпохи.

⁸² Ср. ОЖЕГОВ С. Основные черты развития русского языка в советскую эпоху. Изв. АН СССР. т. 10. вып. 1. 1951.

⁸³ ЩЕРБА Л.В. Культура языка. «Журналист», 1925. 2. с. 5; ПОЛИВАНОВ. Указ. соч. 233. Цит. по кн.: Русский язык и советское общество. Указ. соч. с. 73–74.

⁸⁴ Ср. ВИНОКУР Г. Культура языка. М., 1925, с. 58. «Сокращения – не просто «цены на товарах» и не только телеграфный код. Как сказано, этот код с гораздо более широким применением, но в том-то, по крайней мере, прав Карцевский, что это всё же код, хотя более распространённый и несравненно более понятный, чем телеграфное обозначение. «Имеется ввиду работа КАРЦЕВСКОГО С. И. Язык, война и революция. «Русское универсальное издательство», Берлин, 1923.

Wacław Cockiewicz (1992) Aspekt na tle systemu słowotwórczego polskiego czasownika i jego funkcyjne odpowiedniki w języku niemieckim. Rozprawy habilitacyjne Nr 231, Uniwersytet Jagielloński Kraków, 240 Seiten.

Trotzdem es dem Aspekt in der Linguistik eine ständig wachsende Bedeutung zukommt, herrscht in der fachdidaktischen Diskussion bezüglich der Definition des Aspekts sowie der Art und Weise, den im Fremdsprachenunterricht zu lehren und zu lernen, keine Einstimmigkeit. Der zur Besprechung vorliegende Band wendet sich an Interessenten mit klaren theoretischen Auslegungen und vielfältigem Material, die bei Vermittlung aspektueller Inhalte im Unterricht der polnischen Verben berücksichtigt werden sollten.

Die Arbeit besteht aus Vorwort, 4 Kapiteln, einem Wörterbuch der polnischen Aspektbildung, Nachwort und der Bibliographie.

In dem ersten Kapitel (Zagadnienia semantyczne - Semantische Probleme 10. S.) wird auf Gegenstand der Semantik eingegangen. Im Punkt 1.1 findet der Leser eine kurze Schilderung über die Rolle der allgemeinen Semantik bei der Aspektbildung. Der zehnte Absatz beginnt mit der wichtigen Feststellung, dass in den slawischen Sprachen der Aspekt eine verbale Kategorie ist, die mit Hilfe morphologischer Mittel ausgedrückt wird - die zum Ausdruck verschiedener Aktionsarten reichende Mittel aber, einen lexikalischen Charakter haben. Cockiewicz's Arbeit verfügt über eine kurze Aufzählung und Darstellung semantisch - lexikalischer Kategorien d.h. Aktionsarten, aus der sich aber entnehmen lässt, dass es hier - obwohl die Aktionsartbedeutungen mit Aspektbedeutungen in vielen Fällen korrelieren - um kein kohärentes System handelt.

Der zweite Abschnitt (Treść opozycji perfektywny : imperfektywny - Inhalt der Opposition perfektiv : imperfektiv 19.-41.S.) ist der Aspektualität und der Semantik des Aspekts gewidmet. Cockiewicz hat sich bemüht, hier eine umfassende Darstellung der bisherigen Aspektforschungsgeschichte zu geben, und sie unter besonderer Berücksichtigung der Semantik der Verben zu behandeln. Er stellt die Evolution der Verbalaspekt betreffenden Theorien sehr ausführlich von Agrell und Sørensen durch Koschmieder und Klemensiewicz bis auf Coseriu, Jakobson und Bondarko dar. Die von Bondarko eingeführte Aspektualität umfasst sowohl die Differenzierung innerhalb des Aspekts und der Aktionsarten und deren semantischen Beziehungen, als auch die Perfektivität, die durch den Begriff der Grenzbezogenheit bestimmt wird - sagt der Autor. Er weist aber darauf hin, dass die Frage der Abgrenzung zwischen den Aktionsartklassen und die semantische Problematik des Aspekts weiterhin ungelöst bleiben.

Klemensiewicz wird von ihm kritisiert, weil in seiner Definition des Aspekts der subjektive Charakter dieser Kategorie, worauf schon Agrell hingewiesen hat (Aspekte als Anschauungsformen) unbetont ist. Im weiteren unterscheidet der

Verfasser den slawischen „typologischen“ Aspekt von dem universalen Aspekt, der mehr umfassen sollte. Bei der Bestimmung des Aspekts als einer universalen Kategorie geht er von der wichtigen These aus, dass der Aspekt mit den Tempora im Zusammenhang steht. Hier werden Coserius und Koschmieders Thesen über den Aspekt und die Opposition der vollendeten und unvollendeten Handlungen vorgeführt und hingehend analysiert. Cockiewicz bemerkt, dass die Opposition von

linearen und punktuellen Handlungen zur graphischen Darstellung der Aspektsemantik vollkommen geeignet ist. Hier präsentiert der Verfasser Koschmieders Aspekttheorie, in welcher die Bedeutung des perfektiven Aspekts, wie eine relative Bewegung in der Zeit aus der Zukunft in die Vergangenheit, formuliert wird. Zum Ende des zweiten Abschnitts wird Jacobsons universales Modell der verbalen Kategorien skizziert. Obwohl dieses Kapitel hauptsächlich rein theoretisch bezogen ist, wird aber auch mit konkreten Beispielen exemplifiziert.

In den nächsten zwei Kapiteln: (Definicja dokonaności/niedokonaności - Eine Definition der Perfektivität bzw. Imperfektivität 41.-64.S.); (Gramatyczny status opozycji aspektowej - Der grammatische Status der aspektuellen Opposition 65.-116.S.) behandelt der Autor die Korrelation des Aspekts und der grammatischen Tempora beziehungsweise die Frage der polnischen Aspektpaarbildung. Aus diesem Themenkreis wähle ich zur näheren Besprechung den Abschnitt betitelt als Problem pary aspektowej - Das Problem der Aspektpaare.

Mit diesem Unterkapitel hat Cockiewicz auf eine wichtige und aktuelle Frage der slawischen Aspektologie aufmerksam gemacht. Er macht die Bemerkung, dass dieses Problem auch śmiech aufklären wollte, um im Zusammenhang mit dem obengenannten Begriff in der Fachliteratur herrschendes Chaos, zu eliminieren.

Es werden hier vier Hauptfragen aufgeworfen:

1. Kann der Aspekt nur durch eine suffixale Opposition oder auch durch die, eine präfixale ausgedrückt werden?
2. Was für eine Rolle spielt die Bedeutung der Glieder in der aspektuellen Opposition?

3. Haben wir im Falle der Aspektpaare nur mit einem Lexem oder mit zwei Lexemen zu tun?

4. Gehört der Aspekt zu der Flexion oder der Wortbildung?

Geht man davon aus, dass die Semantik bei der Aspektpaarbildung ausschlaggebend ist - so der Autor - stößt man immer wieder auf Schwierigkeiten bei der exakten Bestimmung des Kriteriums der Aspektpaarbildung. Cockiewicz hält Agrells Theorie für richtig, der in der Arbeit betitelt als *Przedrostki postaciowe czasowników polskich*. In: *Materiały i Prace Komisji Językowej Akademii Umiejętności w Krakowie 1918 Bd.8* dargelegt worden ist. - Wenn von dem präfixalen Perfektiv sich keinen weiteren sekundären Perfektiv ausführen lässt, der mit der Hilfe eines Suffixes gebildet ist, dann dieses Präfix keine lexikalische Bedeutung trägt und die Opposition, die zustande kommt, als ein Aspektpaar gilt - lautet es. Die Richtigkeit der oben Theorie, die für den Autor als Grundlage dient, wird mit zahlreichen Beispielen belegt. Die Glieder eines Aspektpaares werden von Cockiewicz als ein Lexem behandelt und der Aspekt als eine Kategorie, die auf halbem Weg zwischen der Wortbildung und der Flexion steht, betrachtet.

In dem nächsten Kapitel betitelt als *Aspekt a jego funkcyjne odpowiedniki niemieckie*. - Der Aspekt und seine funktionellen Entsprechungen im Deutschen. (129.-142.S.) bietet Cockiewicz eine detaillierte Analyse der polnischen Aspektbedeutungen, mit Berücksichtigung ihrer Wiedergabemöglichkeiten im Deutschen. Er weist überzeugend auf Unterschiede bezüglich der lexikalischen Bedeutung der einzelnen kontextgebundenen Übersetzungsequivalente.

Im nächsten Kapitel (143.-228.S.) befindet sich ein Wörterbuch der polnischen Aspektbildung. Der Verfasser stellt die polnischen Verben mit ihren deutschen Entsprechungen zusammen und veranschaulicht an zahlreichen Beispielen den Prozess der Aspektbildung im Polnischen.

Zusammenfassend kann man feststellen, dass das vorliegende Buch einen wichtigen Beitrag zu konfrontativen Studien leistet und zugleich ein wertvolles Hilfsmittel für Polonistik- und Germanistikstudenten, Oberschullehrer und Übersetzer darstellt. Die in dem theoretischen Teil vorkommenden Illustrationen vervollständigen den Band.

Markus Egg (1994) Aktionsart und Kompositionalität. Studia grammatica XXXVII. Akademie Verlag Berlin, 209 Seiten.

Mit dem wachsenden Interesse der Wissenschaft gegenüber der Formalisierung der menschlichen Sprache ergab sich die Notwendigkeit, die als multidimensionales System in ihrer Komplexität zu betrachten, um zu einem integrierten Ergebnis zu kommen. Eine solche Sichtweise fand ihren Niederschlag in der Montaguegrammatik, was wiederum Wiederhall in der lexikalischen Semantik verursachte (siehe Dowty 1979, Bennett 1974, Cresswell 1985).

Der zur Besprechung vorliegende Band beschäftigt sich mit einem wichtigen Bereich der Verbsemantik - mit dem der Aktionsarten. Seines Ziel ist es, die formale semantische Sprachanalyse auf die Einteilung der verbalen Prädikate anzuwenden, mittels eines geeigneten Klassifikationssystems für verbale Aktionsarten. Das Problem wird unter zwei miteinander korrespondierenden Aspekten analysiert. Als erstes wird gezeigt, wie sich die Eigenschaften der verschiedenen Aktionsarten und die Struktur der Zerlegungen der unter die jeweilige Aktionsart fallenden verbalen Prädikate aufeinander beziehen. Als zweites wird nachgewiesen, dass die Aktionsart eines Prädikats (dh. Verben, Projektionen von Verben und Sätze) kompositionell aus seinen Bestandteilen abgeleitet werden kann. Es sei darauf hingewiesen, dass, wie es wohlbekannt ist, Aktanten eines Prädikats dessen Aktionsart beeinflussen können. Deshalb wird *Birnen essen* als ein nicht begrenztes Prädikat angesehen, während *eine Birne essen* als ein berenztes Prädikat gilt. (Diesbezüglich siehe auch Wacha 1994.) Im weiteren wird es um eine solche geeignete Semantik für derartige Prädikate argumentiert, die auch diese Phänomene berücksichtigt.

Die Arbeit besteht aus der Einleitung, 3 Kapiteln, einem Resümee, Zusammenfassung und Ausblick und dem Literaturverzeichnis. In der Einleitung werden die folgenden Fragen besprochen: a, der Begriff „Aktionsart“ (11-14.S.); b, der Rahmen der vorliegenden Analyse: Downtys „Aspektkalkül“ (14-16.S.); c, die Einbettung der Analyse in Forschungsansätze (16-24.S.); d, der Aufbau der Arbeit (24-25.S.).

Die Aktionsart behandelt der Autor als ein Kategorienschema, in dem zunächst die Verben, aber auch Verbprojektionen und ganze Sätze nach bestimmten Eigenschaften klassifiziert werden. Er behauptet, dass die Aktionsart einer komplexen Phrase nicht nur von der Aktionsart des darin involvierten Verbs abhängt, weil die Aktionsart einer Phrase oder eines Prädikats auch andere Konstituenten beeinflussen können. Deshalb - so der Autor - lässt sich die Aktionsartsemantik nicht auf eine Klassifizierung von Verben reduzieren. Er macht die Bemerkung, dass für das von ihm besprochene Phänomen auch die Begriffe Zeitkonstitution und Aspekt verwendet worden sind. Er weist dabei darauf hin, dass der Begriff Aktionsart eine besonders unter den Slawisten und

Finnougristen gebräuchliche zweite Bedeutung besitzt, in der er zur semantischen Charakterisierung der Ableitung eines Verbs aus einer Grundform durch morphologische Prozesse dient. Als Beispiel führt er die russischen Verben: *chodit'*, *zachodit'*

- Dowty, D.R. (1979) *Word meaning and Montague Grammar*. Dordrecht: Reidel.
Bennett, M. (1974) *Some extensions of a Montague framework of English*. Dissertation, University of California
Cresswell, M. (1985) *Adverbial modification*. Dordrecht: Reidel
Wacha, B. (1994) *A folyamatos szemlélet a magyarban*. KD tézisei Budapest

und *otchodit'* an, wo *chodit'* - *umhergehen* als nicht telisch, *zachodit'* - *anfangen herumzugehen* als ingressiv und *otchodit'* - *aufhören herumzugehen* als egressiv charakterisiert werden. Er bemerkt, dass auch der Ausdruck Aspekt nicht ganz eindeutig ist. Während er in der Slawistik und Semitistik eine Distinktion zwischen Perfektivität und Imperfektivität bedeutet, ist er auch für grammatische Phänomene wie das englische Progressiv oder das französische Imparfait verwendet. An dieser Stelle wird als Beispiel das Russische erwähnt, in dem der Aspekt eine lexikalisierte Unterscheidung verbaler Prädikate danach sei, ob sie einen Sachverhalt als vollendet oder unvollendet beschreiben.

Der erste Teil dieser Aussage ist für mich annehmbar, doch der zweite scheint mir diskutabel zu sein, und zwar: Der Aspekt im Russischen als in anderen slawischen Sprachen ist eine grammatikalisierte Kategorie, deren morphologische Ausdrückung durch eine Opposition von perfektiven und imperfektiven Verben realisiert wird. Um die Sache etwas zu vereinfachen könnte man sagen, wie es bei Tichonow zu lesen steht, dass im Falle solcher Sprachen, in denen der Aspekt nicht morphologisch ausgedrückt wird, einem aus einem perfektiven und einem imperfektiven Glied bestehenden russischen Verbpaar nur ein verb entspricht. Siehe zB. das russische Paar *delat'* (pf.) - *sdelat'* (impf.) vs. das deutsche Verb *machen* (Tichonow 1963). Unterteilung der Präfixe in grammatische und lexikalische blickt in der Slawistik auf eine lange Geschichte zurück. Die Funktion der grammatischen Präfixe beschränkt sich auf die formale Ausdrückung der Perfektivität. Wenn sich aber ein lexikalisches Präfix mit dem Grundverb verbindet, entsteht ein neues Lexem. Die Meinungen der Aspektforscher sind darüber verschieden, welche Präfixe als nicht lexikalische zählen können. Da es zu weit führen würde, möchte ich im Rahmen dieser Rezension darauf nicht eingehen. Ich bemerke nur, dass der Aspekt im

Slawischeneine grammatikalisierte, während die Aktionsart eine lexikalische Kategorie ist. Von einer Aktionsartrelation darf man nur sprechen, wenn das Präfix die Bedeutung des Grundverbs wesentlich verändert. (Diesbezüglich siehe Bondarko 1993 und Agrell 1908.) Da der Verfasser selbst zugibt, dass die Ausdrücke Aktionsart bzw. Aspekt nicht nicht eindeutig und in vielen Bedeutungen gebräuchlich sind ist nicht verständlich, warum er sich nicht an einer strengeren Abgrenzung den Aspekt von der Aktionsart gehalten und sich für eine elastischere Interpretation entschlossen hat. Nichtsdestoweniger möchte ich darauf hinweisen, dass die von dem Autor gemachten Feststellungen (zB. dass einige Präfixe auch einen Einfluss auf die Aktionsart haben; dass die Unterscheidung perfektiv-imperfektiv auf die Aktionsart eines Prädikats auswirkt) in vollem Umfang treffend sind.

Im Weiteren schreibt der Verfasser über die wichtigsten Konstituenten seiner Theorie. Da die Arbeit eine Fortführung des Ansatzes von Dowty (1979) darstellt, macht er den Leser mit Downtys „Aspektkalkül“ bekannt. Es besagt, dass viele Verben eine innere Struktur aufweisen und

Tichonow, A.N. (1963) Glagoly s čistovidovymi pristavkami v sovremennom russkom jazyke. Avtoreferat KD. Moskau

Bondarko, A.V. (1993) Predel'nost' i glagol'nyj vid (K problematike slavjanskoj funkcional'noj aspektologii In: Slavjanskoje jazykoznanije. XI Meždunarodnyj sjezd slavistov. Moskau

Agrell, S. (1908) Aspektänderung und Aspektbildung beim polnischen Zeitworte. Lund

mit anderer Verben paraphrasiert werden können. Als Beispiel wird hier das Verb *erschließen* angeführt. Für dieses Verb ist die folgende Paraphrase möglich: jemand benutzt eine Feuerwaffe /Ursache/, was den Tod von jemand anderem verursacht /Wirkung/. So kann die in *erschließen* involvierte Wirkung mit dem Verb *sterben* paraphrasiert werden. Die beiden Verben stehen somit in einem bestimmten Zusammenhang, der dadurch repräsentiert wird, dass die Zerlegung von *erschließen* die Zerlegung von *sterben* als Teil enthält. Das Ziel dabei ist, Lexeme mit einer komplexeren inneren Struktur in weniger komplexe Lexeme zerlegen, die durch geeignete Operatoren verknüpft sind. Letztendlich sollten die Zerlegungen der Lexeme so beschaffen sein, dass die Aktionsart aus ihnen ablesbar ist. Dies führt dazu, dass wir für eine bestimmte Aktionsart charakteristische Operatoren bekommen. Bei der Ableitung von

Verbprojektionen und Sätzen, die eine ziemlich komplexe Struktur haben, nach der Tradition der Montaguegrammatik und dem Ansatz von Dowty soll nur die funktionale Applikation als Verknüpfungsoperation angenommen werden. Sie wird formal als sog. Lambda-Konversion repräsentiert: $\bullet_x (...x...) (a) \Rightarrow (...a...)$ Die andere grundlegende Theorie, im Rahmen deren die vorgelegte Analyse durchgeführt wird ist die Montaguegrammatik, deren aus dem Gesichtspunkt der Arbeit wichtigste Elemente im dritten Teil der Einleitung bekanntgegeben werden (17-24.S.).

In der Montaguegrammatik, die einen Paralellismus zwischen Syntax und Semantik fordert, gibt es zu jeder syntaktischen Verknüpfungsregel eine korrespondierende semantische Verknüpfungsregel. Der Absatz 3.1 bietet eine syntaktische und semantische Ableitung des Satzes *Fritz schläft* den ich hier kurz schildern werde.

Wenn eine NP und eine VP ist, dann verbinde man die beiden Konstituenten zu einem Satz S. Die syntaktische Verknüpfung F von \mathfrak{S} und \mathfrak{Q} ist eine Konkatenation: $F(\mathfrak{S}\mathfrak{Q}) = \mathfrak{S}\mathfrak{Q}$. Die semantische Übersetzung von $\mathfrak{S}\mathfrak{Q}$ ist $\mathfrak{Q}(\mathfrak{S})$, wobei \mathfrak{S} und \mathfrak{Q} jeweils die semantischen Übersetzungen von \mathfrak{S} und \mathfrak{Q} sind. Alle semantischen Repräsentationen von Prädikaten werden in dieser Logiksprache ausgedrückt. Eine wichtige Rolle spielt dabei die mengentheoretische Repräsentation der Funktor-Argument-Beziehung. ZB. stellt ein Verb wie *schlafen*, die Menge aller Schläfenden dar, die Anwendung von *schlafen* auf eine NP wie *Fritz* drückt lediglich aus, dass *Fritz* zur Menge der Schläfer gehört.

In weiteren Absätzen des dritten Teils werden andere Konstituenten der von Egg vorgeführten Analyse besprochen. a) Die von Bierwisch (1982) und Lang (1987) begründete sog. Zwei-Ebenen-Semantik. Sie geht davon aus, dass sprachliche und allgemein kognitive Fähigkeiten des Menschen auseinanderhalten werden sollen. Die bilden zwei verschiedene Module der menschlichen Intelligenz, die bei der Verarbeitung von sprachlichen Äusserungen zusammenwirken. Die erste Ebene der Bedeutung bildet eine semantische Komponente, die als Teil der Grammatik zur menschlichen Sprachfertigkeit gehört und sprachlichen Äusserungen eine sprachliche Bedeutung zuordnet. Diese Ebene determiniert aber die Bedeutung nicht vollständig.

Bierwisch, M. (1982) Formal and lexical semantics. In: Linguistische Berichte 80.

Bierwisch, M. und Lang, E. (1987) Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven. In: Studia Grammatica 26/27 Akademie Verlag Berlin

Der Mensch mit Hilfe seiner allgemeinkognitiven Fertigkeiten verschafft ein Bild von der Wirklichkeit, worauf die sprachliche Bedeutung einer Äußerung abgebildet und in Abhängigkeit vom Kontext noch weiter ausdifferenziert wird. Erst nach dieser Abbildung erscheint eine vollständig determinierte Bedeutung, die dann die zweite Ebene konstituiert.

b) Die Repräsentationssprache 3.3, in der die für die Interpretation benötigten Indizes direkt in den Zerlegungen expliziert werden. Die Theorie basiert auf Kaplan (1979) und Stechow (1992).

In dieser Sprache werden Prädikate als Funktionen interpretiert, die eine Menge von Argumenten auf eine Relation zwischen zwei Indizes, einem Äußerungs- und einem Evaluationsindex, abbilden. Beide Indizes bestehen aus einem Welt-Zeit-Paar. Der Äußerungsindex kann als Sprechzeit, der Auswertungsindex als Ereigniszeit interpretiert werden. In diesem Absatz führt noch Egg den Begriff „Satzradikal“ nach Herweg ein. So wird die Information eines Satzes genannt, die keinen Hinweis auf Tempus und Definitheit enthält. Das Satzradikal von „*Max war in der Kneipe.*“ wäre zB. „*Max in der Kneipe sei-*“

c) Die Zeitstruktur 3.4 in der Arbeit wird mereologisch gedeutet, wie bei Krifka (1989) was den Vorteil hat, dass Zeitintervalle und Zeitpunkte von demselben Typ sind. Bei einer mengentheoretischen Rekonstruktion wären Zeitintervalle Mengen von Zeitpunkten, die somit einen höheren Typ besitzen würden als die Zeitpunkte.

d) Deshalb wird im nächsten Abschnitt die Mereologie eingeführt 3.5, in der die Zusammenfassung zweier oder mehrerer Entitäten wieder von der gleichen Art ist, wie die Entitäten selbst. Es steht im Gegensatz zu der Mengenlehre, in welcher zwischen irgendwelchen Entitäten und aus diesen Entitäten zusammengesetzten Mengen ein Unterschied besteht. Im vierten Abschnitt wird der Aufbau der Arbeit kurz skizziert.

Der Einleitung folgen 3 Kapiteln, aus denen das Erste (27-69.S.) den Titel: Neue Klassifikation der Aktionsarten trägt und ist in 4 Unterkapiteln geteilt. In diesem Kapitel wurde eine revidierte Klassifikation der verbalen Aktionsarten vorgestellt. Den Grund für diese Innovation lieferten Prädikate wie fünf Stunden lang singen; husten und eine Sonate spielen, die begrenzt aber nicht telisch sind und somit den traditionellen Klassifikationssystemen große Schwierigkeiten bereiten. Weder von Klassifikationen, die Ereignisprädikate durch Telizität charakterisieren, noch mit der Methode: Ereignisprädikate allgemein als begrenzt zu beschreiben, können sie befriedigend erfasst werden. Das erste Klassifikationsschema kommt hier gar nicht in Frage, da die obigen

Prädikate nicht telisch sind, versucht man die zweite Methode anzuwenden, verschwinden die Unterschiede zwischen telischen und atelischen Prädikaten.

Im zweiten Abschnitt wurde von Egg eine Erweiterung von Downtys Klassifikation vorgeschlagen, die diese beiden Probleme lösen kann. Es wurden drei hierarchisch angeordnete

Stechow, A.V. (1992) Intensionale Semantik eingeführt anhand der Temporalität. Arbeitspapier 40 Sprachwissenschaft Univ. Konstanz

Kaplan, D. (1979) On the logic of demonstratives. In: Journal of Philosophical Logic 8

Krifka, M. (1989) Nominalreferenz und Zeitkonstitution. Zur Semantik von Massentermen, Pluraltermen und Aspektklassen. Fink München

Merkmale, wie: Intervall-Basiertheit; Begrenztheit; Telizität eingeführt, und in 3 Abschnitten eingehend besprochen (40-50.S.). Diese Merkmale teilen die Prädikate in 4 Gruppen so wie: Zustände; Prozesse; Intergressive und Wechsel. Zwischen den unbegrenzten Zuständen und Prozessen und den telischen Wechseln befindet sich eine neue Gruppe von Prädikaten, die von dem Autor eingeführt und „Intergressiv“ genannt wurde. Diese Prädikate sind Intervallbasiert (mindestens zwei Zeitpunkte besitzen), begrenzt aber nicht telisch. Das Merkmal Punktualität wurde von Egg nicht in die Klassifikation aufgenommen, da es kein linguistisches Kriterium darstellt. Die Unterscheidung zwischen „Achievements“ und „Accomplishments“ fiel bei der Analyse auch weg, weil es sich dabei nicht um ein für den zeitlichen Verlauf von Sachverhalten wesentliches Phänomen handelt.

Im zweiten Kapitel: Aktionsart und Weg-Präpositionen (71-136.S.), der in 6 Abschnitte geteilt ist, zeigt der Autor, wie man auch in komplexeren Fällen die Aktionsart einer Phrase kompositionell aus der Semantik ihrer Bestandteile und deren Verknüpfung ableiten kann. Unter Weg-Präpositionen werden diejenigen Präpositionen verstanden, die bei Bewegungsverben die Richtung der Bewegung spezifizieren können. Die regieren fast alle den Akkusativ. Egg hat die Präposition *in* gewählt, weil sie am wenigsten komplexe Weg-Präposition darstellt, gleichzeitig aber das weiteste Spektrum räumlicher Verwendungsweisen hat.

Im ersten zwei Abschnitten „Verwendungsweisen der Präposition *in*“ (73-74.S.); „Eigenschaften der Präposition *in*“ (74-76.S.). untersucht der Autor

diese räumliche direktionale Präposition mit ihrem Spektrum von Verwendungskontexten, dann weist er darauf hin, dass auch die Bedeutung und damit die Aktionsart der Sätzen und Verbprojektionen kompositionell durch ihre Bestandteile determiniert wird.

Im Weiteren beschreibt Egg die räumliche direktionale Präposition *in* und stellt aufgrund dieser Präposition den Beitrag den Beitrag einer Weg-Präposition zum Aufbau der Bedeutung und der Aktionsart von Verbal- und Nominalphrasen dar. Substantive, die Objekte mit einer wegförmigen Gestalt denotieren, können direkt durch eine *in* Präposition modifiziert werden nur, wenn in ihrer Funktion ein Weg involviert ist - sagt der Autor. Das spricht für die Akzeptabilität der Phrase *Straße in die Stadt*, während man die Phrase *der Turm in die Wolken* für schlecht befindet. Dementsprechend ist auch die Tür in den garten akzeptabel, weil die Tür, die zwar keine wegförmige Gestalt hat, in ihrer Funktion einen Weg involviert.

Im vierten Abschnitt „Der Beitrag von *in*-Präpositionen in Argumentposition zur Aktionsart“ (100-109.S.) wird die Verknüpfung von *in*-Präpositionen mit Konstituenten gezeigt, die eine solche Präposition subkategorisieren. Es werden hier Bewegungsverbena wie *gehen* (zB. *in den Garten gehen*) und Bewegungsverbena mit mehr als einer Weg-Präposition angeführt. Die Äusserungen werden mit der Hilfe von Operatoren wie: MOVE /Bewegung/; CHANGE /Wechsel/; BECOME /Zustandswechsel/; LOK /Eigenort/ ua. formalisiert.

Im fünften Abschnitt „Der Beitrag von *in*-PPs in Adjunktposition zur Aktionsart (122-134.S.) wird die freie Modifikation einer Konstituente durch eine *in*-Präposition gezeigt. Im Deutschen sind es viele Verben wie zB. *weinen* und *regnen*, die zwar nicht mit einer Weg-

Präposition verknüpft werden müssen, aber dennoch von einer solchen Präposition modifiziert werden können: *Ich weine in mein Bier*. All diesen Verben ist gemeinsam, dass sie einen gerichteten Weg involvieren, der aus dem Eigenort der durch sie denotierten Raumzeitgebiete besteht. Im obigen Beispiel kann man diesen Weg umgangssprachlich als die Flugbahn der Tränen beschreiben. Mit der in diesem Kapitel vorgeschlagenen Analyse der lokalen Weg-Präposition *in* konnte die Präposition in allen im Abschnitt 1. vorgestellten Verwendungskontexten beschrieben werden.

Im dritten Kapitel „Aktionsart und nominale Aktanten“ (137-196.S.) stellte der Autor eine formale Rekonstruktion des Einflusses nominaler Aktanten

auf die Aktionsart ihres Prädikats vor. Im Laufe der Analyse wird das Denotat des einflussnehmenden Aktanten in eine Partition dh. in eine Menge sich nicht überlappender Teile zerlegt, deren Summe wieder das Denotat ergibt. Das Kapitel teilt sich in fünf Unterkapiteln deren Reihe das Resümee abschließt.

Es werden hier Probleme, wie zwei unterschiedliche Arten des Einflusses nominaler Aktanten auf die Aktionsart ihres Prädikats (141-149.S.); die Satz-Iteration (154-165.S.); die NP-Iteration; die innere Begrenzung (177-181.S.) und die obligatorische vs. optionale Beeinflussung der Begrenztheit (184-185.S.) diskutiert. Aus diesen Themen möchte ich zur näheren Besprechung die Satz-Iteration wählen, da sie ein der wichtigsten Teile des obengenannten Kapitels ist.

Der Autor unterscheidet zwei Arten von Iterativen. Bei der ersten Art stellt das Satzradikal selbst den Typ des Iterierten Sachverhalts dar. Diese Art von Iteration wird vor allem durch bestimmte Modifikatoren erzwungen und wird „Satz-Iteration“ genannt. Sie ist nicht von irgendwelchen nominalen Aktanten abhängig. Ein Beispiel dafür wäre der untenstehende Satz:

Fritz küsste Ariadne dreimal.

Die Iteration wurde anhand des Adverbs *dreimal* explizit ausgedrückt. Andererseits können aber auch nominale Argumente iterieren. In diesem Fall wird das Satzradikal als Relation zwischen Individuen und Zeiten dargestellt. Alle Sachverhalte der Iteration bestehen im Zutreffen dieses Prädikats auf einen Teil des Denotats des nominalen Arguments. Die iterative Interpretation eines Satzes geschieht dann also relativ zu einer seiner nominalen Konstituente. Das repräsentiert der folgende Satz: *Fritz entdeckte fünf malerische Dörfer.*

Bei der Beschreibung der Iteration stellt sich die Frage, wo die Iteration zu verankern ist. Der Autor hat sich entschlossen die Iteration beim Verb zu verankern, obwohl es sich hier zwei Möglichkeiten anbieten. Zum einen kann man eine komplexe Determinator-Semantik wählen und die Verbsemantik entsprechend einfach gestalten, oder macht man es umgekehrt. Dementsprechend *Fritz* hätte dann neben einer Lesart, in der die Menge von Eigenschaften die auf *Fritz* zutreffen auch eine Lesart, in der die Menge der Eigenschaften, deren Iteration auf *Fritz* zutrifft und als P ITER /P /f// darstellen ließe. Der Autor führt dabei das Zeichen ITER als einen geeigneten Iterativoperator ein.

Der von Egg gewählte Standpunkt - die Iteration beim Verb zu verankern - scheint mir wohlbegründet zu sein, weil: a, die Iteration auch bei Verben wie *blitzen* oder *donnern* möglich ist, wo kein nominaler Aktant als Auslöser der Iteration zur Verfügung stünde; b, viele Sprachen der Welt die Iterativreflexion am Verb besitzen (siehe dazu die slawischen Sprachen). Der Autor gibt zu, dass selbst im Deutschen Reste einer solchen Flexion erkennbar sind, indem das Verbsuffix *-l-*, oft zur Bedeutung eines Verbs eine iterative Komponente beiträgt: zB. *stechen* vs. *sticheln*; *zischen* vs. *zischeln*.

In dem obengenannten Kapitel hat der Verfasser gezeigt, dass auch die Einflussnahme nominaler Aktanten auf die Aktionsart ihres Prädikats durch semantische Dekompositionen repräsentiert werden konnte. Das in der Einleitung gestellte Ziel wurde damit erreicht. Das Buch schließt eine Zusammenfassung und Ausblick (199-202.S.) ab.

Zusammenfassend kann man feststellen, dass die ausgewählten Probleme der Aktionsart mit großer Sorgfalt bearbeitet worden sind. Einige von ihnen stehen noch ganz offen, was für mich selbstverständlich ist, andere halte ich für diskutabel, was auch in dieser Disziplin nötig ist. Es sei bemerkt, dass die Analyse einer Verbprojektion bzw. eines Satzes einen erheblichen formalen Aufwand erfordert, was der Autor selbst anerkennt 69.S. Im Anschluss daran möchte ich darauf hinweisen, dass das vorliegende Buch leider über kein Zeichenverzeichnis verfügt, was das Lesen in manchen Stellen wesentlich erschwert. Der besprochene Band liefert einen wichtigen Beitrag zu den theoretischen und angewandten Studien und lässt hoffen, dass man in der nächsten Etappe auch der didaktisch-methodischen Auswertung von Ergebnissen dieser Studien mehr Aufmerksamkeit schenken wird.

Pátrovics Péter

Т.Г.НИКИТИНА (Псков)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЯ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Русские пословицы и поговорки давно уже стали объектом этнопсихолингвистических исследований.

Псковский региональный фразеологический и паремиологический материал, рассмотренный с этих позиций, дает интереснейшую информацию о мироощущении и миропонимании, нормативно-ценностных установках, особенностях довольно противоречивого характера носителей псковских говоров.

Богатейший материал для подобного исследования представляют лексикографические источники. Так, в 1910-1912 гг. Е.Р.Романовым опубликован "Рукописный сборник древних русских пословиц" (СР), включающий материалы, записанные на Псковщине. В 1959 г. вышел "Псковский рукописный сборник пословиц XVIII века" Г.Г.Шаповаловой. Колоритные псковские фразеологизмы (поговорки) и пословичные речения наряду с другими единицами представлены в Разговорнике Т.Фенне (1607 г.), они вошли в "Опыт областного великорусского словаря" (1852 г.), отображены В.И.Далем в "Толковом словаре живого великорусского языка". Тематические подборки пословиц и поговорок публиковались в прошлом веке и на страницах Псковского областного статистического сборника.

Определенная часть современного паремиологического и фразеологического материала самым тщательным образом разработана в первых 12 выпусках /А-И/ Псковского областного словаря с историческими данными (ПОС, 1967-1996 гг.). В последующих выпусках найдет свое отражение весь огромный массив пословиц и поговорок, содержащихся в картотеке ПОС, ежегодно пополняющейся материалами диалектологических экспедиций СПбГУ и Псковского пединститута.

Фразеология псковских говоров основательно изучена в историко-этимологическом и структурно-семантическом аспектах (Ивашко, 1981, 1985; Костючук, 1983, 1993; Мокиенко, 1980, 1991), разработана в тематико-идеографическом плане (Ивашко, 1978, 1979, 1988, 1994, Никитина, 1995).

ФЕ и пословицы псковского региона, среди которых большую часть составляют общерусские единицы или их диалектные варианты, затрагивают традиционный круг тем, наиболее актуальных для жителя деревни: крестьянский труд и быт, природа, семья, материальное положение и социальный статус человека, его характер и поведение, взаимоотношения между людьми. Причем, источником материала к

психологическому портрету диалектоносителя может стать как переносный, иносказательный, так и буквальный смысл пословиц и поговорок, в которых объективировались наиболее значимые для житейского сознания фрагменты картины мира.

Взгляд человека на себя как живое существо отразился прежде всего в пословицах, передающих отношение к своему здоровью, наблюдения из области медицины: *здоровье - всему голова* /Кун., Палк., Печ., Себ./, *здоровье выходит пудами, а входит золотниками* /Кун., Палк., Пушк./, *болезнь человека не красит* /Н.-Рж., Палк., Пск., Пушк./.

Отдельные выражения содержат полезные советы по профилактике заболеваний, выработке иммунитета: *сухая нога - всему голова* /Печ./, *держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле* /Кун., Палк., Порх./, *кто не боится холеры, того она боится* /Палк./.

“Философское”, иногда с грустной иронией, отношение к смерти отразилось в пословицах - *всяк умрет, коль смерть придет* /Гд./, *без смерти не помрешь* /Н.-Рж./, образах фразеологизмов - *к лопатинскому пойти, пойти (перейти, съездить) в Могилевскую губернию (в Могилев), пойти в земельный отдел [в белых тапках]- ‘умереть’, на зеленом лужочке ямочка приготовлена кому, на том свете с фонарями ищут, дожидаются вперед ногами кого* - ‘об очень старом человеке’ и даже в попытках этимологизировать отдельные выражения: До лопни дожить: *Раньше старики жили по триста лет и не знали, как умереть. Тогда варили пиво, выпивали по ковшику, по лопне, и говорили: “Человек божий до лопни дожид”. И человек десять как лопнут его по голове и убивали. Кр. ПОС, т.9, с.111.*

Зная особенность фразеологизмов - отображать прежде всего отрицательно оцениваемые реалии окружающего мира, можно попытаться методом “от противного” воссоздать народный эталон красоты и физического совершенства: не слишком высокий рост, крепкое телосложение, густые не рыжие волосы, румянец, белая, незагорелая кожа, некрупные черты лица, глаза выразительные, но тоже не очень большие (ср. отрицательный собирательный образ, составленный из ФЕ наиболее крупных фразеологических рядов: *длинный как жердина, худой как цыганское кнутовье, кожа на шесту, рудый - хвост дудый, бледный как берестина, черти горох молотили на лице, глаза как бураки, губы как у сивого мерина, нос на двоих рос [одному достался], руки как крюки, лытки как нитки* и т.д.). И все же народ снисходительно и даже с иронией говорит о физических недостатках в пословицах: *были бы кости, а мясо будет (нарастет)* /Оп., Пск., Усв./, *кабы не плешь, так и не голо было бы* /Сл./, *с лица не воду пить* /Гд., Остр., Пск./.

Зато безжалостно высмеивает глупцов и тугодумов. В 10 вариантах функционирует в псковских говорах выражение *дураков не сеют (не сажают), не жнут (не пахнут, не*

коплют), они сами растут. Один из наиболее обширных синонимических рядов ФЕ - 'глупый' - содержит единицы, построенные по известным моделям, описанным на материале различных славянских языков и диалектов (Мокиенко, 1980, Ивашко, 1979, Бахвалова, 1993, Ивченко, 1996). Приведем некоторых из них в псковском воплощении, чтобы еще раз проиллюстрировать отношение к недостатку интеллекта, отразившееся в мотивировке ФЕ, в том числе устойчивых сравнений: а/ (*глупый, дурной*) как *баран (как овца, как лунь болотный)*, *дурной (бестолковый)* как *банный веник (как чурбан, как кошель)*; б/ *каша (мякина, потрепки) в голове (голова кашей набита)* у кого, *голова (калган) с тараканами (с букашками, с мухами)* у кого, *петухи в голове поют* у кого, *февраль в голове* у кого; в/ *масла нет в голове* у кого, *винтов (шариков) не хватает [в голове]* у кого, *не все шарики дома* у кого, г/ *голова еловая (дубовая, ольховая, деревянная), пришивная голова, чертова голова* и не менее экспрессивная двуплановая по мотивировке *голова с заплаткой* в частушке конца 80-х об М.С.Горбачеве: "По талонам горькое, по талонам сладкое. Что ты сделал со страной, голова с заплаткою?" /Пск./.

Не удивительно, что большое количество пословиц пропагандирует грамотность, просвещение: *в грамоте хороши, так и везде гожи* /Гд./, *без разума и глаз не видит* /Порх./, *научность - свет, а безнаучность - тьма* /Остр./. Причем, высоко ценится в народе не только "научность", образованность, которая ассоциируется с государственными, советскими реалиями (*Сенька по-научному знает. Сенька, у тебя не голова, а дом советов. Сер. Он все сидит, книжки читает. Мы так его и зовем - Лёвушка-кремлевская голова.* Гд.), но и природный, житейский ум: *У нас много выражений: умный - как будто сорочьи яйца пьет. Стр. Ей как черт на коже пишет - все знает, все умеет.* Пск.

Детальному анализу и оценке подвергается в народном сознании человеческий характер. С одной стороны пословицы отражают положительную оценку смелости: *кто смел, тот два съел* /Пск./, а с другой - осмотрительность, осторожность: *береженого (стереженого) и Бог бережет* /Н.-Рж., Оп./, *кто сам себя бережет, того и Бог стережет* /Порх., Пск./, обходительность: *Головка с поклонцем, язык с приговорцем* /Палк./.

Лицемерие, двуличие, лесть, подхалимство, хитрость - вот отдельные низовые рубрики фразеосемантического поля "Непорядочность", относящегося к разделу "Моральный облик человека и его оценка" в идеографической классификации псковской фразеологии. *Не из доброй муки растворенный, черт на душе сидит* у кого, *нечистая головешка, змеиный сидор, гажий прокурат, ягода из-под овечьего хвоста* - такую общую фразеологическую характеристику получает непорядочный человек, действия же его отображают многочисленные глагольные

обороты с четкими отрицательными коннотациями: *хвостом вертеть (вилять), подложить свинью кому, вертеться как змея в мешке, наводить тень на плетень; Богу мотиться, а в черта веровать; в жопу без мыла лезть кому* и т.п.

Резкое осуждение получают в пословицах и поговорках такие человеческие качества, как алчность, скупость: *скупой два раза платит /Н.-Рж./, руки грабущие, глаза завидующие у кого /Порх., Пушк./, жадный как скоруза /Пск./, зимой снегу не выпросишь у кого /Пушк., Пск./, заносчивость, спесь, которая ни к чему хорошему не приводит: важная птица, пузо выше носа, пузырь дождевой, ходить козырем, ходить как струк зеленый, задрать нос как копыл, ходить как курыш /Н.-Рж., Пск., Пушк., Стр., Себ./, высоко садится, да низко ложится /Пск./, последняя буква стоит в раскорячку - о человеке, часто говорящем “я”, “я” /Пск./.* Настораживает скрытность: *в тихом омуте чертов больше /Гд./, в болоте без беса не бывает /Беж./.*

Но особенно не любят псковичи, судя по их пословицам, сердитых, злых, мрачных людей. Их сравнивают с нечистой силой, дикими животными, жалящими насекомыми и пресмыкающимися: *злая как ведьма (как шишиха), злая как змея сипучая (как гадюка), злой как тигра, злая как зверица, вредный как сикляха (сикляха - муравей), вековуха как осенняя муха.* Им приписывают несвойственные атрибуты: *Люди с рогами, никак не уважишь /Гд./.* *Нюрка - баба с яйцами, злая. /Пск./.* Предупреждают о печальных перспективах: *на сердитых воду возят /Пушк./, кто бурчит, тот век плачет /Н.-Рж./.*

Подмечены народом и отражены в пословицах и чисто русские черты характера, не чуждые и псковичам: *русский глазам не верит, а надо пощупать /Пск./, русский человек всегда задним умом живет /Пск./, гром не грянет - [русский] мужик не перекрестится /Пск., Печ., Оп./.*

Пословицы императивного характера складываются в своеобразный свод правил поведения. Здесь тоже человеку рекомендуется быть осторожным, осмотрительным: *не зная броду не суйся в воду /Кар., Палк., Пск., Себ./, тише едешь - дальше будешь /Гд., Дед., Кун., Палк., Пск., Пушк./, вести себя скромно, в соответствии со своим социальным статусом: каждый сверчок знай свой шесток /Пск./, по одежке протягивай ножки /Гд., Остр., Стр./, быть порядочным в отношениях с людьми: не делай людям того, что себе не годится /Порх./, не копай другому яму - упадешь /Кр., Усв./.* Хотя некоторая предприимчивость в достижении цели допускается: *хочешь жить - умей вертеться /Оп., Остр., Пск., Стр./, украл да продал - как Бог подал /Себ./.*

В целом же человеку рекомендуется не размениваться на мелочи в выборе цели: *не гонись за малым - велико потеряешь /Оп./* и надеяться в

первую очередь на себя: *на Бога надейся, а (да) сам не плошай* /Оп., Пск./, *Бог-то Бог, да и сам не будь плох* /Гд., Порх., Пск./.

Не обошли пословицы и двоякое отношение псковичей, как и русских в целом, к пьянству и пьяницам: *где вино, там и горюшко* /Н.-Рж./, *пить до дна - не видать добра* /Пск./, но в то же время: *кто вино не пьет, петух и тот пьет* /Гд./, *пьяница проспится, а дурак никогда* /Гд., Остр., Пск./ - таким образом, глупость осуждается в большей мере, чем склонность к пьянству.

Фразеосемантическое поле “Пьянство” в псковских говорах включает синонимические ряды ‘пьяный’, ‘напиться пьяным’, ‘алкоголик’, ‘пьяница’, ‘пить/выпить спиртного’, ‘пить спиртное в большом количестве’, ‘немного выпить’, ‘выпить небольшое количество спиртного, разливая его так, чтобы досталось всем’, ‘быть в состоянии легкого алкогольного опьянения’, ‘выпить спиртного по заключении сделки’, ‘бурно, шумно отмечать что-л. со спиртным’, ‘легко выпиваться (о дозе спиртного)’, ‘водка; крепкий спиртной напиток’, ‘похмелье, похмельный синдром’, ‘протрезветь’, ‘трезвый’. Об актуальности темы для русского житейского сознания говорит статистика: ряд ‘пьяный’ содержит в псковских говорах 48 единиц, ‘напиться пьяным’ - 26, а ‘трезвый’ - всего 2 фразеологизма.

Пытаясь толковать значение и комментировать особенности употребления ФЕ этого поля, диалектоносители демонстрируют не только богатый экстралингвистический опыт, но и тонкое чувство языкового материала: *Пьяный кто во что: сапожник в стельку, конюх - в дугу, железнодорожник - в дрезину* /Н.-Сок./, *“В дымину пьяный” - говорят, если кто нажравши в доску* /Гд./, *Из поколения в поколение бережно передаются уникальные этимологии: Был в Воёве Ашман, все со стаканом ходил. Кто пьет, к тому приходит со стаканом-то. Вот потом и говорили - пьяный как Ашман* /Н.-Сок./.

Фразеологизмы поля “Пьянство”, так же, как и пословицы, не всегда безжалостно обличают своих “героев”, но могут содержать и безобидную шутку, иронию: *прийти на трех ножках, напился как тесто - не двинуться с места, наваривать носы для красы*.

Отношение к труду, запечатленное пословицами псковского региона, тоже неоднозначно. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить, например, следующие выражения: *без дела жить - только небо коптить* /Кун./, *никакой труд не позорен* /Кун., Палк./, *без труда нет плода* /Кун., Пыт./, *труд кормит, а лень портит* /Остр., Пск./, а с другой стороны - *дураков работа любит* /Гд., Пушк./, *от работы кони дохнут* /Пск., Пушк./, распространенное повсеместно *работа не волк, в лес не убежит* а также варианты образного воплощения этого мотива: *работа не бес, не убежит в лес* /Оп./, *работа не медведь - дадут и завтра поглядеть* /Слан./.

Но в большинстве своем пословицы, конечно же, обличают бездельников, лентяев, недобросовестных работников: *люди жать, а мы - на солнышке лежать* /Порх./; *ленивый три вещи знает: не могу, не хочу, не умею* /Холм./; *велик телом, да мал делом* /Кун., Печ., Стр./.

Интересно, что в XVIII в. это выражение бытовало на Псковщине в варианте *мал телом, да велик делом* /ПС, 320/. Те, кто, не прилагая усилий, живет за чужой счет, тоже становятся объектом осуждения: *белые руки чужие труды любят* /Печ., Пск./; *на работе “ох”, а ест за трех* /Палк./; *один с сошкой, а семеро с ложкой* /Гд., Пск./.

Среди обследованных нами фразеологизмов псковских говоров ряд ‘бездельничать’ самый крупный (70 ФЕ), при том, самостоятельные ряды составляют идиомы со значениями ‘праздно, в развлечениях проводить время’, ‘бездействовать, не осуществлять надлежащей деятельности’, ‘уклоняться от работы’, ‘тунеядствовать; жить, не работая, за чужой счет’.

Для народного сознания очевидна зависимость результата, продукта труда от качества работы, профессионального уровня, трудолюбия человека: *пашню паирут - руками не маирут* /Стр./, *какова Аксинья, такова и ботвинья* /Н.-Рж./, *где бабы гладки, там нет воды в кадке* /Оп., Н.-Рж./.

Подмечена и зафиксирована в пословицах “диалектическая” связь труда и вознаграждения за труд: *какова работа, такова и плата* /Кун., Пск./, но, с другой стороны, - *какова плата, такова и работа* /Кун., Палк./.

Крестьянская жизнь в целом воспринимается как долгий, трудный путь: *век жить (сжить, прожить, пережить) - не мех шить (сшить)* /Гд., Дед., Кр., Оп., Пск., Пушк., Стр./, *жизнь прожить - не поле перейти* /Гд., Пск., Пушк./.

При естественном стремлении человека к лучшей жизни, которое отражают пословицы *рыба ищет, где глубже, а человек - где лучше* /Остр., Пск., Пушк./, *рыба [соче] глубжины, а человек лучиины* /Гд., Кр., Оп./, ему часто приходится бедствовать /*на своем веку наживешься и в торбе, и в меху* - Гд., Оп./ и терпеть беды именно во имя лучшей жизни: *не поешь (не покушаешь, не попробуешь) худого (горького) - не поешь (не попробуешь) и доброго (сладкого)* /Н.-Рж., Остр., Пск., Пушк./, *не вкусивши горька, не видать и сладка* /Кр., Усв./.

Вера в судьбу и покорность судьбе - традиционная тема русских пословиц: *судьба и на печке найдет* /Порх./, *кажинному свое счастье, своя судьба* /Печ., Остр./, *не родись пригож (красив), а родись счастлив* /Гд., Остр., Печ., Пск./.

“Счастье лучше богатства”, - утверждает пословица /Гд./, но тем не менее, человек осознает, что “Злато не говорит, да много творит” /Гд./, а сам он “без денег везде худенек” /Гд./.

И все же в оппозиции “богатый” - “бедный” симпатии простого человека на стороне бедняка. *Богачи редко удаются* /Пск./, а вот бедняки отличаются сообразительностью, независимостью, веселым нравом: *голь на выдумку горазда (хитра)* /Кр., Печ., Пск., Сош./, *хоть побираха, а у ей своя рубаха* /Остр./, *нужда скачет,*

нужда пляшет, нужда песенки поет /Остр./ - о веселом гулянье, в котором участвуют бедняки.

Бедность не воспринимается трагически: *беднота в жизни не помеха /Гд./, бедность не порок /Кр., Оп., Пск., Пушки./, деньги как голуби - прилетят и улетят /Остр./*. Как в пословицах, так и во фразеологизмах псковского региона бедняк становится объектом доброго подтрунивания: *богат Ермошка - собака да кошка /Гд./, богат - блоха в кармане да вошь на аркане /Пск./, боб цветит, собака лает, хозяин хлеба не мает /Себ./, ветер свистит в кармане у кого, в кармане чихает у кого, на теле шелк, а в пузе шелк /Беж., Дед., Пск., Пушки./*.

К истинным ценностям относится дружба, взаимопомощь, искренность в отношениях: *не имей сто рублей, а имей сто друзей /Гд., Оп., Пск., Пушки., Стр./, где дружно, там не грузно /Пск./, двое - не один, и каку съедим /Гд./, не дорога ежка, а дорога притешка (потешка) /Локн., Остр., Печ., Пыт./*.

Переходя от “социальной психологии”, отразившейся в пословицах, к семейной, отметим, что согласие, лад в семье тоже ценится дороже денег: *не надо и клад, коли в семье лад /Гд., Оп./, на что и клад, когда у мужа с женой лад /Гд./*.

Пословицы регламентируют взаимоотношения, поведение, обязанности мужа и жены, их статус в семье: *жена Богом дана /Холм./, жена не рукавица - с руки не сбросишь /Порх./, книжка читается, жена мужу подчиняется /Остр./, жену люби что (как) душу, а бей что (как) шубу /Оп., Пск./, жалей жену как душу, тряси как грушу /Оп., Порх./*.

Положение замужней женщины оценивается неоднозначно: *замужем наживешься - как мёду напьешься /Себ./, ср.: самое хорошее замужество хуже, чем самое плохое девичество /Холм./*.

Отразились в пословицах псковских говоров и другие аспекты семейной жизни - воспитание детей: *малые детки - малые бедки /Оп., Пск./, не плачь рожавши, а плачь по местам сажавши (т.е. за стол) /Н.-Рж./, дети пойдут в лад - не надо копать и клад /Печ., Пск./, отношения между родственниками, каждый из которых получает меткую паремиологическую характеристику: *зять любит взять, а тесть любит честь /Пск./, женка (женочка) - божья пчелка (пчелочка), а матка - чертов (бесов) шершень /Оп., Порх./, у примаки (*мужа, живущего в доме жены) жизнь хуже собаки /Кар., Локн./, примачья жизнь собачья /Порх., Холм./, у лихой свекрови и сзади глаза /Гд./, мать высоко замахивается, да небольно бьет, мачеха низко замахивается, да больно бьет /Гд./*.*

Фразеологизмы сфокусированы на воспитании детей (*на дорогу поставить, вытянуть на ноги, трясти (держат) на ладошке, кормить розовым куском*) /Пск., Пушки., Пыт./, на дальних родственниках, обычно на что-то претендующих и тем самым вызывающих раздражение: *десятая*

(седьмая) вода на киселе (водина на квасине), нашему забору двоюродный плетень, нашему слесарю двоюродный кузнец, девятой коровы пузырь, на одном солнце портянки сушили /Беж., Кун., Пск., Оп./, а также на теме одиночества: один как горелый пень, один как палец, одинокий как горох при дороге, остаться огурцом, остаться как в поле травина /Дед., Оп., Пск., Стр./ и др.

Особую ценность для этнопсихолингвистического исследования представляет отображение в псковском паремиологическом и фразеологическом материале национального, регионального и языкового (точнее, диалектного) самосознания псковичей.

Тема родины (малой и большой) - одна из основных в русских паремиях. На псковском пословичном материале она раскрывается как в географическом, так и в патриотическом аспектах: *Москва - голова над всеми городами, а Самолва над всеми деревнями* /Гд./, *где Святая София - там Новгород, а где Троица - там Псков* /Пск., Пушк./, *своя земля и в горсти мила* /Кун./, *своя земля всех милее (милее всех на свете)* /Оп., Остр., Палк., Пушк./.

Основные мотивы бытующих на Псковщине пословиц о родине - 'дома лучше, чем на чужбине', *горе тому, кто в чужом доме* /Холм./, *дома и солома едома* /Н.-Рж./ *на чужой сторонушке рад своей воронушке* /Кун., Палк./; 'человек должен прожить жизнь там, где родился': *[кто] где родился (родивши), там и пригодился (пригодивши, годивши)* /Оп., Палк., Пл., Пск., Стр./.

Народ подметил и различия русских диалектов: *народ русский, а говорит разное* /Вл./.

О высоко развитом языковом самосознании псковичей говорят пословицы, содержащие данные "народной лингвистики" - сведения об особенностях говора, осознанных его носителями: *опочане - как англичане, только все на "ц"* /Оп./, *опочане - те же англичане, только наречие почище* /Оп./, *скобечане - те же англичане, только наречие не похоже* /Беж./.

Псковский материал подтверждает выводы об осознании диалектоносителями непрестижности своей речи по сравнению с литературным языком (Пауфошима, 1989, с.46). Свое наречие, говор его носители называют *суконным языком, картавым языком*, а себя, соответственно, - *суконными языками, картавыми языками, серыми языками*, людьми *с толстым языком*: "Даром бабушка с толстым языком растила. Ён говори "у мяня, у тябя", а бабушка - "в мяня, в тябя". Слан. "Мы - картавые языки". Гд. "Такие языки суконные были". Гд.

Пословицы и поговорки о природе, записанные в Псковской области, свидетельствуют о крайней антропоцентричности экологического сознания деревенских жителей.

Фразеологическая интерпретация природы в народной речи подробно описана И.А.Подюковым (1990, с.19-30). Образы фразеологизмов, бытующих на Псковщине, в полной мере подтверждают его вывод о том, что природа представлена народной фразеологией в ее донаучном понимании – очеловеченной, действующей по законам жизни людей: *дождь ноги свесил* /Остр./ - ‘о полосах надвигающегося дождя’, *стебать как кнутом* /Гд., Кун., Остр., Пск./ - ‘о молнии’, *блины запечь* /Палк./ - ‘защелкать’ (об аисте).

Как показывает материал, во фразеологической интерпретации природы метафоричность переходит в персонификацию, когда природа как бы усваивает функции человека. Анализируя интернациональное выражение, записанное В.Далем в форме *лес видит, а поле слышит*, литовский исследователь К.Григас пишет: “Природа как бы вмешивается в человеческие дела и выступает в пословице как сознательное существо, которого следует остерегаться. Человек отождествляется с окружающей средой, в которой ему легче всего увидеть или услышать тайну других людей. Таким образом создается впечатление обманчивой силы, которая находится рядом с нами” (1987, с.108-109). Псковские варианты этого выражения не только совпадают с основной, по мнению К.Григаса, версией */поле глазастое, а лес ушастый/*, но и позволяют увидеть интересный нюанс в интерпретации природы: “Лес-то ушастый, а поле-то глазастое, лес-то все укрывает, а в поле все видно” /Локн./. Здесь лес - уже не “обманчивая сила”, которой следует остерегаться. Наоборот, он на стороне человека и укрывает его тайны.

Основная масса псковских пословиц этой тематической группы отражает прагматический подход к природе крестьянина-земледела, обобщает многолетние наблюдения, опыт взаимодействия человека с природой: *снег глубок - год хорош* /Палк., Пск./, *снегу надует - хлеба прибудет* /Пск./, *вода разольется - сено наберется* /Палк., Пушк./, *[коси, коса, пока роса], роса долой - коса домой* /Гд., Нев., Палк./, *василек да (и) звонец - всему хлебу конец* /Гд., Дед., Дн., Кр., Оп., Пск., Себ., Сер., Стр., Тор./, *сей в грязь и будешь князь* /Гд./.

Мотивировки периферийной группы ФЕ, обозначающих церковные праздники, свидетельствуют о том, что для крестьянского житейского сознания это важные временные точки, с которыми связаны определенные природные процессы и этапы сельскохозяйственных работ: *Илья дай гнилья* - ‘Ильин день’, *Варвара ночи уворовала* - ‘День св. Варвары’, *Марья (Мария) зажги (зажгись) снега* - ‘День св. Марии’, *Дарьи - худые проруби* - ‘День св. Дарьи’, *Акулины - кривые огурцы* - ‘День св. Акулины’ (после него не рекомендуется высаживать огурцы) и другие ФЕ, дополняющие пословичный “сельскохозяйственный календарь”: *пророк Илья лето кончает, жито зажинает* /Вл./, *май - коню сено дай, сам на печь полезай*

/Оп./, Ивановские дожди лучше золотой поры /Кун., Палк./, Никола осенний лошадь на двор загонит, Никола весенний откормит /Оп./, с Петрова дня лето красное, зеленый покос /Вл./.

В большинстве своем фразеологизмы и пословицы псковского региона построены по универсальным логическим схемам и структурно-семантическим моделям. Эти единицы высвечивают в характере псковича и в его взгляде на мир в первую очередь универсальное, общечеловеческое, общерусское. Специфический региональный фразеологический и паремиологический материал все же запечатлел особенности псковского менталитета, которые отмечают и историки - терпимость, лояльность к любой власти, осмотрительность, осторожность. Е.П.Иванов объясняет это приграничным положением региона. Широкий кругозор древних псковичей и престижность образования определялись, по его мнению, постоянным общением с иностранцами. Оно же, видимо, способствовало и развитию языкового самосознания. Л.Я.Костючук, исследовавшая тексты псковских летописей и материалы Разговорника Т.Фенне (1607 г.), объясняет порубежным положением древнего Пскова такие черты характера псковичей, как национальная гордость, чувство собственной значимости, доброжелательность, обходительность, готовность прийти на помощь товарищам, соседям (Мы - псковские, 1994).

Имеется историческое объяснение и впечатляющему объему фразеосемантических полей "Пьянство", "Безделье". В XVIII веке, как отмечает Е.П.Иванов, с изменением границ Российского государства и превращения Пскова в глухой провинциальный город началась унификация псковского характера с общерусским, причем положительные черты псковичей повернулись противоположным знаком - воинственность защитников рубежей Руси превратилась в драчливость, гостеприимство и застолье выродилось в пьянство. Начало утрачиваться трудолюбие. Обман и стяжательство стали чуть ли не нормой жизни (Мы - псковские, 1994).

Будущее покажет, как повлияет на характер псковичей новое превращение Псковской области в приграничный регион. Остается только надеяться, что тематическая классификация пословиц и поговорок поможет будущим поколениям фразеологов составить общерусский эскиз-основу психологического портрета их земляков и позволит сделать любопытные региональные "штрихи к портрету".

Бахвалова Т.В. Характеристика интеллектуальных способностей человека лексическими и фразеологическими средствами (на материале орловских говоров). - Орел: ОГПИ, 1993.

Ивашко Л.А. Диалектная фразеология и ее формирование на базе лексики народной речи. Дисс. в форме научн. докл. ... докт. филол. наук. - СПб, 1994.

Ивашко Л.А. Народная фразеология как исторический источник // Археология и история Пскова и Псковской земли. - Псков, 1985. - С.32.

Ивашко Л.А. Очерки русской диалектной фразеологии. - Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1981.

Ивашко Л.А. Фразеологические единицы, выражающие значение "бездельничать" (на материале псковских говоров) // Вопросы стилистики. - Вып.14. - Саратов, 1978. - С.100-112.

Ивашко Л.А. Фразеосемантическая группа "работать, трудиться" в русских говорах // Актуальные проблемы исторической и диалектной лексикологии и лексикографии. - Вологда, 1988. - С.93-95.

Ивашко Л.А. Фразеологические единицы, отражающие умственные способности человека (на материале псковских говоров) // Проблемы русской фразеологии. - Тула, 1979. - С.97-103.

Ивченко А.О. Українська народна фразеологія: ареали, етимологія. - Харків, 1996.

Костючук Л.Я. К истории трафаретно-этикетных формул (по псковским памятникам) // Вопросы теории и истории языка. - СПб, 1993. - С.167-173.

Костючук Л.Я. Псковская фразеология в ее прошлом и настоящем (в связи с общими вопросами фразеологии). - Л., 1983.

Мокиенко В.М. Из истории народных фразеологизмов: в бровь или в глаз? // Псковские говоры и их окружение. - Псков, 1991. - С.101-105.

Мокиенко В.М. Славянская фразеология. - М.: Высш. шк., 1980.

Мы псковские... Попытка психологического портрета земляков / А. Тиханов // Псковская правда, 1994, 26 марта.

Никитина Т.Г. Проблемы идеографического описания народной фразеологии. - М., 1995.

Пауфошима Р.Ф. Житель современной деревни как языковая личность // Язык и личность. - М., 1989. - С.41-48.

Подюков И.А. Народная фразеология в зеркале народной культуры. - Пермь, 1990.

ПОС: Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-12. - Л.-СПб, 1967-1996.

СР /Сборник Романова/: Рукописный сборник "Древних русских пословиц", опубликованный Е.Р.Романовым // Записки Северо-Западного отделения русского географического общества. - Кн.1-3. - Вильна, 1910-1912.

Шаповалова Г.Г. Псковский рукописный сборник пословиц XVIII века // Русский фольклор, IV. - М.-Л., 1959. - С.305-330.

СЛОВ'ЯНСЬКИЙ АНТУРАЖ УКРАЇНСЬКОЇ ПОЕЗІЇ

Більш звично було б говорити про слов'янський **контекст** української поезії. Але слово **антураж** видається нам більш придатним для даного сюжету. Хоча поняття **контекст** і **антураж** є явищами одного порядку, та між ними існує посутня різниця. Адже контекст обов'язково вимагає зв'язку (безпосереднього, опосередкованого чи уявного), натомість антураж такого зв'язку зовсім не вимагає, зв'язок і взаємозв'язок для нього не є обов'язковими. Антураж є середовищем, оточенням, навколишньою обстановкою. Спільними для антуражу і контексту є варіабільність часового і просторового маневрування, а також можливість поєднання найбільш спорідненого і зовсім непоєднуваного. А різнить контекст і антураж в першу чергу відсутність чи наявність внутрішніх чи зовнішніх зв'язків. Правда, антураж теж здатен на тісні зв'язки, а контекст теж є середовищем. Як контекст, так і антураж може служити для пізнання світу.

Слов'янський світ не є якоюсь химерою чи надуманою структурою. Це є реальність. І тоді, коли ще існувала праслов'янська єдність зі спільною для всіх слов'ян мовою, і тепер, коли існує цілий масив слов'янських державних утворень та функціональних слов'янських літературних мов, — існувало та існує поняття слов'янського світу. Проте важливими і завжди актуальними залишаються критерії окреслення цього слов'янського світу. Ці критерії можуть мати політичні, культурні, релігійні, етнічні чи мовні аспекти. Якщо ми маємо історичні свідчення про єдність слов'янського етносу і про окрему мову слов'ян ще з I–II ст. (Пліній Старший, Тацит, Птолемей) та з VI–VII ст. (Прокопій Кесарійський, Йордан), то це ще не дає достатніх підстав вирішити проблему власне слов'янської самосвідомості та слов'янської мови; ця проблема може надаватися до вирішення лише на основі власне слов'янських свідчень, тобто від часу виникнення і функціонування слов'янської писемності¹. Предки слов'ян могли мати антропологічні відмінності, в різних слов'ян могли бути фундаментальні розбіжності в політичному, культурному чи релігійному плані, — тому головним критерієм означення слов'янської єдності є мова, тобто: саме рідна мова вказує на приналежність людини (народу, спільноти) до слов'янського світу². Абсолютного розриву слов'янської єдності не зміг спричинити навіть розподіл після 1054 року світу *Slavia Orthodoxa* і світу *Slavia Latina*, так само до розриву не змогли призвести і чисельні внутрішньослов'янські війни — від давніх часів аж до наших днів. Входячи віддавна до *Pax Slavia Orthodoxa*, ми мали часткову унію з *Pax Slavia Latina*, потужні контакти з неслов'янськими (хоча б

тюркським чи германським) світами, та завжди, як і всі решта слов'яни, належали до слов'янського світу. Природним та закономірним був процес виокремлення народних (національних) слов'янських утворень (на рівні самосвідомості, з точки зору політичного, культурного та мовно-літературного розвитку). Вже з першої половини минулого століття слов'янська єдність найбільш сприйнятливою може вважатися в розрізі т. зв. слов'янської взаємності.

Якщо ми сприйматимемо українське слово “взаємність” в тому тлумаченні, яке подає академічний одинадцятитомний Словник української мови (“взаємне почуття дружби, кохання або почуття у відповідь на дружбу, кохання і т. ін.”)³, то якась дружба (чи кохання) в даному контексті видається зовсім недоречною, зате в нас залишається широкий простір “і такого іншого”. Звичайні так би мовити слова, після проходження через відповідну авторську дистиляцію, внаслідок перенесення значення чи конкретного виокремлення якогось певного контекстуального значення, можуть ставати термінами (якщо, звичайно, на це будуть працювати час і адекватне сприйняття). Багато ніби звичайних слів Платона чи Арістотеля відстоялися як терміни і через відповідне калькування перейшли зокрема і в нашу мову. Безумовно, не кожне слово здатне перерости в термін, та що стосується нашого слівця “взаємність”, то воно вже давно переросло себе. Згадаймо хоча б трактат Яна Коллара «Про літературну взаємність між слов'янськими племенами і нарідччями» (1836), з якого вже термін “взаємність” (по-чеськи: *vzájemnost*) Іван Франко переніс в українську мову і науку (стаття «Слов'янська взаємність в розумінні Яна Коллара і тепер», 1893)⁴. Для Франка тепер — то був кінець минулого століття. Для нас же тепер — це вже кінець нашого століття, і заодно тисячоліття. Щоб краще сформулювати свою взаємність, варто все ж поглянути — яка вона в Коллара, і відповідно — у Франка. Колларова концепція “слов'янської взаємності” має для нас той сенс, що сприймається не сама по собі, а перепущена крізь українську призму: спершу “слов'янський федералізм” кирило-мефодіївців, а пізніше — критичну адаптацію І. Франка. Про кирило-мефодіївців у цьому контексті говорив сам Франко, а про ідейні стосунки Франка і Коллара писалося вже раніше і достатньо⁵. Якщо говорити про лінію Коллар-Франко, то мається на увазі не їхня тотожність в ідейному плані (такого, зрозуміло, і не могло бути), а традиційність сприйняття певної ідеї. Очевидно, між “слов'янською взаємністю” Коллара і славістичною концепцією Франка є суттєві розбіжності, і зумовлені вони часовими чинниками: якщо Коллар на початку минулого століття визнавав можливість розвитку тільки для чотирьох слов'янських народностей (“русских”, поляків, сербів і чехів), довкола яких мали б купчитися інші слов'янські племена, то наприкінці того ж століття не тільки для одного Франка була очевидно хибність

такого погляду Коллара. Проте не треба забувати, і про це нагадає Франко, що саме Коллар був тим, хто перший вказав на т. зв. “слов’янський партикуляризм”, тобто, що “правдива спільність слов’янська можлива тільки на основі високо розвинутих, а не придушених слов’янських партикуляризмів, то є слов’янських племінних і мовних індивідуальностей”⁶. До такої думки приходять Франко, протиставляючи дві думки інших учених — професора славистики Новоросійського університету О. Кочубинського і чесько–словенського етнографа М. Мурка; перший з них розглядає “слов’янську взаємність” як “романтичну думку”, котрій протистоїть дійсність; для другого — це “реальний ґрунт, по котрому від часів Коллара аж дотепер, хоч звільна, та невинно, йде слов’янська праця і наука”⁷. Говорячи про слов’янську взаємність, Франко підсумовує, що “Кочубинський бачить в ній нездоровий і у багатьох шкідливий романтизм, реакцію проти іншої, давнішої і, по його думці, здоровішої форми слов’янської взаємності чи навіть спільності, реакцію слов’янських партикуляризмів проти тій спільності, яку давнішим слов’янам (щоправда, тільки східно–полудневим) давала мова церковнослов’янська, невідлучна від православ’я; Мурко вважає сю реакцію конечною і здоровою”⁸. Отож, Ян Коллар своєю концепцією слов’янського єднання окреслював цілковито не те, що пізніше дістало назву “панславізму”, а єднання слов’ян на культурній основі, коли всі вони, слов’янські народи, розвинуть свою власну — окремішню, партикулярну — культуру. Взаємність не мусить бути єднанням. Це може бути просто симпатія, або взаємне знання чи навіть лише процес взаємного пізнання. Хоча, коли йдеться про поняття і локального, і світового масштабу, то без певної єдності все ж не обійтись.

У глобальному масштабі взаємність поезії української та світової мала б полягати у взаємній присутності. Якщо українська поезія присутня у процесах світового поетичного розвитку, то і сам цей розвиток зі своїми багатограними процесами мав би на неї якось впливати. Візьмімо наразі хоча б ассіро–вавілонську поезію. Шумеро–аккадські поетичні тексти записувалися клинописом на глиняних табличках ще за тисячоліття до «Іліади»⁹. Та з часом вони забулися і законсервувалися на довгі роки і навіть тисячоліття. Нове життя ассіро–вавілонської поезії почалося лише минулого століття, коли були дешифровані клинописні аккадські тексти¹⁰. Виглядає на те, що заледве якихось сто років ассіро–вавілонська поезія могла бодай опосередковано впливати на українську (яко старша на молодшу). Та чи насправді це є лише так? Тут варто прислухатися до Івана Франка, який фактично першим відкрив ассіро–вавілонську поезію для новітнього українського реципієнта: “Ся поезія, що стала доступна новочасній цивілізованій людськості тільки завдяки науковим відкриттям та дослідям другої половини XIX в., важна також для нас, українців, не

тільки сама собою, як продукт прастарої цивілізації далекого від нас і чужого нам народу, але головню тим, що в ній мусимо бачити джерело того релігійного духу, який сплотив старосврейське письменство, доховане до наших часів у т. зв. Біблійних книгах Старого завіту, а спеціально його поетичну часть, репрезентовану збіркою гімнів і молитов, що має назву «Псалтир» і якої авторство пізніша єврейська традиція приписала старосврейському цареві Давидові. Ся книжка мала величезний вплив на сформування того релігійного культу, що на єврейській основі виріс у могутнє дерево християнства, і в перекладі на церковнослов'янську мову мала також значний вплив на сформування душі українського народу».¹¹ Вплив був нехай опосередкований, зате вже не сто, а десь тисячу років. Добру тисячу років триває і процес поетичного перекладу України–Русі¹². Перекладацьке мистецтво є абсолютно необхідним для взаємності та взаємозв'язку. З перекладацького доробку видно, наскільки поезія світова була присутня в нашій поезії протягом останнього історичного тисячоліття. Дуже багато залежало і від знань, зацікавлень і уподобань конкретних українських поетів, які займалися перекладом. З цілої маси суб'єктивностей все ж вимальовується об'єктивна картина: на українську мову творів світової поезії перекладалося достатньо кількісно і достатньо якісно, щоб не виникало жодного сумніву щодо присутності світової поезії в нашому поетичному житті. І в зворотньому порядку — українська поезія перекладалася мовами різних народів світу. Можемо сміливо стверджувати, що українська поезія в перекладах на світові мови, менш поширені та екзотичні мови нехай доволі скромно, але все ж присутня практично в цілому обширі існування світової поезії. І коли, наприклад, нігерійський поет Гебріел Окара у своєму вірші «Тамтами і фортепіано» алегорично називає свою національну поезію «тамтамами», а поезію світову «фортепіаном»¹³, то можемо себе тішити думкою і впевненістю, що ми таки теж є тим фортепіаном. Бо коли, скажімо, Тараса Шевченка перекладають у тій же Африці чи ще десь — то не обов'язково лише як національного поета України, але як «вершинне явище» поезії світової. Тобто, ми самі для себе є національною поезією, а все решта для нас є вже поезією світовою (враховуючи і зональні, континентальні чи якісь інші проміжні комплекси). Так само і ми для всіх решта будемо складовою поезії світової.

А тепер нам слід визначити — що ж ми вкладаємо в поняття поезії української та поезії слов'янської. Поезією в даному випадку ми наречемо певну сукупність зафіксованих виражень поетичної творчості. І що ж таке тоді українська поезія? Питання ніби архібанальне й наївне, та ще й, здавалося б, з елементарною та однозначною відповіддю. Але тут є нюанси. Можемо сказати, що українська поезія — це поезія українського народу (або ж: сукупність поетичних творів, випродукованих

представниками української нації). Але ж, по-перше, поезію творить не весь народ (а вона таки належить цілому цьому народові); по-друге, українську поезію можуть творити і неукраїнці; і по-третє, українці можуть творити і якусь іншу поезію. Можна сказати ще й так: українська поезія — це поезія, писана (творена) українською мовою. Нехай в давніші часи книжною мовою, нехай подекуди діалектами, та все ж по-українськи (мотиви з церковнослов'янщиною залишаємо поки що поза увагою; хоча навіть антологія поетичного перекладу України–Русі “Тисячоліття” відкривається саме старослов'янськими Кирило–Методіївськими перекладами зі Святого Письма¹⁴). Але ж українська поезія творилась не тільки українською мовою. Є сенс говорити про багатомовність (або чужомовність) функціонування української поезії (згадаємо наразі хоча б давніших латиномовних українських поетів). То що ж тоді є українська поезія? Хоча не безсенсовними є думки про якусь специфічну українську ментальність¹⁵ (з амплітудою від богообраності до авторасизму), але не це є мірилом визначення поняття української поезії. Цим мірилом є мова. Тому–то українська поезія — це поезія українською мовою. А те, що її можуть творити іноетнічні елементи, а теж те, що українці можуть віршувати чужими мовами — це вже деталі.

Аксіоматично, що українська поезія твориться не тільки в Україні, хоча головне ядро її тут, бо була і є така країна Україна. І зараз є така держава. Але це ще не означає, що коли Україна майже цілком чи частинами належала до інших державних утворень, то й українська поезія мусила відповідно номінуватися. Адже ми не кинемося відстоювати думку, що українська поезія була поезією Речі Посполитої чи Московського царства, чи ще чогось тимчасовішого. Українська поезія була і є українською поезією. Якщо Тарас Шевченко писав і в Петербурзі, і на Косаралі, все ж він не був поетом Російської імперії. А Іван Франко, живучи в Австро–Угорській монархії, не був же ж австрійським поетом¹⁶.

Ми є слов'янами. Ми, себто українці. Ми належимо до слов'янської спільноти, яка відповідно в мовному плані входить до індоєвропейського комплексу, а в географічному — до європейського (різні стики з іншими мовними сім'ями, розселення слов'ян в Азії чи Америці віднесемо до розряду деталей). В культурному плані слов'янство належить до європейського культурного масиву. Отже, Європа є культурною батьківщиною слов'ян і основним простором розвитку їхнього матеріального та духовного потенціалу, а слов'янські мови є навіть “більш індоєвропейськими”, ніж романські, кельтські, германські чи мова грецька, бо загальнослов'янська (праслов'янська) мова продовжувала безперервно розвиток загальноіндоєвропейської мови, на відміну від вже згаданих груп мов, для розвитку яких були властиві раптові зміни, що суттєво вплинули на їх формування¹⁷. Спільнослов'янська мовна єдність розпалась значно

пізніше I ст., але й значно раніше IX ст. н.е. Найвірогідніше буде припустити, що вже до VII ст. загальнослов'янська мова розділилась на окремі мови (діалекти чи протомови), і приблизна картина тодішнього розподілу збереглась в основному й до нашого часу (враховуючи й те, що деякі мови зникали, занепадали, переформувувались, відроджувались чи навіть виникали).

Задекларований нами предмет поезієзнавства (на відміну від літературознавства в цілому) розглядає строго поезію і все, що тільки може її стосуватися¹⁸. Коли ж наш підхід є поезієзнавчим, то автоматично напрошується якщо не ідентифікація, то бодай порівняння поезієзнавства з поетикою. І якщо основними складовими літературознавства є теорія та історія літератури (літературну критику наразі не будемо зачіпати), то виглядає на те, що маємо до справи саме з теорією літератури. Бо саме теорія літератури (за Р. Веллеком і О. Ворреном) ототожнюється з поетикою, або навіть з поетикою в розширеному смислі слова (за М.Л. Гаспаровим) чи з поетикою в широкому розумінні (за В. В. Івановим). Та поезієзнавчі дослідження не можуть обмежуватися лише сферою поетики (у всіх трьох її ланках: теоретичній, описовій та історичній), а стосуються безпосередньо також історії літератури, з виходами в інші гуманітарні науки — мовознавство, психологію, філософію, естетику, герменевтику тощо. Поезієзнавство в принципі існує з давніх–давен. Чи не найдавнішою пам'яткою його є «Поетика» Арістотеля (не слід забувати і про певні місця в Платонових діалогах). Але більш ніж імовірно, що поезію бралися пояснювати і в давніші часи — хоча б у Вавілонії чи Єгипті. Протягом останніх двох з лишком тисячоліть поезієзнавчі роздуми та висновки були присутні у відповідних текстах в різних країнах та землях. Це стосується й Горацієвого «Послання до Пісонів», і цікавих з цього огляду пластів античних риторик, і неолатинських європейських поетик (зокрема, фундаментальної «Поетики» Ю.Ц. Скалігера), і «Мистецтва поетичного» Н. Буало і «Досліді про критику» А. Поупа, і «Лаокоона» Г.Е. Лессінга, і ще цілих масивів фрагментарних та цілісних свідчень. Це стосується і середньовічних арабських, перських та індійських (санскритських) праць про поезію, і ще багато чого іншого. У нашому ж письменстві найдавнішою поезієзнавчою роботою слід вважати перекладену статтю з Георгія Херобоска «О образіх» в першому Ізборнику Святослава (1073)¹⁹. Українські латиномовні поетики спричинилися до ширшого зацікавлення поезієзнавчими матеріями в нас на батьківщині. На другу половину минулого століття припадає діяльність найвидатнішого нашого поезієзнавця — Олександра Потебні²⁰.

Коли існувала загальнослов'янська спільність з єдиною мовою, тоді справді була єдина слов'янська поезія (в усній формі, безумовно, і деякі її пласти надаються до реконструкції внаслідок виокремлення і монтування

найархаїчніших фольклорних тем і моделей, — так само, як змогла бути реконструйована праслов'янська мова завдяки порівняльному аналізу слов'янських мов). Але після виникнення і в процесі формування окремих слов'янських мов (і народів, які органічно були носіями цих мов), творилися вже різні (відмінні один від одного) поетичні масиви. Тому далі слід говорити вже не про слов'янську поезію, а про поезію слов'ян тобто про поезію окремих слов'янських народів. Хоча побутують думки про те, що всім слов'янам притаманні якісь спільні риси (мало не на рівні спільної окремішньої ментальності), які можуть бути визначальними і для виправдання аргументації щодо існування протягом останнього тисячоліття єдиної слов'янської поезії, проте так чи інакше ніде подітися від об'єктивної диференціації слов'янського світу на окремі частини. І кожна з цих частин, тобто кожен слов'янський народ, має свою поезію. А визначальним моментом ідентифікації кожного слов'янського народу є його мова. І в зворотньому порядку — нагадаємо ще раз — саме рідна мова кожного слов'янського народу свідчить про приналежність цього народу до слов'янського світу. Отже, наразі ми можемо відмовитися від загального поняття слов'янська поезія, але ми не зможемо відхреститися від того, що поезія кожного слов'янського народу є слов'янською. Отож, поезію слов'ян можна назвати поезією, писаною (твореною) слов'янськими мовами (тобто, вона є сукупністю слов'янських національних поетичних масивів). Це припущення, схоже на твердження, виглядає досить прозорим. Але в ньому є маса нюансів. Деякі з них ми затокнемо при цій нагоді.

От хоча б: йшлося вже про те, що деякі слов'янські мови зникали, деякі виникали. Так, для прикладу — полабська мова існувала до кінця XVIII ст., поки ще жили останні її носії. Але той народ, що розмовляв полабською мовою, не залишив по собі поезії, бо сам зник з історичної арени і не збереглося жодної зафіксованої його поетичної пам'ятки. Перший факт: існував слов'янський народ, рідною мовою якого була полабська, і він не міг не культивувати бодай усної поезії. І другий факт: ми не маємо підстав розглядати бодай якусь полабську поезію, бо її для нас не існує, хоча граматична будова мови полабів відтворена²¹. Другий факт перекриває перший (першого). І не знати — чи тут справа у войовничій германізації, чи в історичній долі, бо ж поставлені в подібні умови лужицькі серби зберегли себе серед німецького моря. Тут же принагідно впливає ще одна проблема: лужицькі серби вважаються одним народом, а поезія їхня творена двома мовами: верхньолужицькою та нижньолужицькою. А тепер декілька слів про ті мови, які виникали. В даному випадку маються на увазі т. зв. слов'янські літературні мікрומови. За О. Дуліченком їх нараховано дванадцять (практично стільки ж, як і сучасних функціональних слов'янських мов): югославо-русинська,

молізсько–хорватська, градищансько–хорватська, чакавська, кайкавська, прекмурсько–словенська, банатсько–болгарська, кашубська, ляхська, карпаторусинська, східнославацька, резіянська²². Деякі з цих мов спалахнули і згасли, деякі розвинулися в повноцінні літературні мови. Наприклад, інспірована Ондрою Лисогорським ляхська мова проіснувала зовсім короткий час, але нею було написано чимало справді поетичних творів — в основному пера її інспіатора. З деяких хорватських діалектів розвинулися літературні мікрומови, що мали чимало своїх поетів (потужніші з них — кайкавська і чакавська). Є приклади й певного типу мішанок: так, русинська літературна мікрмова русинів–українців Воеводини і Хорватії створена на основі українських закарпатських діалектів переплетених зі східнославацькими говорами, та й сербохорватський вплив там суттєво відчутний. Десятки поетів писали і пишуть русинською мовою, та для українського читача їх вже треба подавати в перекладі, зрештою, як і для словацького, сербського чи хорватського. І ще варто згадати про одну мову, що виникла чи то сформувалася як літературна лише в першій половині нашого століття. Це “наймолодша” слов’янська літературна мова — македонська. І хоча старослов’янська мова, яка у свій час виконувала функцію практично загальнослов’янської літературної мови, була створена на основі саме македонських діалектів, та власне македонська літературна мова сформувалася аж у відносно недавній час, і то чималою мірою завдяки діяльності поетів.

Якщо у випадку з лужицькими сербами існує ситуація, коли фактично один народ має дві поезії, тобто, поезію, творену двома мовами, то можуть існувати й діаметрально протилежні ситуації, коли навпаки — декілька народів мають певні спільні поетичні пласти. Бо як же бути з народною поезією сербів, хорватів, чорногорців, твореною одною сербохорватською мовою (нехай і з суттєвими діалектними відмінностями). Скажімо, якщо в чотиритомнику Вука Стефановича Караджича «Српске народне пјесме» є пісні не лише з території власне Сербії, але й з Чорногорії, Герцеговини, Боснії, Далмації тощо, то це можна пояснити тим, що серби жили там віддівна або ж переселялися туди за певних обставин. Але ж і хорватські народні пісні, створені на базі “штокавштини” (яка лягла в основу сербохорватської чи хорватькосербської літературної мови), теж належать до цього поетичного масиву. Щодо Чорногорії, то її досить сміливо можемо сполучати з сербським поетичним утворенням, адже навіть найбільший чорногорський поет Петар Петрович Негош усвідомлював і утверджував своє місце строго на “сербському Парнасі”. Далматинська ренесансна поезія (зі зміщенням на південь дубровницьким ядром) була писана латинською, італійською та хорватькосербською мовами (що свідчить про багатомовність її

функціонування, і до цього аспекту ми ще повернемося, але вже в українському варіанті), — і ця поезія творить окрему гілку хорватського поетичного утворення (щоправда, раніше досить часто дубровницьку по-сербохорватськи писану поезію розглядали в контексті історії поезії сербської). А далматинські (зокрема дубровницькі) поети, що у своїй творчості використовували рідну (хорватськосербську) мову, — дуже часто були патриції (власела), а ці патриції дуже часто в свою чергу були з глибокого походження романізованими греками та іллїрами. Тут ми стикаємося з питанням про етнічне походження представників деяких слов'янських поезій²³ (загальні ж етнічні характеристики окремих слов'янських народів залишаємо наразі поза увагою). Красномовним прикладом тут може служити Олександр Пушкін, поет-символ Росії, з походження (нехай лише по матері) арап (негр, африканець чи як буде завгодно). Та є й випадки навпаки: коли слов'яни ставали яскравими представниками поезії неслов'янських народів. Візьмемо тих найвидатніших. Славний угорський поет Шандор Петефі насправді мав прізвище Петрович і з походження був: по матері — словак, а по батькові — серб. Або не менш славний румунський поет Міхай Емінеску насправді мав прізвище Емінович і сербське коріння — по батькові, а українське — по матері. Згадаємо також авторку тексту сучасного австрійського національного гімну — Паулу фон Прерадович, яка була внучкою хорватського поета Петра Прерадовича. Буває й так, коли представник одного слов'янського народу стає видатним поетом іншого слов'янського народу. Наприклад, польський романтик Адам Міцкевич з походження був литвин (білорус). Трапляється, коли один поет з повним правом належить двом слов'янським народам. Як от Ян Коллар, словак, який писав чеською мовою, займає своє гідне місце як в чеській, так і в словацькій поезії. Існували навіть цілі періоди з багатим представництвом поетів, які належали до двох слов'янських літератур. Маються на увазі хоча б українсько-польські поети. І це пов'язано значною мірою з багатомовністю функціонування української поезії XVI–XVII століть. Українські поети тих часів могли послугуватися різними мовами — і книжною українською, і церковнослов'янською, і латинською, і польською. Є цілий ряд поетів, яких ми називаємо українсько-польськими на конкретних підставах: або вони були українцями, а писали латинською чи польською мовою, або вони, не будучи українцями і пишучи цими мовами, тематично та ідейно тяжіли до українства, або і те і те вкупі. Не вникаючи глибше в диференціацію цих поетів, назвемо лише декотрих з них: Себастьян Фабіан Кленович, Симон Пекалід, Адам Чагровський, Ян Щасний-Гербурт, Симон Симонід, Симон і Бартоломей Зиморовичі (три останні, між іншим, львів'яни вірменського походження)²⁴. Можна теж виділити окремо українсько-білоруських поетів тих часів: з натяжкою до цього розряду

можна зарахувати латиномовного Миколу Гусовського, без жодної натяжки — нашомовного Андрія Римшу, та деяких інших²⁵. Деколи буває так, що іноетнічні елементи можуть на певному етапі мало не формувати обличчя тієї чи іншої слов'янської поезії. Так сталося з польською поезією в нашому столітті, коли з'явилася ціла плеяда польських поетів єврейського походження: Л. Стафф, Ю. Тувім, С.Є. Лец, А. Важик, М. Яструн та й інші²⁶. В російську ж поезію нашого століття влилася українська та єврейська кров, — для прикладу візьмімо чи не найкращих російських поетів першої половини ХХ ст.: В. Маяковського, В. Хлебнікова, Б. Пастернака, О. Мандельштама²⁷. Безумовно, приналежність цих поетів до тої чи іншої поезії визначається мовою, якою вони творили — певною модерною слов'янською літературною мовою.

А тепер звернімось до першої (найдавнішої) літературної мови слов'ян — старослов'янської (староцерковнослов'янської чи церковнослов'янської). Цією мовою були написані найраніші поетичні твори слов'ян (саме написані, бо про усну поетичну творчість зараз не йде мова)²⁸. Староболгарська поезія творилась цією мовою. В різних ізводах (або редакціях) ця мова використовувалась для творення поезії різних слов'янських народів. Ця мова побутувала паралельно або перепліталася з літературними (книжними) мовами деяких слов'янських народів. Так, в сербів до кінця ХVІІІ ст. література творилась т. зв. слов'яно–сербською мовою. Церковнослов'янська мова використовувалась українськими поетами або ж впливала на книжну українську мову теж до кінця ХVІІІ ст. Церковнослов'янщина лягла в основу формування російської літературної мови. Якщо у випадку з українською літературною мовою (погляньмо для прикладу хоча б на мову творів Григорія Сковороди) був ризик поступової ідентифікації з російською літературною мовою, то для сербської літературної мови залишалася перспектива формування макаронічної мови (щось типу язичія)²⁹. Тому об'єктивно вже з самого початку ХІХ ст. і українська, і сербська літературні мови починають наново формуватися вже на основі живої народної мови. І все це відображається в поетичній творчості, або навіть надихається поетичною творчістю. А деколи для реформування (чи в даному випадку — відродження) національної літературної мови (або традиції) замало самого імпульсу від поетичної творчості, а треба трохи і благого лукавства — як це сталося з геніальною фальсифікацією Вацлава Ганки. Його «Краледвірський рукопис» вплинув не лише на відродження чеської літератури, але відобразився й на інших відродженнях. Вже в «Русалці Дністровій» поряд із перекладами сербських народних пісень є й Шашкевичеві переклади фрагментів з «Краледвірського рукопису». Взаємопереклади в слов'янських поезіях творять взагалі дуже динамічну і красномовну картину, в якій засвоєння тільки підкреслює окремішність. І ще одне “до речі” — про переклад.

Тарас Шевченко перекладений всіма слов'янськими мовами (і не тільки), до того ж незліченну кількість разів. А цікаво — чи перекладав сам Шевченко? Його «Давидові псалми», ряд “подражаній” та інтерпретації фрагментів зі «Слова о полку Ігоревім» важко однозначно назвати перекладами. Зате він брався перекладати (в строгому розумінні слова) дещо з Міцкевича, та ніколи не докінчував і розривав почате на дрібні шматки, щоб і в пам'яті не залишилося: “Мабуть, сама доля не хоче, щоб я перекладав лядські пісні”, — казав Шевченко³⁰.

Отже, в слов'янському світі виникає і функціонує поезія слов'ян, тобто поезія слов'янських народів, які й складають цей слов'янський світ. Кожна окрема ланка поезії слов'ян в свою чергу поділяється на певні частини — аж до конкретного індивідуума, поета, людини-творця. І відповідно кожен слов'янський поет може знаходити своє місце як в національній поезії, так і в комплексі поезії слов'ян, а теж — в силу своєї вагомості та якості — і в світовій поезії. Українська поезія існує і в європейському, і в світовому контексті, та все ж найближчим (можна сказати, найріднішим) для неї є слов'янський антураж.

¹ Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С.128.

² Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 24.

³ Словник української мови: В 11 т. К., 1970. Т. I. С. 345.

⁴ Франко І. Слов'янська взаємність в розумінні Яна Коллара і тепер // Зібрання творів: У 50 т. К., 1981. Т. 29. С. 51—76..

⁵ Див. хоча б: Зв'язки Івана Франка з чехами та словаками / Упоряд. М. Мольнар і М. Мундяк. Братіслава, 1957; Мраз А. Іван Франко про Яна Коллара // З історії чехословацько-українських зв'язків. Братіслава, 1959. С. 74—80; Гольберг М.Я. Іван Франко і українсько-сербські культурні зв'язки. Львів, 1991. С. 50—52.

⁶ Франко І. Слов'янська взаємність... С. 55.

⁷ Там само.

⁸ Там само.

⁹ Дьяконов І. Найдавніша література Близького Сходу // На ріках вавилонських: З найдавнішої літератури Шумеру, Вавилону, Палестини / Упоряд. М.Н. Москаленко. К., 1991. С. 5.

¹⁰ Иванов Вяч. Вс. О поэзии древнего Двуречья // Восток вечности: Ассирийско-вавилонская поэзия / В пер. В.К. Шилейко. М., 1987. С. 7—8.

¹¹ Франко І. Вавилонські гімни й молитви // Зібрання творів: У 50 т. К., 1977. Т. 8. С. 7.

¹² Тисячоліття: Поетичний переклад України-Русі / Упоряд. М.Н. Москаленко. К., 1995.

¹³ Поезія Африки: Антологія / Упоряд. В. Ткаченко. К., 1983. С. 160—170.

¹⁴ Тисячоліття... С. 40—113.

¹⁵ Див., напр.: Онацький Є. Українська емоційність // Українська душа. К., 1992. С. 36—47 (або й інші статті з цього ж видання).

¹⁶ Правда, Франко як австрійський громадянин міг писати: “für uns Österreicher”, що поряд з іншими фактами дало підстави Г. Витженсу назвати його австрійським письменником. Див.: Wytzens G. Zum literarischen Schaffen Frankos in deutscher Sprache // Іван Франко і світова культура: Матеріали міжнарод. симпоз. ЮНЕСКО: У 3 кн. К., 1989. Кн. I. С. 51—59.

¹⁷ Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951. С. 1—14.

¹⁸ Лучук І. Триєдине поезієзнавство. Львів, 1998.

¹⁹ Хрестоматія давньої української літератури / Упоряд. О.І. Білецький. К., 1967. С. 10—11; Изборник Святослава 1073 г. М., 1983.

²⁰ Стосовно історії поезієзнавства тут запрошується невимущена аналогія щодо стилю записок і лекцій з теорії словесності О. Потебні з викладом (нотуванням чи способом фіксації) «Поетики» Арістотеля. Якщо корпус «Із лекцій з теорії словесності» було підготовано до публікації за копією авторизованого стенографічного запису однієї зі слухачок Потебні, то корпус «Із записок з теорії словесності» було сформовано учнями—послідовниками Потебні з записів і заміток, якими він користувався при читанні лекцій. (Див.: Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 602—604). Арістотелівська «Поетика» теж справляє враження “записок до лекцій”.

²¹ Супрун А. Е. Полабский язык. Минск, 1987.

²² Дуличенко А.Д. Славянские литературные микроязыки: Вопросы формирования и развития. Таллин, 1981. Є інформація О. Дуличенка і про ще одну, західнополіську літературну мікромову (див.: Кантакты і диялогі. Мінск, 1996. № 7—8. С. 42). Невже, чортова дюжина? Та й тим краще, бо збалансовується кількісна паритетність, бо ж за найновішими даними сербська і хорватська мови за взаємною наполегливою згодою вважаються вже абсолютно окремими мовами, а не лише варіантами однієї мови.

²³ Коли вже йдеться про етнічне походження представників тої чи іншої слов'янської поезії, то стосовно поезії української варто згадати і про те, що деякі її представники теж мали іноетнічне походження. Заторкнемо тут лише “французький аспект”. Оксана Лятуринська мала по батькові французький родовід і українізоване прізвище *ля Тур* (див.: Ільницький М. Від «Молодої Музи» до «Празької школи». Львів, 1995. С. 255). А Володимир Сосюра мав по батькові французьке коріння і знову ж таки зукраїнізоване прізвище *де Сосюр*, мати ж його була серблянкою (див.: Сосюра Б. Третя Рота: Роман. К., 1988. С. 5—6). Відповідно, і українці

можуть належати до інших поетичних масивів; особливо, коли вони відірвані від своєї мови і від своєї землі (все це об'єктивні факти і дуже показовими вони є саме в нашому столітті). Наведемо тут лише декілька прикладів. Гелена Колодій, роджена в Бразилії, але по батькові і по матері українка, стала бразилійською (португаломовною) поетесою (див.: Заграва: Із світової поезії ХХ сторіччя. К., 1989. С. 56). Чи Борис Гамалія, батько якого був українцем, а мати — креолкою, став чільним (франкомовним) поетом Реюньйону (див.: Поезія Африки: Антологія. К., 1983. С. 253). Або Андреас Окопенко, син українських емігрантів, який став яскравим представником австрійської поезії (див.: Золотое сечение / Der goldene Schnitt: Австрийская поэзия XIX–XX вв. (На нем. языке с параллельным рус. текстом. М., 1988. С. 782). Якщо вже мова зайшла про австрійську поезію, то як тут не згадати Пауля Целяна, єврея, родженого в Україні, який в Австрії був лише досить короткий час і видав там лише дебютну збірку, бо друкувався переважно в Німеччині, а жив і працював у Франції, де й кинувся з моста в Сену. Але Целян є все ж австрійським поетом, — визначальним моментом тут, певно, служить самоідентифікація.

²⁴ Українська поезія XVI століття. К., 1987. С. 113, 195, 243; Українська поезія XVII століття (перша половина). К., 1988. С. 43—44, 53, 151.

²⁵ Українська поезія XVI століття... С. 71—72, 256.

²⁶ Тарнавський О. Літературний Львів, 1939–1944: Спомини. Львів, 1995. С. 37—38. (Інформацію про це можна почерпнути і з відповідних енциклопедично-довідкових видань).

²⁷ Лучук І. Українські та єврейські первні в російській поезії першої третини ХХ ст. // Ї: Незалежний культурологічний часопис. Львів, 1996. № 8. С. 79—91. У зв'язку з цим не зайвим буде навести один приклад, одну троху розлогішу аналогію. Володимир Маяковський свого часу в розмові зі співробітником газети «Prager Presse» розповідав про себе: “Родился я в 1894 году на Кавказе. Отец был казак, мать — украинка. Первый язык — грузинский. Так сказать, между тремя культурами” (Маяковский В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1961. Т.13. С. 232). Як бачимо, Маяковський усвідомлював свою приналежність до трьох культур чи то пак своє місце між трьома культурами: російською, українською та грузинською. Підтвердження цьому знаходимо і в його поезії (вірш «Нашему юношеству»):

Три / разных истока / во мне / речевых.

Я / не из кацапов-разинь.

Я — / дедом казак, / другим — / сечевик,

а по рожденью / грузин. (Маяковский В.

ПСС. М., 1958. Т. 8. С. 18). Які ж то три “речевые истока”? Які ж то три начала? Задекларовано: “козацьке”, “січове” і грузинське. З грузинським

ніби все ясно, “січове” мало б бути українським, а “козацьке” — російським. Українець по матері, Маяковський і батька мав українця, який походив з кубанських козаків, а кубанські козаки — які ж то з біса росіяни. Та його батько був офіційним російським службовцем і послуговувався офіційною російською мовою. Мова офіційного спілкування та освіти не могла, поруч з українською та грузинською, не належати до тих трьох мовних начал Маяковського. І саме ця мова дістала в особі Маяковського свого великого поета. І став поетом він, за власним признанням, завдяки Давидові Бурлюку — теж українцеві. Але реалізувався Маяковський в російській культурі, тільки в ній він уявляв своє існування, його амбіції міг задовільнити лише якийсь величезний ніби загальний центр, боротися йому хотілося з чимось глобально визначеним, з чимось ґрунтовно “білокамінно” усталеним. Питання: чому Маяковський став російським, а не українським поетом? — могло б виглядати тепер доволі дивно, якби не існували певні дуже характерні аналогії. Вибрати можна хоча б одну таку аналогію — показову, характерну та зовні дотепер майже непомітну. Мається на увазі доля українського поета Юрія Дарагана (1894–1926). Ми знаємо Юрія Дарагана як представника “празької школи” в українській поезії, знаємо його чудову збірку «Сагайдак» (1925), але як і коли він став українським (саме українським) поетом, нам практично не було відомо. Дуже цікаву автентичну інформацію можна почерпнути з листа Ю. Дарагана до М. Шаповала (орієнтовно 1925 р.), де поет стисло і емоційно викладає свою автобіографію: “Народився я 16 березня 1894 р. (а не 1893) у Єлисаветі на Херсонщині, але хутко був вивезений у Картвелію (т.т. Грузію, але слова «Грузія», “грузин” не знати звідки вицарапали кацапи?! Картвели у своїй мові звать себе “картавелі”, а батьківщину свою «Сакартвелю». Ми чужі слова вимовляємо так, як вони звучать у себе вдома, тому гадаю, що нам треба було б не наслідувати кацапське каліцтво, а увести моду на “картвели” і «Картвелію», тим більш, що етнографія так таки і каже, що грузини належать до картвельського племені). І так я був вивезений до столиці Картвелії Тифлісу, де мене і хрестили. Батько мій був українець і крупний залізничний урядовець, але за три місяці до мого народження вмер. Мати була грузинка, чи то пак картвелка, але з закінченою гімназійною освітою (у тих краях це про багато казало). Батьків своїх прираховую до заможної інтелігенції, мали у Тифлісі власний 4-х поверхов. будинок. Мати виховувала мене яко росіянина... [...] З 1915 р. старшиною на фронті, був ранений, революція захопила мене після ранення у Петербурзі. Вихований не чорносотенцями, а в дусі здорового російського патріотизму, але знаючи твердо, що я “малорос” і нащадок запорожського сотника, у травні 1917 р. я вже був членом Петербурзької Української військової ради і розумом твердо рішив, що я мушу бути завжди у гурті тієї російської модифікації (як я тоді рахував малоросів), до

якої я належу по крові, у кінці 17 року я вже був у Києві і думкою ні разу не зрадив українству, а серцем? Серцем українізувався поступово. Найбільш помагали наші пісні і наша історія, що часами наповнює тебе божевільною гордістю, а часами так нелюдськи бичує ганьбою і соромом. Тепер? Тепер я не в стані говорити про українство спокійно — реву при сторонніх людях, тепер бути не українцем я у жодний спосіб не зможу і що б зі мною не виробляли, я завжди зостанусь чи ув'язненим, чи розстріляним, чи помилуваним, але завжди українцем.” (“Я завжди зостанусь... українцем”: Листи Юрія Дарагана до Микити Шаповала // Жива вода. К., 1996. № 4(56)). Як бачимо, розбурхана велетенськими катаклізмами свідомість на вернула вродженого поета Дарагана до українства. А міг же ж він розвинутися в російського поета, адже (за свідченнями з того ж таки автобіографічного листа) він захоплювався не українською, а російською поезією, та й віршувати і друкуватися починав таки по-російськи: “Читав книжки ‘запоєм’, поезію любив до божевілля, я був віруючим підлітком і часто потай так молився: “Боже, зроби зі мною що хочеш, якщо треба замуч мене, покаліч, задуши, але дай мені стати великим признаним поетом”. В добу російського модернізму Брюсов, Бальмонт, Блок, Андрєєв, Сологуб, Городецький по черзі цілковито посідали мою душу, аж пізніше zostалися моїми кумирами Блок, норвежець Гамсун і англієць Уайльд [...] Перший російський вірш надрукував, коли мав 14 років у часописі «Закавказье». Пару років пізніше дав цикл віршів у альманах «Поросль» і 3 роки пізніше друкувався в альманасі «Іммортелі» і журналі «Хмель».” (Див.: “Я завжди зостанусь...”). Маяковський був більш етнічним українцем, ніж Дараган. Маяковський був грузином лише за місцем народження, а Дараган був грузином по матері. Маяковський від своєї матері перейняв українську мову, а Дарагана мати виховувала як росіянина. Обое мали амбіції на великих поетів, та слава Маяковського і забуття Дарагана знаходяться на діаметрально протилежних полюсах. І невже справа в тому, що долі було завгодно, щоб Маяковський став російським поетом, а Дараган українським?

²⁸ Старобългарски страници: Антология. София, 1968. С. 31—33.

²⁹ Макаронічною мовою (т. зв. “язичієм” — сумішшю церковнослов’янської, української та російської мов) в нас віршували на повному серйозі, та ці спроби виглядають досить комічно і тепер сприймаються не інакше як *roesia mascheronica*.

³⁰ Шевченко Т. Повне зібрання творів: У 12 т. К., 1990. Т. 1. С. 516.

Галина Кліщун (Львів)
Ярослав Чорненький (Львів)

Стилістична новація фольклорної номінанти в українській поезії

Сучасна українська літературна мова, як відомо, сформувалася на народно-розмовній і фольклорній основі, використовуючи засоби старої книжної мови. Мова фольклору постійно збагачує художній стиль сучасної української мови, “сприяє розвитку нових стилістичних ресурсів художньої і розмовної мови, відображаючи діалектичну єдність традицій і новаторства в системі поетичних засобів”⁸⁵.

Традиції використання народнопоетичного слова засвідчуються від початку формування української літературної мови. Вони знаходять своє вираження у творчості І.Котляревського, Т.Г.Шевченка, І.Я.Франка, Лесі Українки та інших видатних майстрів слова, а також у сучасній українській поезії, яка відзначається творчими пошуками у використанні й переосмисленні народної творчості.

На сучасному етапі поетична мова і в цілому художній стиль української літературної мови активізує фольклорні зображально-виражальні засоби і прийоми. “Близькість художньо-естетичних мовних систем української літератури і фольклору, в тому числі співвідносних родів художнього стилю - сучасної поезії й уснопоетичної творчості - народної пісні передбачає активну взаємодію їх стилістичних засобів”⁸⁶. Фольклорні символи, традиційна народнопоетична фразеологія - невідмінний складник сучасної поетичної мови. Асоціації з фольклорними образами викликають у мові сучасних поетів нові форми слів, сполучень, нові відтінки лексичних значень слів. Активно відбувається в сучасній поезії оновлення традиційних фольклорних засобів - епітетів, порівнянь, метафор.

Продуктивність використання народнопісенних художніх засобів у стилістичній системі сучасної поетичної мови визначається особливостями семантики фольклорного слова, специфікою народнопоетичної мови, яка зумовлена її художньою функцією й усною традицією. Характерні риси народнопоетичного слова - його здатність відображати уявлення українського народу про певні предмети, явища навколишньої дійсності, його розуміння внутрішньої і зовнішньої краси людини і т.д.; семантична невизначеність; надзвичайна узагальненість, символічність, метафоричність; експресивність, позитивна оціночність. Традиційні епітети, метафори, порівняння, які є стилістично маркованими, володіють

⁸⁵ Н.А.Данилюк, Развитие семантической структуры народнопесенного слова в языке украинской советской поэзии, Киев 1984, с.3.

⁸⁶ Там же, с.6.

підвищеною образністю, експресивністю. Стилiстичною значимiстю вiдзначаються семантика i граматичне оформлення традицiйних засобiв.

Якщо говорити про вплив народнопоетичного слова на мову сучасної української поезії, то потрібно враховувати формально-семантичні видозміни фольклоризмів у сучасній поетичній мові:

- зміну їх семантики при збереженні форми;
- зміну семантики і форми;
- утворення нових фольклоризмів на ґрунті наявних у мові зразків фольклорного словотворення.

Найактивніший процес трансформації фольклоризмів - оновлення їхньої семантики в результаті розширення асоціативних зв'язків у мові, перенесення фразеологічних зворотів на ґрунт нової поетичної символіки. Наприклад, один із шляхів ускладнення семантики традиційних фольклоризмів - зміна сполучуваності: карі очі (у народнопоетичному мовленні) - карий погляд, карий усміх, карий блиск очей (в сучасній поетичній мові); фольклоризми - назви кольорів типу сивий, білий, чорний, синій - відходять від прямого значення - називання поняття кольору, а передають загальну позитивну оцінку, емоційний зміст названого поняття.

Одним із засобів народнопоетичної мови, який широко використовується в мові сучасної української поезії, є епітети - постійні, традиційні чи побудовані на фольклорних символах, образах. Епітет взагалі - це художнє означення, яким коротко, але образно характеризується якесь явище, предмет, враження, "це насамперед мовний стилістичний засіб, який є невід'ємним елементом поетичного стилю, служить для посилення образності, емоційності і підкреслює в явищі чи предметі ту його ознаку, яку хоче виділити, зробити більш вагомим письменник"⁸⁷. Здебільшого епітет відносять до найпростіших тропів, проте іноді він може бути складним образом, залежно від того, який зв'язок встановлюється між прямим і переносним значенням. За емоційно-смісловим значенням епітети бувають метафоричні, метонімічні, гіперболічні і т.д.

Постійними називають епітети, які часто зустрічаються в народній поетичній творчості, а також у літературі, часто стоять при тих самих словах, наприклад: чисте поле, битий шлях, кінь вороненький. "Основа постійних епітетів - прагнення виділити типові особливості предметів і явищ"⁸⁸.

Народнопоетичний епітет характеризується узагальненістю семантики, високим ступенем зв'язаності з ключовим словом; постійністю,

⁸⁷ Л.П.Рожило, Епітет в української поезії, Львов 1962, с.6.

⁸⁸ Н.И.Кравцов, К изучению эпитета в русской фольклористике, [в]: Эпитет в русском народном творчестве, Москва 1980, с.10.

відтворюваністю, закріпленою граматичною формою. “Збереження у фольклорі постійних епітетів визначається необхідністю, а не тільки “мертвою” традицією. Та й традиція не мертва, вона служить основою подальшого процесу творчості. Секрет цього - у важливості ідейно-естетичних функцій традиційних епітетів”⁸⁹.

Показниками народнопоетичної образності епітетів у сучасному поетичному мовленні виступають специфічні властивості їх семантики, граматичні ознаки (повні нестягнені й короткі форми прикметників, демінутивні суфікси, субстантивні форми, поєднання з прикладками), постійність складових елементів. Основні шляхи оновлення образності фольклорних епітетів у сучасному поетичному мовленні - переосмислення значення слова завдяки незвичайній сполучуваності; посилення того чи іншого значення або створення нового (переважно за рахунок контексту); введення традиційних епітетів до складу сучасних порівнянь і метафор⁹⁰.

Дослідження літературно-фольклорних взаємин є окремим напрямом філологічної науки. Проблема взаємодії літературної мови і народнопоетичної творчості неодноразово досліджувалась як у літературознавстві, так і в мовознавстві. До неї звертались у різний час такі вчені, як Ф.Бусласв, О.Потебня, І.Франко, П.Житецький, А.Веселовський, В.Виноградов, Л.Булаховський, І.Білодід, М.Рильський та ін. У сучасному російському мовознавстві цій проблемі присвячені роботи А.Євгенєвої, І.Оссовецького, А.Хроленка; в українському - В.Вашенко, Л.Скрипник, Р.Волошук, С.Єрмоленко, Н.Данилюк та ін.

Дана робота є спробою дослідити функціонування фольклорних епітетів у поезії Б.Олійника - поета, у творчості якого фольклорний струмінь надзвичайно сильний - це стосується і тематики, мотивів його творчості, синтаксису його поетичного мовлення, а також художніх засобів, бо “без лексичних і фразеологічних фольклоризмів не мислиться індивідуальне бачення будь-якої теми”⁹¹.

Зміна сполучуваності постійних епітетів - один з найпродуктивніших шляхів оновлення їх образності, причому діапазон таких змін широкий - від заміни ключового слова назвою поняття, зв'язаного з ним за асоціаціями, до заміни антонімами.

Широка й оригінальна сполучуваність у поетичному мовленні Б.Олійника властива епітетам - назвам кольорів, зокрема означенню “сивий”: від фольклорного “сивая горлиця” до цілком сучасного “сивий зодіак”. Наприклад, у строфі:

Я з останнього морозу

⁸⁹ Н.И.Кравцов, К изучению эпитета..., с.7.

⁹⁰ Н.А.Данилюк, Развитие ..., с.16.

⁹¹ С.Я.Єрмоленко, Фольклор і літературна мова, Київ 1985, с.203.

від крила твого воскресну
як не лебедем, хоч сивим журавлем.

(Повернися!, т.1, с.205), - епітет “сивий” вжитий у незвичному поєднанні. Традиційним при слові “журавель” є означення “сірий”. Замінюючи його близьким за значенням прикметником “сивий”, автор зберігає цілісність образу і водночас досягає емоційної насиченості слова. Епітет “сивий” тут через асоціацію з “посивілий” набуває значення “мудрий, той, що прожив життя” (до такого розуміння слова підводить порівняння ліричного героя з журавлем), відповідно його емоційне забарвлення - почуття легкого смутку тихої задуми. Отже, тут змін зазнає не ключове слово, а епітет, але при цьому зберігає фольклорну основу. На значення епітета впливає не тільки зміна сполучуваності, але й те, що цей образ входить до складу порівняння.

Нетрадиційним є сполучення епітета “сивий” у рядках:

Серце, в путь!.. А тобі на розраду у сивому горі
Я лишу на причілку, де маки багряно ярять,
Романсеро циганські зеленочубого Лорки...

(Тривога, т.1, с.17).

Поєднуючись з абстрактним іменником, епітет “сивий” втрачає своє пряме значення назви кольору і набуває іншого: “сиве горе” - задоволене, затаєне почуття, яке живе постійно. На нашу думку, в цьому образі діє ще одне значення слова “сивий” - “з сивим волоссям” (як характерна ознака людини). Це значення виникає завдяки асоціаціям з образом матері, до якої звернений монолог ліричного героя, і водночас є важливою деталлю, що творить цей образ.

Інше значення має епітет “сивий” у поєднанні зі словом “зодіак” - астрономічним поняттям:

Але пливли ключі за сивим зодіаком,
Сховавши таїну при лівому крилі.

(Клич гнізда, т.2, с.54).

Тут означення “сивий” сприймається як синонім до “древній, вічний”. Таке значення виникає внаслідок того, що епітет, персоніфікуючи образ, викликає асоціації: сива людина - стара людина; в поетичному мовленні це значення виступає на перший план. За допомогою традиційного епітета поет створює яскравий, оригінальний образ, і в складі цього образу епітет “сивий” набуває піднесеного, урочистого звучання.

Менший діапазон сполучуваності має епітет “чорний”. Наприклад, у рядках:

Чорний вітер. Жовтий смерч...
...Чорний грім. Свинцеве тло...

(Чорний вітер, т.2, с.59), -

на нашу думку, поєднання епітета “чорний” зі словами “вітер”, “грім” пов’язується з фольклорним образом “чорної хмари” як символом невідворотного лиха: поняття “хмара”, “вітер”, “грім” належать до однієї сфери (атмосферні явища) і тісно між собою пов’язані. Крім того, тут задіяне традиційне емоційне забарвлення епітета “чорний”, пов’язане з горем, трагізмом, причому саме епітет визначає загальне забарвлення образу. Якщо в традиційному образі чорної хмари епітет називає колір, а забарвлення трагізму похідне, то у наведеному прикладі навпаки - на перший план виступає емоційне навантаження епітета, хоч значення кольору повністю не втрачається (цьому сприяє протиставлення кольорів: чорний - жовтий, чорний - свинцевий).

Інакше функціонує цей епітет у словосполученнях “чорна жура”, “чорне горе”:

В чорнім горі і жури
Віру нашу не підтяти...

(Чорний вітер..., т.2, с.62).

Великою правдою чорну журу мою палить...

(Пам’яті Сашка Авраменка, т.2, с.62).

Тут епітет “чорний” поєднується з абстрактними іменниками, що називають емоції, почуття людини. В цих випадках ознака кольору повністю відсутня, основну функцію відіграє емоційний заряд слова. Епітети “чорна (жура)”, “чорне (горе)” передають внутрішній стан ліричного героя.

У поетичному мовленні Б.Олійника часто змінюють сполучуваність епітети, що описують зовнішність людини. Наприклад:

І тихо тужить ластівка чорнява
Йому услід вже, мабуть, двісті літ.

(Сковорода і світ, т.2, с.40).

У цих рядках прикметник “чорнява” набуває переносного значення - ознакою людини поет наділяє птаха, причому перенесення відбувається на основі близькості кольорів: чорна ластівка - чорнява дівчина. Епітет “чорнява” у такій ролі є одним із засобів персоніфікації, його доповнює метафора “ластівка тужить”. Епітет “чорнява” є елементом складного багатогранного образу.

У строфі:

...Летять мої лелеки чорноброві
Навстріч твоїм русявим журавлям...

(Ода братерству, т.1, с.209), -

портретна характеристика людини переноситься на птаха. Проте фольклорні епітети “чорноброві”, “русяві”, хоч і виступають засобами персоніфікації, мають дещо інше значення. Завдяки тому, що персоніфіковані образи переростають у символи (“лелеки чорноброві” -

символ України, “русяві журавлі” - Росії), означення “чорноброві”, “русяві” сприймаються не як портретна характеристика окремої людини (що є їх прямим значенням), а як характерна риса, притаманна народу в цілому, тобто вони набувають символічного значення. При творенні цих образів поет використовує позитивне емоційне забарвлення, закладене в постійних епітетах.

Символічне значення має фольклорний епітет у строфі:

Враг не іспив із криниць твоїх ярого меду,
Підступ коріння русяве твоє не сточив.

(Ода на честь 800-ліття Полтави, т.1, с.188).

Ця символічність пов'язана з переносним значенням головного слова “коріння”, з яким поєднується епітет “русяве”. Образ коріння асоціюється з людьми, народом; завдяки епітету “русяве”, пряме значення якого - назва кольору волосся людини, ця асоціація стає чіткішою, яскравішою; саме від епітета “відштовхується” уява читача. Як бачимо, саме фольклорному епітету належить головна роль при творенні образу.

У рядках:

Ніщо вселюдське не чуже мені:
Смагляві дні, і ночі чорноброві...

(Кредо, т.2, с.32),

традиційний епітет “чорноброві” у поєднанні зі словом “ночі” набуває оригінального значення: оживлення, олюднення природи. Поет має на меті підкреслити незвичайність образу, його чарівність. “Чорноброві” за асоціацією у цьому випадку сприймається як “таємничі”, “романтичні”. Тут автор використовує, насамперед, не пряме значення слова, а його емоційний заряд.

Засобом творення місткого і виразного образу є зміна сполучуваності у рядках:

Отак вітерцем перейти за леваду шовкову -
Засвітиться гай, а за гаєм - село.

(Отак вітерцем..., т.1, с.236).

Традиційним є словосполучення “шовкова трава”. Поет поєднує епітет “шовкова” з назвою просторового поняття, яке логічно пов'язане з поняттям “трава” - “левада”. Значення епітета (“шовкова” - м'яка, ніжна, блискуча) змінюється на “вкрита м'якою, шовковистою травою”. Завдяки такому поєднанню створюється глибокий, виразний образ, “вміщений” в одному слові.

Інше походження має епітет “шовкова” у рядках:

Дарниця стелить дорогу шовкову,
Вимиту ниттю добра.

(Колискова новонародженому киянину, т.1, с.281).

Тут завдяки контексту вислів “дорога шовкова” асоціюється з фольклорним “шовковий рушник”. На відміну від традиційного поєднання, при якому означення “шовковий” називає матеріал, у словосполученні “шовкова дорога” епітет набуває переносного значення: шовкова - м'яка, світла. Крім нетрадиційної сполучуваності, на значення епітета впливає ще й те, що фольклорний епітет є елементом складної розгорнутої метафори, яка за своєю природою є також народнописенною.

Вище ми розглядали приклади, в яких зміна сполучуваності відбувається на основі близькості понять або ж на основі асоціацій. Проте поет іноді поєднує постійні епітети зі словами-антонімами традиційних елементів таких словосполучень. Це ще один шлях оновлення образності фольклорних епітетів. Наприклад:

Все легше когось підловити на щирій брехні,

Все важче купитись на срібну блешню провокацій.

(Літа вже не мчать... т.1, с.39).

Порівняно з традиційним фольклорним словосполученням “щира правда” змінюється значення слова: “істинний, такий, що відповідає дійсності” (“щира правда”) - на “відвертий, явний” (“щира брехня”). Відповідно змінюється емоційний заряд епітета. Якщо в традиційному поєднанні епітет “щирий” має позитивне забарвлення, то у вислові “щира брехня” - навпаки; цьому сприяє негативне емоційне забарвлення слова “брехня”. У цьому випадку фольклорний епітет є засобом іронії.

Подібне значення і забарвлення має епітет “щирий” у рядках:

...що вже ніколи...

не спіткнуся о камінь, забутий на дорозі

моїм щирим недругом...

(Хоч гопки скач..., т.1, с.169).

Значення слова “щирий” із “вірний, справжній, відданий” (“щирий друг” - традиційне словосполучення) змінюється на “відвертий, явний, непримиренний”. Одночасно епітет набуває і негативного емоційного забарвлення, пов'язаного з ключовим словом “недруг”. У такій ролі епітет “щирий” стає засобом творення іронічно-задумливого настрою.

На значення епітета, крім сполучуваності, впливає і контекст - та частина тексту, яка дає змогу точно визначити зміст взятого з нього слова, тобто поєднання з іншими епітетами, роль у реченні, розміщення у реченні та строфі (при традиційній сполучуваності). Наприклад, у рядках:

Як упав же він на білий

На останній сніг весни...

(Як упав же він..., т.1, с.18), -

семантика постійного епітета, на перший погляд, не змінюється, тим більше, що він ужитий у традиційному сполученні. Проте завдяки другому означенню - “останній”, яке характеризує те ж явище, епітет “білий”

набуває певного, швидше емоційного, ніж смислового, відтінку - винятковості, трагічного кінця. Цей емоційний заряд іде врозріз з основним, звичним забарвленням епітета (білий - ясний, світлий), і такий контраст виділяє його у строфі, цьому сприяє і розміщення слова в кінці рядка. Епітет стає відправним пунктом для виникнення у читача колірних асоціацій (останній весняний сніг різко виділяється на фоні відталої землі), як результат - об'ємний, емоційно насичений малюнок.

Класичним зразком функціонування традиційного фольклорного епітета в поетичному мовленні Б.Олійника стали рядки:

Та від Білої хати
аж до Білого дому -
Субмарини й ракети,
океани, туман та печаль...

(Та від Білої хати..., т.2, с.50).

Тут оновлення значення постійного епітета "білий" відбувається за рахунок несподіваного зіставлення: "Біла хата" - "Білий дім". У цьому прикладі образ "Білої хати" набуває символічного звучання, асоціюється з рідним краєм, Батьківщиною. А зіставлення значень слова "білий": "колірна ознака; постійна, характерна властивість" (біла хата) - власна назва вищої урядової установи країни (Білий дім), - поряд з написанням з великої літери, підкреслює винятковість, важливість образу.

У поетичному мовленні Б.Олійника часто оригінально переосмислюються епітети, що входять до складу фразеологічних словосполучень, наприклад, "білий світ". Засобами контексту концентруючи увагу на епітеті, поет посилює його смислове та емоційне навантаження. Наприклад:

Чи, може, подруга далеких літ,
Коли ще місяць загравав з вербою?
Чи просто хтось, кому цей білий світ
Без тебе не такий, як був з тобою?

(Сиве сонце моє, т.2, с.71).

За допомогою займенників "цей", "такий" у строфі увага зосереджується на епітеті "білий", перетворюючи його з нейтрального елементу фразеологізму в емоційно забарвлений центр образного вислову; "білий" у цьому випадку сприймається як синонім до "радісний, щасливий". Як бачимо, автор не просто використовує семантичні резерви слова, а й активно творить нові відтінки, нові забарвлення.

Це ж можна сказати і про епітет "білий" (світ) у рядках:

Та будь же славен, доки білий світ,
Закам'янілий в непохитній тверді.
Єдиний із усіх ладозький добрий лід...

(Осанна льоду, т.1, с.191).

Насамперед тут змінюється синтаксична роль традиційного епітета - з означення він стає присудком, відповідно зростає його значення у реченні й судженні. Вислів “доки білий світ”, на нашу думку, можна шляхом асоціацій розшифрувати так: доки білий (світлий, ясний) світ - доки є світло, тепло - доки світ існує. Тут “білий” сприймається не просто як ознака, а як найсуттєвіша властивість поняття; “білий” у даному контексті стає поетичним синонімом до “існуючий”. Знову ж бачимо збагачення, ускладнення звичного змісту означення.

Відправним пунктом для творення оригінального авторського образу стає епітет “білий” (світ) у рядках:

...Що там діється у світі -
В світі білім і зеленім,
В чорнім і червонім світі?

(Пахнуть сонцем діни спілі..., т.1, с.194).

Тут епітет “білий” уже повністю набирає значення кольору - це досягається шляхом добору означень з колірним значенням: “зелений”, “чорний”, “червоний”. Але, на нашу думку, ці епітети слід розглядати не просто як назви кольорів, а як символи - на таку думку наштовхує їх поєднання: “в білім і зеленім”, “в чорнім і червонім”. “Білий” символізує цвіт, світло, “зелений” - колір листя, трави - уособлює природу; “чорний” і “червоний” - фольклорні символи долі і недолі, радості й горя, втілені у двох кольорах української вишивки. Чотири епітети - а створений малюнок, образ об’ємністю та місткістю не поступається цілим строфам чи сторінкам віршів. Як бачимо, це досягається максимальним смисловим та емоційним навантаженням кожного слова, при якому епітет “білий” (світ) набув нового несподіваного значення.

Один із найпоширеніших прийомів автора - конкретизація, звуження змісту постійного епітета за допомогою інших означень. Наприклад, у строфі:

Тільки чом це потемніли
твої тихі, твої карі,
твої очі, затуманились од сліз?

(Повернися!, т.1, с.205).

Тут поет іде за народнопісними традиціями, змальовуючи зовнішність людини. Проте постійний епітет “карі” (очі) доповнюється ще одним означенням - “тихі”. У такому поєднанні деталь “карі очі” з обов’язкового елементу фольклорного ідеалу краси перетворюється в портретну характеристику окремої людини, зберігаючи при цьому високу емоційну навантаженість завдяки асоціаціям з народнопісним ідеалом дівочої вроди. Незважаючи на традиційну сполучуваність і традиційне вживання постійного епітета, тут бачимо, з одного боку, вірність фольклорній традиції і, як наслідок, - задушевний ліризм, наспівність вірша, а з другого,

як результат поєднання двох означень - передачу внутрішнього світу людини через опис зовнішності.

У строфі:

А під небом, в чистім полі,
На вершку Савур-могили,
Сіли, як трикутник в колі,
Три козаки при антені.

(Пахнуть сонцем дині спілі..., т.1, с.194), -

зміст фольклорного епітета “чисте” (поле) уточнюється за допомогою обставини “під небом” (обидва вислови називають просторові поняття). Завдяки контексту епітет функціонує “активніше”, ніж у народнопісенному мовленні: поет підсилює, відновлює відчуття безмежного світлого простору, закладене в семантиці постійного епітета. Епітет “чисте” (поле) є в цьому прикладі засобом створення фольклорного колориту і водночас однією з деталей, через які поет стверджує висловлену у творі думку про невмирущість народу, його духу, його слова.

Ще один шлях оновлення образності постійних епітетів - використання багатозначності слова, наприклад:

Вже давно перейшли їхні руки у корені,
Їхні голови буйні - верхів'я дубів.

(Ми прощатись не будемо, т.1, с.14).

Цілісність, послідовність образу тут ґрунтується на двох значеннях слова “буйний”: “буйні голови” - нестримні, гарячі, хоробрі (про людей), буйне листя (“верхів'я дубів”) - розкішне, густе. Будуючи образ, поет використовує перше значення слова; друге ж “народжується” в тексті за асоціацією, завдяки контексту. Постійний епітет підсилює органічність переходу від одного поняття до другого. Крім того, за допомогою фольклорного епітета, використовуючи його позитивне емоційне забарвлення, автор висловлює своє ставлення до зображуваного.

Крім того, що фольклорні епітети у поезії Б.Олійника функціонують як самостійні художні засоби, часто вони виступають невід'ємними елементами оригінальних авторських метафор, порівнянь. У таких випадках здебільшого саме епітет стає смисловим чи емоційним центром поетичної фігури. Наприклад:

...Впала тиша чорним стягом,
Зажурився очерет.
І тоді козак Нетяга
Вийшов з гурту наперед.

(Притча про славу, т.1, с.197).

Метафора “впала тиша чорним стягом” побудована на символічності означення “чорний”. У наведеному прикладі “чорний стяг” - символ

небезпеки, приреченості. Поет використовує емоційний заряд епітета “чорний”, його трагічне забарвлення.

У рядках:

Ви махніть на прощання хустинами білими, чайки,
Може статись, що я притомлюсь на чужій стороні...

(Тривога, т.1, с.16), -

фольклорний епітет “білі” (хустини) є елементом розгорнутої метафори. Цей образ взагалі має фольклорну основу: чайка в народній пісні - символ материнського горя, туги. Деталь “білі хустини”, де епітет кольору є відправним пунктом творення метафори (білі хустини як прообраз білих чайок у польоті), поглиблює і збагачує виниклу в уяві читача картину, створену на основі асоціацій з народними піснями. Постійний епітет, вжитий у традиційному значенні, надає метафорі пластичності, виразності.

Б.Олійник часто використовує фольклорні символи, які поєднуються з постійними епітетами. Наприклад, у метафорі:

То я заплакав річкою в гіркому поліні,
Вже й пересох із відчаю, а ти своєї: “Ні”.

(Летів до тебе турманом..., т.1, с.245).

У фольклорі “полин” - символ смутку, печалі. Епітет “гіркий” традиційно вживається зі словом “полин”, тому ні в сполучуваності епітета, ні в його значенні та емоційному забарвленні змін не відбувається. Оригінальним є використання цього символу в цілому - як ненав'язливої деталі, але саме у такій ролі найповніше діє емоційний заряд епітета (цьому сприяє і дієслово “заплакав”) - почуття невтішної печалі, задумливого смутку.

То сяде край дороги, між дітьми,
В уста солодкі поцілує флейту...

(Сковорода і світ, т.2, с.36).

У цій строфі постійний епітет вжитий у традиційному поєднанні. Означення “солодкі” є елементом розгорнутої метафори, в якій значення слова “солодкі” (уста), переносне уже в традиційному вживанні, переосмислюється ще раз: епітет передає ставлення людини до улюбленого заняття; “солодкий” сприймається як синонім до “рідний, любий”. Важливу роль тут відіграє і позитивний емоційний заряд, властивий цьому постійному епітету.

Як засіб персоніфікації використовується фольклорний епітет “русява”:

Либідь русява тобі колискову
Грає на струнах Дніпра...

(Коліскова новонародженому киянину, т.1, с.251).

Важливу роль тут відіграє зміна сполучуваності епітета - поєднання прикметника, що називає конкретну, таку, що сприймається зором, ознаку (причому ознаку зовнішності людини) з іменем легендарного персонажа

посилує яскравість образу. Фольклорний епітет тут виконує ще одну функцію - підкреслює, разом з іншими художніми засобами, пісенний характер твору, його близькість до народних традицій.

Висока. Чолом - до неба.
Одверта, як білий день,
Виходжу я перед тебе
На сцену, мов під рентген.

(До зали А, т.1, с.127).

Тут постійний епітет “білий” у складі фразеологічного словосполучення “білий день” входить до порівняння, причому вказує на ознаку, на основі якої відбувається зіставлення. “Білий” у цьому випадку набуває значення “ясний, світлий”. Епітет посилює влучність, образність порівняння.

Народнопісенний характер порівняння підкреслює фольклорний епітет “зелені” у рядках:

Гей, дуби мої - зелені хмарочоси...
А мені уже дорога на похил...

(Гей, дуби мої..., т.1. с.82).

Значення епітета “зелений” тут не змінюється. Оновлення образності відбувається завдяки кільком факторам: за рахунок зміни сполучуваності, яка, в свою чергу, зумовлюється тим, що епітет входить до складу порівняння (це теж сприяє оновленню образності). У цьому прикладі традиційне словосполучення “зелений дуб” перетворюється в оригінальне порівняння, у якому ознака суб'єкта переноситься на об'єкт. Таким способом поет досягає виразності, неповторності образу.

Перенесення ознаки, названої епітетом, зі суб'єкта на об'єкт порівняння, відбувається у такому прикладі:

Виходжу в поле, а місяць висне, як срібен серпик.

(Це мою хату вже замітає..., т.1, с.171).

Традиційним у фольклорі є словосполучення “срібний місяць”. Поєднуючи епітет “срібний” з об'єктом порівняння (“серпик”), поет досягає зміни значення слова: зі значення кольору в традиційному поєднанні, на значення матеріалу, яке є логічним при слові “серпик”, але при порівнянні мається на увазі зіставлення за кольором. Важливу роль тут відіграє форма слова - коротка форма прикметника, яка часто використовується у фольклорі. Епітет “срібен” підсилює пісенне звучання вірша, сприяє творенню того особливого ліричного настрою, який пронизує філософську поезію Б.Олійника.

Важливим елементом антитези є постійний епітет у рядках: ...Солов'єм
затюхкав білий світ,

А мені на серці - чорно й тужно.

(Стара пісня на новий мотив, т.1, с.220).

Тут оновлення семантики стійкого словосполучення з означенням “білий” відбувається завдяки частковому поверненню до первісного колірною значення. У протиставленні радісного настрою в природі і душевного стану людини, огорнутої смутком, при якому до першої частини входить прикметник “білий”, а до другої - прислівник “чорно”, спостерігаємо подвійну дію такого прийому: з одного боку, дещо посилюється в епітеті “білий” (світ) значення кольору, з другого - це посилення надає антитезі особливої яскравості. Крім того, на нашу думку, тут вислів “білий світ” - ота фольклорна деталь, яка надає ліриці Б.Олійника особливого задушевного тону.

У поетичному мовленні Б.Олійника фольклорні епітети не завжди зазнають змін у семантиці чи сполучуваності, іноді вони зберігають і значення, яке закріпилось за ними у фольклорі, і традиційну сполучуваність. Тоді вони виступають переважно у складі художніх деталей, невід’ємних у творах на історичну тематику та народнопісенних стилізаціях. Наприклад:

Все ж одного дня я зваживсь
доторкнутись білих рук...

(В снах безжурного дитинства..., т.1, с.47).

Тут за допомогою деталі “білі руки”, де постійний епітет вжитий у традиційному значенні, передано ставлення ліричного героя до коханої. Образ, узятий з народної пісні, відтворює характерну рису жінки; в ньому вилилась ніжність, задушевна теплота ліричного героя, який поетизує образ коханої, підносить його до ідеалу (характерно, що саме таке ставлення до дівчини, коханої передається в народній пісні, і саме ця майстерно підібрана деталь посилює загальне фольклорне забарвлення твору).

У строфі:

Гей, дуби мої - зелені хмарочоси...
А мені уже дорога на похил.
Карі очі? Гойні брови? Чорні коси?
Де ж ви, коні, мої вірні?! Тільки пил.

(Гей, дуби мої..., т.1, с.82), -

бачимо цілий ряд постійних епітетів у їх традиційному значенні, які створюють народнопісенний образ дівчини (“карі очі”, “чорні коси”) і фольклорний образ коней як символу долі, як символу неспокійної, романтичної молодості. Таку оригінальну форму мають роздуми ліричного героя про смисл життя, про прожиті роки. “Нанизування” фольклорних епітетів тут зумовлене формою поетичного твору - народнопісенної стилізації, а також тим настроєм задуми, смутку, що ним пройнятий вірш.

Традиційне значення та емоційне навантаження має постійний епітет “чорний” у рядках:

Та коли грім впаде на твій посів
І чорний ворон крилами закреше...

(Кредо, т.2, с.33).

Поет використовує фольклорний символ ворона - провісника лиха. Епітет "чорний" тут уживається на позначення кольору, але друге його значення - "сумний, трагічний, фатальний" - виступає не менш чітко завдяки символічності образу. Постійний епітет "чорний" посилює образність вислову, підкреслює його емоційне забарвлення.

Постійні епітети у поетичному мовленні Б.Олійника іноді описують зовнішність людини (у фольклорному стилі). Наприклад:

Йшов козак з далекого походу,
чорний вус обвис і зажурився.

(Мічману Нетудихаті, т.2, с.4).

Використання такої портретної деталі ("чорний вус"), що співзвучно з фольклорним ідеалом чоловічої краси, пояснюється темою твору, зверненого в історію України. Епітет "чорний" тут повністю зберігає значення кольору. Цікаво, що деталь в цілому ("чорний вус") не є статичним елементом опису, а зазнає змін, які характеризують внутрішній стан героя - завдяки цьому прийому на ній концентрується увага, тобто зростає смислове та стилістичне навантаження вислову.

Як промовиста деталь виступає постійний епітет у рядках:

Мчить на огирі Нетяга
Да при срібнім стремені.

(Притча про славу, т.1, с.197).

Використання фольклорного епітета зумовлене темою твору; він відтворює одну з деталей козацького спорядження. Значення епітета "срібне" (стремено) не змінюється, проте образ в цілому набуває певного символічного значення - як втілення достатку, молодецької звитяги; таким чином через зовнішню художню деталь характеризується герой твору.

Цілком відповідає фольклорним традиціям і постійний епітет у строфі:

Ви махніть на прощання хустинами білими, чайки,
Може статись, що я притомлюсь на чужій стороні.

(Тривога, т.1, с.16).

Народнопісенний образ "чужої сторони", елементом якого є постійний епітет, органічно поєднується і з метафорою, що має фольклорну основу ("махніть на прощання хустинами білими, чайки"), і з наспівністю, настроєм задумливого суму, характерним для цієї поезії. На нашу думку, автор, стилізуючи другий рядок наведеного прикладу під народну пісню, має на меті викликати у читача певні асоціації - без співвіднесення вірша з народною поезією його сприйняття було б неповним.

Отже, і при традиційному значенні та традиційній сполучуваності постійні епітети виступають важливим джерелом образності у поезії Б.Олійника.

Література

1. В.Г.Бойко, Поетичне слово народу і літературний процес, Київ 1965.
2. Н.А.Данилюк, Развитие семантической структуры народно-песенного слова в языке украинской советской поэзии. (Автореферат диссерт. на соиск. уч. степ. канд. фил. наук), Київ 1984.
3. Н.О.Данилюк, Развитие семантики народно-песенного слова в сучасній українській поезії, "Українська мова і література в школі" 1983, N 8.
4. І.О.Дей, Поетика української народної пісні, Київ 1978.
5. С.Я.Єрмоленко, Фольклор і літературна мова, Київ 1978.
6. Г.Клочек, Поетика Б.Олійника. Літературно-критичний нарис, Київ 1989.
7. Н.И.Кравцов, К изучению эпитета в русской фольклористике, [в]: Эпитет в русском народном творчестве, Москва 1980.
8. Б.Олійник, Вибрані твори в 2-х томах, Київ 1985.
9. О.О.Потебня, Эстетика і поетика слова, Київ 1985.
10. Л.О.Пустовіт, Поетичний словник Б.Олійника, "Українська мова і література в школі" 1985, N 11.
11. Л.П.Рожило, Эпитет в украинской поэзии. (Автореферат диссерт. на соиск. уч. степ. канд. фил. наук), Львов 1962.

ПОХОДЖЕННЯ ТА СПЕЦИФІКА ТВОРЕННЯ ЖАРГОНІЗМІВ В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

Жаргонізми української мови, їх роль у мовленні з погляду етики та естетики спілкування ще мало досліджені. Функціональний підхід до вивчення української мови вимагає всестороннього дослідження як активного, так і пасивного її складу. Адже сучасна українська мова — "це складна, динамічна, цілеспрямована культурно-історична система, що об'єднує різновиди мовленнєвого функціонування"⁹². Крім загальноживаної центральної сфери, літературна мова має численні "підмови"⁹³, кожна з яких, відповідно, вживає лише якась певна група людей, пов'язаних спільними інтересами. Такими групами можуть бути школярі, студенти, злочинці, члени одного професійного колективу тощо. Кожна з них прагне розвинути мовленнєві особливості, що володіють символічною функцією вирізнення даної групи серед інших. Такий вид мовленнєвого зв'язку не часто є предметом дослідження лінгвістів, тому вивчення його на сучасному етапі є надзвичайно актуальним. У нашій статті винесені на розгляд окремі питання тієї мікросистеми, яка вивчається під назвою "жаргонізми". Наукові посібники обмежуються лише визначенням жаргону. Не повторюючи сказане, зауважимо, що дану підсистему лексики наближають до професіоналізмів. Однак, результати нашого дослідження показали, що не всі жаргонізми мають власне професійне призначення і не завжди група носіїв — це люди, об'єднані спільною професією. Враховуючи цей факт, скажемо, що жаргонізми властиві мові вузьких професійних та соціальних груп. Окремі дослідники, говорячи про поняття "жаргон", акцентують увагу на такій ознаці, як засекречення⁹⁴. У цьому випадку практично стирається межа між жаргоном та арго, явищами, що різняться і засобами творення, і функціональним навантаженням. У своєму дослідженні беремо за основу визначення жаргонізмів А.Коваль: "Жаргонізм — слова та словосполучення, властиві мові певної професії чи соціальної групи людей, поставлених у специфічні умови життя чи об'єднаних спільними заняттями, що й викликає потребу в створенні власної штучної мови для спілкування"⁹⁵.

⁹² Панько Т.І. Мова і культура нації // Мова і культура нації. — Львів, 1991. — С. 4.

⁹³ Панько Т.І. Концептосфера термінологічної розбудови української мови // Мовознавство. — 1994. — № 1. — С. 17.

⁹⁴ Див.: Лихачев Д.С. Словарь жаргона тюрем и лагерей. — М., 1990.

⁹⁵ Коваль А.П. Практична стилістика української мови. — К., 1967. — С. 36.

В українському мовознавстві ґрунтовних праць, присвячених проблемі жаргону, немає. Цієї теми побіжно торкаються у роботах з питань культури мови і мовної експресії. Дещо глибшу характеристику жаргонізмів з точки зору їх походження можна знайти у праці О.Горбача "Арго на Україні"⁹⁶ (1993), що видана у Мюнхені. Подібність жаргонізмів та арготизмів особливо добре помітна на прикладі "Аналізу арготичного словника лірників"⁹⁶, що його аналізує автор книги. Однак, залишається нез'ясованим питання функціонування жаргону, адже він має не таке саме смислове навантаження, як арго (за винятком жаргону злочинців).

Для наукового висвітлення даного питання потрібне дослідження цього явища на різних мовних рівнях. Мало дослідити лише потенційний фонд мови — потрібно співвіднести його з реальним вживанням мовних одиниць у певних мовленнєвих ситуаціях.

Предметом нашої уваги є жаргонізми як мовне явище у його зв'язку з психічним життям людини. При розумінні цього явища враховуємо концептуальний погляд О.Потебні. На його думку, "мова є "одиницею психіки"⁹⁷. Психічні процеси завжди явно чи приховано включені в мову, мовне спілкування. Мова є симбіозом матеріального та ідеального, що виявляється в мовній поведінці людини, яка "в словесних структурах репрезентує потік мислення"⁹⁸. Як вважає В.Русанівський, "пізнання будь-якого об'єкта повинно відповідати на три питання: 1) як він виник; 2) яка його будова; 3) які функції виконує"⁹⁹. Спробуємо підійти до пізнання явища жаргону саме з цих трьох позицій (оскільки оцінка особливостей даного явища на підставі одного виду одиниць пов'язана з ризиком однобокості чи упередженості).

Матеріалом для дослідження послужили жаргонізми, вживані у системі усного і писемного мовлення: а) жаргонізми, отримані методом вільного інтерв'ю у носіїв різних соціальних груп та за допомогою питальника, який уклали автори; б) жаргонізми, що функціонують у художньому контексті (твори І.Франка, І. Багряного, І.Микитенка та О.Вишні).

Соціологічний підхід у наших дослідженнях вимагає розгляду мови як одного з основних елементів культури. У цьому розрізі мова "накопичує, переосмислює і передає інформацію"¹⁰⁰, а також "формує у

⁹⁶ Горбач О. Аналіз арготичного словника лірників // Зібрані статті. — Мюнхен, 1993. — С.12-42.

⁹⁷ Потебня А.А. Мысли и язык. — Харьков, 1892. — С. 40.

⁹⁸ Федик О.С. Усномовний феномен як виразник духовності нації // Культура мови і культура в мові. — К., 1991. — С. 88.

⁹⁹ Русанівський В.М. Структура лексичної і граматичної семантики. — К., 1988. — С. 48.

¹⁰⁰ Якуба Е.А. Социология. — Харьков, 1995. — С. 78.

людей відчуття приналежності до певної групи"¹⁰¹. Мова є великою узагальнюючою силою. Тут розуміємо не лише той факт, що без мови "навіть чи можливе осмислення соціального спілкування"¹⁰², але й те, що вона є своєрідним "потенційним символом соціальної солідарності всіх, хто розмовляє нею"¹⁰³. Це стосується як високого рівня культури, так і примітивних її форм — "субкультур"¹⁰⁴. Лексика — дуже чутливий показник культури етносу, і зміна значень, втрата старих і створення нових слів, запозичення — все це залежить від історії самої культури, змін у ній. Жаргонізми як лексичне поняття теж дають змогу прослідкувати "соціальні зміни, що проявляються у зникненні чи появі певних елементів культури, трансформації зовнішніх та внутрішніх зв'язків, що знаходять відображення у способі життя індивіда"¹⁰⁵. Розглянемо жаргон як самостійно функціонуючу систему, що має специфічну будову, історію виникнення; у межах цієї системи діють власні закони, лексичний склад її постійно в динаміці.

Мовна практика світу, наскільки вона відображена у лексичному складі жаргону як мозаїка, дає змогу розглянути не лише образи та їх компоненти, а й те, з чого вони складаються — дрібні кусочки "мовної смальти" — компоненти жаргонізмів. Їх склад свідчить про те, що формування словникового запасу жаргону відбувається головним чином через суспільну свідомість соціальних "низів", переважно селянства, а також ремісництва. Багато лексем мають стійку асоціативну базу; вони відображають історичні та етнокультурні умови, за яких формувався лексичний фонд жаргону.

Як і будь-яке явище, жаргон мав свої передумови виникнення. Зібраний нами матеріал дає підстави для своєрідного тлумачення поняття "походження жаргонізму". У нашій роботі "походження" включає не лише етимологію лексеми, а й фактори, що зумовили її появу в мовленні (урахування соціального середовища): адже найменша зміна в умовах існування певної соціальної групи, як-то: різні форми праці, оточення і т. д. негайно відбивається на зміні мовленнєвої діяльності групи. Для того, щоб детальніше дослідити нюанси цієї теми, потрібно розглянути лексичний фонд жаргону, будову окремих жаргонізмів.

У ході аналізу зібраного нами матеріалу виявилось, що всі вільно функціонуючі жаргонізми різняться між собою за структурою, специфікою творення та сферою функціонування. Відповідно їх можна розмістити у ряди за вказаними вище оцінками. Для прикладу візьмемо жаргонізми:

¹⁰¹ Там же. — С. 79.

¹⁰² Сепир Э. Язык // Введение в изучение речи. — М.-Л., 1934. — С. 190.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Якуба Е.А. Зазначена праця. — С. 81.

¹⁰⁵ Там же. — С. 85.

п'ятірка, чóрт, тóчка, фрáер, грíні, приколóтися, змайнáти, взúти машíну, машíна не фурíчить, прикíнутися шлáнгом, на коня, парашутíст, читáлка, гáйка. За структурою усі перераховані мовленнєві одиниці можна поділити на окремі слова (**чóрт, тóчка, фрáер, грíні,** і т. д.) та словосполучення (**машíна не фурíчить, прикíнутися шлáнгом** і т. д.). Останні за своєю стійкістю, нерозкладністю, відтворенням у конкретних мовленнєвих ситуаціях тяжіють до ідіом. За способом утворення жаргонізму є метафоричного походження (**гáйка, тóчка, парашутíст, взúти машíну**), запозичення (**грíні**), закріплення символів за певними поняттями (**прикíнутися шлáнгом, приколóтися**). Жаргонізм: **змайнáти, приколóтися, прикíнутися шлáнгом, грíні,** вживає в усному мовленні молодь; **чóрт, не фурíчить, взúти машíну** — характерні для мовлення шоферів; **тóчка, фрáер** — із лексики злочинців; **медляк, лебідь, зарúбка, читáлка** — школярів, студентів; **бáкси, ржáти, салют, дúб, гáйка, на коня, прашутíст** — чуємо у повсякденній розмовній мові.

На нашу думку, за основний критерій поділу жаргону на види потрібно брати соціальний фактор. Беремо до уваги той факт, що те, що часто вважають індивідуальними особливостями, часто є груповими відмінностями, соціально обумовленими (сімейними, місцевими, професійними тощо). На основі проведеного аналізу можна твердити про три основні види жаргону: професійний, побутовий та молодіжний (або сленг) і про відповідні субкультури, що зумовили їх появу.

Очевидно, що цінність специфічної мови залежить від уживання її людьми. Кожен член соціальної групи в певній ситуації повинен відтворювати певні мовленнєві одиниці, і, коли він чує їх від іншого члена групи, то повинен реагувати відповідним чином. Як показало опитування респондентів, мовленнєвий колектив має величезний вплив на носіїв певної субкультури: не відкидаючи індивідуальної творчості мовця, додамо, що його оцінка предмета відбувається через призму розповсюджених у свідомості різних соціальних груп ціннісних критеріїв, готових оцінок, уявлень про прекрасне, справедливе, потрібне і т. д. Так, "кожен колективний суб'єкт соціальної дії виробляє свою систему цінностей, дає реальності своє ціннісне тлумачення"¹⁰⁶. Отже, спробуємо детальніше розглянути кожен із видів жаргону саме через зв'язок носія і середовища.

Опитування довело, що найпоширенішим і найпопулярнішим на сьогодні є сленг — молодіжний жаргон. Самі респонденти помилково вважають сленгом мішанину студентського сленгу, злочинницького жаргону та власне сленгу. Було проведено фокусоване інтерв'ю із

¹⁰⁶ Якуба Е.А. Зазначена праця. — С. 90-91.

молоддю. Результати такі: після ознайомлення респондентів із темою, зокрема, явищем сленгу, їм були запропоновані жаргонізми **шўхер, джек, залі́бквк, ла́хати, чита́лка, ха́за**. Перелічені лексеми всі респонденти кваліфікували як сленгові утворення. Щоб провести межу між справді сленгом (**джек, ла́хати**) та побутовими і “блатними жаргонізмами” (**шўхер, ха́за**), вдамося до детальнішого аналізу явища сленгу. Абстрагуємося від того, що звичайна мова характеризується експресивністю. Символізм експресії, властивий жаргонізмам, — це символізація досвіду. Однак, сленг “випадає” із цього правила. Адже сполучення на зразок **шнурки в стакані** (що означає “батьки вдома”) або лексема **тащиться** (укр.) не мають прямого зв’язку з явищем, яке називають. Про жаргонізми цього виду можна сказати, що це “символ солідарності членів конкретної групи”¹⁰⁷. За результатами опитування, цей вид жаргону не зумовлений необхідністю у вжитку (як професійний жаргон), він призначений не для того, щоб викликати емотивну реакцію у слухача, оскільки втратив зв’язок між значенням і символом.

Що ж зумовило появу жаргонізмів цього виду?

Щоб відповісти на це питання, знову звернемося до соціології. Соціальний розвиток молоді відбувається у різних суспільних об’єднаннях. Неформальні об’єднання молоді базуються на спільних інтересах, серед яких найчастіше згадується молодіжна мода, музика, спорт. Психологічно для багатьох молодих людей створення власної штучної мови в колективі є засобом привернення до себе уваги. Крім того, це один із специфічних проявів молодіжної моди (як в одязі, так і в музиці). Орієнтація на культуру Заходу, яку особливо активно наслідують молодь, чітко простежується і в явищі сленгу. Адже найхарактернішою рисою цього виду є поповнення його лексичного фонду через запозичення. Аналізуючи зібраний матеріал, ми виявили, що у процесі запозичення лексеми не змінюють звукового оформлення та семантики. Уже сама назва виду — “сленг” — не що інше, як іншомовне слово. Дослівно з англійської мови: “slang” — жаргон. Так само й інші слова не вимагають перекладу і в межах своєї сфери функціонування зрозумілі всім: **ті-ві, фейс, бой, окей, верівел** (англ. відповідники: **TV, face, boy, OK, wery well**). Ми визначили в ході аналізу й іншу групу запозичень: лексеми, які зазнають незначних змін. Наприклад, слова **shoes** та **green**, що стали на нашому ґрунті жаргонізмами, приймають закінчення **-и**, що вказує на множину: **шўзи, грінці**. Зауважимо й те, що в англійській мові останнє слово не має такого переносного значення, як у нас **зелені**. Отже, маємо досить специфічний спосіб творення жаргонізму. На нашу думку, його можна кваліфікувати як метафоризоване запозичення. Крім того, згадані вище відповідники наших

¹⁰⁷ Сепир Э. Зазначена праця. — С. 192.

жаргонізмів в англійській мові не утворюють граматичної множини, тому цілком закономірно, що, утворюючи її на українському ґрунті, вони приймають закінчення **-и**: за аналогією **столи, будинки, люди**.

Дослідження показало, що серед запозичень особливе місце належить антропонімам. Власні імена є виразниками позитивного або негативного ставлення до людини. Проте слід пам'ятати: не завжди значення виразу, що на перший погляд сприймається як аналогічний, викликає відповідні реакції у носія іншої культури. Сленгове запозичення **Джек** — антропонім. Можна зробити припущення, що в англійській мові воно несе таке ж навантаження, як у нас **Іван**. Проте на рівні сленгу лексема "розширюється" зовсім не так. **Джек** у сленговому варіанті — **хлопець**. Очевидно, приводом для цього запозичення стало те, що чоловіче ім'я **Джек** — найпоширеніше в англійській мові, і таким чином воно символізує мужчину, хлопця взагалі.

Отже, ми розглянули один із видів жаргону — сленг. Із винесеного на розгляд аналізу робимо висновок, що причина появи сленгових лексем — наслідок специфічних взаємовідносин у неформальних молодіжних об'єднаннях, прагнення до самовираження, хоча не можна не абстрагуватися й від такого факту, як наслідування моди та неволодіння літературною нормою. Проблема створення власної мови у даному соціальному середовищі зумовлює специфіку творення жаргонізмів, визначає джерела поповнення лексичного фонду сленгу. Є два способи творення сленгових лексем: штучне закріплення символів за певними поняттями (**фільтрувати, базар**) або шляхом запозичення (**піплі**). В одному й другому випадку яскравого семантичного забарвлення лексеми не несуть. За структурою — це слова і сполучення слів, вони служать як символ єдності членів усієї групи, інтересів і занять, що їх об'єднують. Вивчення подібних явищ сприяє розумінню специфічного мислення даного колективу.

Серед матеріалу, який ми досліджували, виділяється група жаргонізмів, що за походженням і засобами творення подібна до сленгових лексем, а за сферою використання тяжіє до професійних жаргонізмів. Це так звані "блатні" або злочинницькі специфічні лексеми. Підстави виділяти їх в окрему групу дає знову ж таки, соціальний фактор. Поява таких соціальних груп, як злочинці, наркомани, рекетири, кваліфікується в соціології як відхилення від нормативної системи суспільства, а їх діяльність — як "девіація"¹⁰⁸ (дослівно "відсутність регулювання"). Як правило, такі відхилення пов'язані з викривленням ціннісних орієнтацій, типових для соціальних груп. Соціологи звертають увагу й на значення

¹⁰⁸ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. — М., 1991.

впливу субкультур — особливо субкультури злочинного світу. "Блатний жаргон" — один з виявів цієї субкультури. Назвемо його "підгрупою" лексем, що знаходяться у вжитку серед людей, яких, згідно теорії Е.Дюркгейма, будемо називати девіантами. Відштовхуємося від того, що вживання "блатних жаргонізмів" одразу ж вказує на соціальний статус мовця, надзвичайна важливість найдрібніших мовленнєвих відмінностей для символізації лексем інстинктивно відчувається більшістю мовців. З огляду на вище вказані факти, жаргон злочинців має інше походження, як інші види професійного жаргону. В даному випадку основну роль зіграло засекречення мови, і тому жаргонізм цього виду близько підходить до арготизмів. Останні є одним із джерел поповнення лексичного фонду злочинницького жаргону. Так, арготизми **да́х, малі́на, шу́хер, а́мба, ха́за**, що з невідомих причин втратили "закодованість", перейшли у розряд жаргонізмів.

Однак, як виявилось у ході аналізу зібраного нами матеріалу, крім готових запозичень, що прийшли через арго з італійської, циганської, угорської та інших мов, засобів творення, що властиві арго, жаргон не використовує. В останньому головну роль відіграють обставини, що вимагають максимальної зосередженості від носія, тож лексеми, відповідно, мають бути максимально точними й лаконічними; тому обтяжені специфічними засобами творення арготизми не для нього. Серед засобів творення арго О.Горбач наводить спеціальні суфікси (**близький - близі́мний**), перестановку складів (**говорити - ворогити**), вставні склади (**комора - копоморапа**) та ін.¹⁰⁹. Такого типу утворення не можуть нормально функціонувати у злочинницькому середовищі, тому девіанти вдаються до символізації мовлення: закріплення певних мовленнєвих знаків за відповідними поняттями. Так, до сьогодні у злочинському жаргоні є вислів **мокра справа**, що означає "сумнівна", "така, що пахне вбивством", і лексема **хрест**, що означає "злочин". При порівнянні цих двох жаргонізмів скажемо, що коли у першому випадку прослідковується якийсь зв'язок (**рідина — кров — мокрий**), то між лексемою **хрест** і її відповідником **злочин** його вже немає. Отже, на підставі цього можна зробити припущення, що "блатні жаргонізми" важливі для девіантів не "заради свого прямого значення, а тим, що служать як знаки — посередники"¹¹⁰ для називання більш важливих дій. На нашу думку, злочинницький жаргон за своїми засобами творення, походженням і функціонуванням можна поставити на межі між сленгом і професійним жаргоном. Як і сленгові лексеми, "блатні жаргонізми" є символами і,

¹⁰⁹ Див.: Горбач О. Аналіза арготичного словника лірників // Зібрані статті. — Мюнхен, 1993. — С.12-42.

¹¹⁰ Сепир Э. Значена праця. — С. 179.

подібно до професійних, їх використовують люди, об'єднані спільним видом діяльності. Однак злочинницький жаргон має оригінальні умови виникнення, що й дає підставу кваліфікувати його як окремий вид.

Професійний жаргон, його визначення тісно пов'язане з питанням термінів і професіоналізмів. Спеціальна мова різних галузей науки розвивається на базі природної мови, "проте її форми і семантика оцінюються з погляду її можливості передавати емоційно нейтральні, абстрактні поняття. Побутова мова — емоційна, а термін виключає емоційність"¹¹¹. Як виявилось у ході аналізу зібраного матеріалу, межу між жаргонізмом та професіоналізмом визначає не функціонування, як вважають самі ж респонденти. Й одні, й другі лексеми (чи фраземи) використовуються для повсякденного спілкування і визначаються видом професійної діяльності. Професіоналізми не "випадають" з літературної норми, вони нерідко є ґрунтом, на основі якого виникає термін (**жолобок**, **язичок**, **патрбн**). Відштовхуємося від того факту й твердимо, що терміни й професіоналізми є "найконтрольованішою групою в лексичному складі мови і концентрують увагу на головній течії аргументації"¹¹². Жаргонізми, навпаки, явище ненормативне, що головним чином містить у своїй основі прагматичну мету: викликати у слухача емотивну реакцію або зробити мовлення трохи спрощеним.

Походження (розуміємо "передумови появи") професійного жаргону дуже давнє: жаргонізми цього виду з'являються із появою найдавніших професій. У процесі трудової діяльності робітники, що разом реалізовували якесь завдання, об'єднувалися в соціальну організацію з певними правилами і процедурами, в цій організації були свої традиції. Такий зв'язок між членами групи нерідко вимагав заміни професійної термінології іншим, легшим способом спілкування. Так, наприклад, у мірошників з'явився жаргонізм **жідик** (мішок, міркою у півцентнера). Аналізуючи мовлення шоферів, ми виявили, що тут найчастіше функціонують жаргонізми, пов'язані із технічним обслуговуванням машини. Для них не характерний засекречений символічний зв'язок із явищами, які вони називають. Лексеми конкретно стосуються певного предмета чи дії і навіть містять і своєму складі їх назву. Наприклад, жаргонізм **троїть** існує на означення несправної роботи циліндра. У більшості машин чотирициліндрова система і, знаючи цей факт, можна легко здогадатися про значення жаргонізму. Аналіз зібраних жаргонізмів цього виду показав, що не останню роль у жаргонуванні грає гумор та ставлення суб'єкта до того явища, на яке він свій жаргон поширює.

¹¹¹ Панько Т.І. Концептосфера розбудови української мови // Мовознавство. — 1994. № 1. — С. 17.

¹¹² Франко І. Із секретів поетичної творчості // Твори: У 50-ти т. — К., 1981. — Т. 31. — С. 47.

Наприклад, з того ж шоферського жаргону: **не фуру́чить, клякля́** (про несправну машину) або **банду́ра, пла́вати, ла́ хати, кльбвий** — з школярського та студентського. Така особливість жаргонізмів, за свідченнями респондентів, надає мовленню спокою і затишку. Це ще раз нагадує нам, що "мова є чимось більшим, як простий засіб спілкування"¹¹³. Аналіз школярської та студентської лексики яскраво ілюструє ще одну особливість творення професійних жаргонізмів: скорочення нормативних лексем. Для прикладу візьмемо такі жаргонізми: **вишка, ла́ба, рубіжка, де́рек, спортівка, стипу́ха, чита́лка, заліко́вка, фі́зра, уніве́р**. Їх відповідники — слова "університет", "директор", "стипендія" та словосполучення "вища математика", "лабораторна робота", "рубіжний контроль", "залікова книжка", "читальний зал", "фізичне виховання", "спортивна форма" — громіздкі. Опитування виявило, що респондентам незручно користуватися ними у повсякденній емоційній розмові, що й привело до скорочень.

Аналіз жаргонізмів військовослужбовців особливо цікавий тим, що виявив в основі словосполучень перифраз, як-от: **пе́рше коха́ння, всеві́дяще бо́о**. За результатами опитування стало відомо, що такі жаргонізми виникають штучно, методом підшукування подібних явищ чи предметів, а потім передаються наступникам, як своєрідне надбання. Соціологія пояснює це так: "Людині потрібен хтось, хто б говорив із нею мовою однієї культури, здатний перейняти її і продовжити справу свого попередника"¹¹⁴. Саме цим і зумовлена статистика жаргону військовослужбовців і "блатного жаргону".

Із проведеного аналізу робимо висновок: професійний жаргон — найрізноманітніший і найбагатший за своїм лексичним складом. Його походження зумовлене появою перших професійних та соціальних груп, що вимагало створення власної штучної мови для спілкування. За структурою це, здебільшого, поодинокі лексеми, а не сполучення слів, бо основними тенденціями у творенні професійних жаргонізмів є спрощення в розмові і зручність у вживанні. Нерідко жаргонізми цього виду утворюються скороченням нормативних лексем, має місце тут і переосмислення явища чи предмета шляхом метафоризації, тоді жаргонізм тяжіє до гумористичного оцінювання. Крім створення невимушеної атмосфери спілкування у процесі трудової діяльності, жаргонізми цього виду служать індикатором на виявлення приналежності людини до тієї чи іншої соціальної групи. Така захисна функція вимагає специфічних засобів творення і зумовлює запозичення та умовні значення-символи.

¹¹³ Сепир Э. Значена праця. — С.193.

¹¹⁴ Социология. Наука об обществе.— Харьков, 1996. — С.564.

При аналізі побутових жаргонізмів ми виявили, що ці лексеми і фраземи в основному стереотипи, які зросли на ґрунті живої народно-розмовної та фольклорної стихії. Всі вони виражають національний характер мислення, спосіб сприймання дійсності. Побутові жаргонізми настільки емоційні та яскраві, лаконічні і прості, що в їх тісному зв'язку з повсякденним життям немає сумніву. Щоб прослідкувати походження лексем цього виду, відштовхуємося від того, що мова — це основний елемент культури. Залежно від рівня, масштабів, форм соціальної взаємодії розрізняють типи і форми культур. Так, кожне суспільство "створює власну суперкультуру, яку передає з покоління в покоління"¹¹⁵. Історично склалися дві форми культури: елітарна та народна. Остання була пов'язана з життям широких народних мас. На нашу думку, зібраний нами матеріал дає підстави говорити про побутові жаргонізми, як продукт суспільної діяльності нижчих верств. Судячи із вживаності та словникового запасу, побутовий жаргон виник з розмовної мови, коли прості люди вживали слова, яких не могли собі дозволити при спілкуванні вищі верстви, адже кожна соціальна спільність творить свою культуру. Звичайно, колективна психологія не виключає індивідуальну творчість мовця, про що яскраво свідчать метафоризовані жаргонізми: **кїнути, тряпки, розродїтись, найжджати, вишивати, молотїти, шаблі, ббок** та ін. Метафоризація — основний процес творення лексичних жаргонізмів, це й основний шлях поповнення лексичного фонду цього виду. У ході процесу метафоризації мовець має змогу по-своєму оцінити ситуацію, викликати нетрадиційним висловом у слухача емотивну реакцію. Абстрагуючись від цього, можна виділити два види побутових жаргонізмів за семантичною структурою. Назвемо їх жаргонізмами-поняттями та жаргонізмами-судженнями (оціночного характеру). Перші з них лише називають предмет чи явище (**паровбз, чайка, квітка, чипелїк**), у той час, як другі містять морально-естетичну оцінку (**селявїха, нализатїся, вїкинутїся, здимїти**). Поява елементів оцінювання в мовленні викликана соціальними факторами єдності суспільства, як-от норми поведінки та моралі. Моральні норми нашого суспільства засуджують такі явища, як зазнайкуватїсть, пияцтво, невихованїсть, що й позначилося на семантиці окремих жаргонізмів. На прикладі наведених нижче жаргонізмів можна прослідкувати, як змінюється їх оціночний характер — від гумористичного до поблажливо-їронічного, а далі й до зневажливого, негативного: **начїтаний, нализався, прийшбв на бровах, падло, кїра**.

Із цього прикладу бачимо, що в побутовому жаргоні функціонують і слова, і сполучення слів, тобто, за структурою жаргонізми неоднакові. Аналіз мовного матеріалу цього виду показав, що їх можна поділити на

¹¹⁵ Якуба Е.А. Зазначена праця. — С.77.

такі, що утворені через порівняння (**п'яний, як ніч**) і такі, що за своєю відтворюваністю у мовленні наближаються до фразеологізмів: **прихід Христа до народу, виїхати на козі, вікликати вогонь на себе, відміна кріпосного права, прийшов на бровах, напівся в дрезину** і т. д. Однак, функціональне навантаження фразем і побутових жаргонізмів різне. Адже фразеологізми — це завжди перлини народної мудрості. Як мовні знаки культури, "вони посідають важливе місце, зокрема як засіб виявлення і прояву духовного багатства народу, його стилістичних потреб, а також є найвиразнішою ознакою загальнонародної культури"¹¹⁶. Крім того, фразеологічні вирази досить популярні в назвах художніх та публіцистичних творів, вони цікаві не лише з країнознавчого, а й з естетичного боку.

Тепер звернемося до мови літературних творів і спробуємо розкрити причини появи в них такого явища, як жаргонізми, що не належить до літературної норми. Для детальнішого дослідження ми взяли твори Івана Франка, Івана Багряного, Івана Микитенка та Остапа Вишні, оскільки на нашу думку, вони найяскравіше ілюструють роль жаргонізмів у писемній мові.

На важливість експресивних слів у літературі вказував видатний майстер слова Олександр Довженко: "Вони надають їй життя, як крапленьня хімічних елементів у воду, від чого вона, вода, стає хоч і неправильною, не дистильованою, не чистим H₂O, але животворящою, живою"¹¹⁷. Такої живої іскри, експресії мові надає лексика вузького стилістичного призначення, зокрема жаргонізми, специфічні для певних верств людей.

"Периферійні слова ввійшли до творчої практики письменників різних часів як органічний елемент художніх засобів. Залучаючи до своїх творів стійкі вирази без зміни їх семантики, письменники використовують їх образність, експресивність, емоційність, оціночну семантику для того, щоб яскравіше відтворити колорит середовища, на фоні якого розгортаються події. Жаргонізми **фронт, шаблі, ліпки** у творі "Лель і Полель" І.Франка (Львів, 1990) точно відтворюють атмосферу вулиці, вводять читача у світ головних героїв, дають ключ до глибшого розуміння соціального середовища, в якому виховувалися персонажі, а відтак, до розуміння вмотивованості їх дій та вчинків. Інші жаргонізми, як-от: **фурдигарня, під крука, цувакси** та под., певною мірою допомагають посилити контраст: коли вуличні жаргонізми символізують рідне середовище, то тюремні — похмурі та незнайомі — несуть передчуття

¹¹⁶ Дідик С.С. Фразеологізми як вияв духовності народу // Культура мови і культура в мові. — К., 1991. — С.112.

¹¹⁷ Пригоровський В. "... Повинна бути сучасною" (О.Довженко про мову) // Українська мова та література в школі. — К., 1993. — № 9. — С. 19.

чогось страшного та невідомого. Отже, бачимо, що в літературному творі жаргонізми можуть використовуватися як засіб реального відтворення подій, передачі настроїв героїв, створення атмосфери певного соціального середовища.

У творах Остапа Вишні жаргонізми служать, здебільшого, для індивідуалізації мови персонажів. Як відомо, у мисливців існує свій жаргон, тому "Вибране" ("Мисливські усмішки") (Харків, 1981) рясніють лексемами на зразок **сідіти на хвості, тягну́ти, мишкúвати**. Мисливські жаргонізми вказують читачеві на те, що оповідач, від імені якого ведеться розповідь, — мисливець. У його устах ці лексеми звучать невимушено й звично, тим самим викликаючи в читача почуття довіри до того, хто розповідає. Більше того — систематичне їх повторення створює ілюзію обізнаності з мисливською справою, так що читати такий текст легко й приємно. Крім того, подекуди зустрічається вживання мисливських жаргонізмів у незвичному для них контексті. Це створює комічний ефект. Так, лексему **гб́рлушко** Остап Вишня вживає на позначення частини пляшки замість частини мисливського човна. Оповідач тут же "розшифровує" цей жаргонізм як мисливський, тим самим надаючи йому в даному контексті гумористичного забарвлення.

Повість І.Микитенка "Вуркагани" (Київ, 1977) є зразком використання локальних жаргонізмів. Наприклад: **ляга́вка, ба́н, кіма́ти, клі́фт, ре́пнути, че́па, да́ти ту́рси, діло ва́кса, кулупну́ти ка́рточку** тощо.

Послугується цим шаром лексики й І.Багряний у творі "Сад Гетсиманський" (Київ, 1991). Наприклад: **стúбрити, кúнді-бу́нді, чу́х-пу́х, архáнгел** тощо.

На основі наведених вище прикладів можна твердити, що твори, які містять жаргонізми, є дуже яскравими, емоційними, містять колорит середовища, яке покликані відтворювати, точно передають атмосферу, в якій відбуваються події. Однак, не слід забувати, що перевантаження твору такими лексемами заважає розумінню тексту, а тому всі жаргонізми повинні пояснюватися у виносках.

На нашу думку, відбувається і зворотній процес — засвоєння жаргонізмів соціальною групою через літературний твір. Як показало опитування респондентів, багато жаргонізмів потрапило у вжиток саме таким чином. Специфічні слова, які були відомі дуже вузькому колу читачів, через літературу набували популярності й "присвоювалися" тією чи іншою соціальною групою.

Коли ми говоримо про зв'язок усної та писемної сфери функціонування жаргонізмів, то потрібно сказати й про запозичення з фіксованої у словниках термінології. В усному мовленні терміни часто втрачають своє лексичне значення і вживаються як жаргонізми. Наприклад, із мисливської термінології у розряд жаргонізмів перейшли

лексеми **стрілець, осічка**, з військової — **фронт, локатор**, з професійної медичної — **менінгіт**, з шоферської — **колеса** та ін.

Отже, на підставі аналізу можна сказати, що основною причиною виникнення побутових жаргонізмів було історичне формування двох видів культур — високої і народної, простої. Як продукт останньої субкультури, побутовий жаргон яскраво ілюструє соціальні процеси всередині неї, до певної міри є виразником витворених у народі цінностей, звичаїв і традицій. Завдяки метафорі, що є в основі майже кожного жаргонізму, ці лексеми лаконічні й влучні, дохідливі для сприйняття. Завдяки своїй "народності" і здатності накопичувати позамовний матеріал, синтезувати явища і події, побутові жаргонізми несуть надзвичайно важливе функціональне навантаження.

Беремо до уваги той факт, що жаргонізми ми розглядаємо, як суспільний продукт. Тому досліджуване явище ми пояснюємо не тільки з точки зору лінгвістики, а й соціології.

Відомо, що "людина — перш за все істота суспільна, і одна з рис, у котрій ця суспільність виявляється, інстинкт, що змушує групи індивідів усвідомити як спільне особливості, що їх об'єднують, протиставляючи себе іншим групам"¹¹⁸. Цей інстинкт дуже могутній — він у самому факті угруповання. В будь-якій суспільній групі, незалежно від її складу і кількості членів, мова відіграє найважливішу роль. Вона — найміцніший зв'язок, що поєднує членів групи, і в той же час вона — символ і захист групової єдності, умовний знак приналежності до групи. Форми реалізації мови завжди визначаються інтересами групи, вони — необхідність взаєморозуміння. Різноманітність проаналізованих у дослідженні видів жаргону свідчить про складність суспільних відносин. У кожного члена будь-якої соціальної групи складається враження, що він говорить мовою, не характерною для іншої групи. Тому "мовлення набуває реального існування у відчутті спільному для всіх її носіїв"¹¹⁹. Як основний елемент культури, мовлення відбиває соціальні зміни та відхилення від соціальної нормативної системи у суспільстві. Враховуючи індивідуальність творця, "мовлення пов'язане із процесом соціалізації особистості. Маємо на увазі засвоєння індивідом мови соціальної общини, відповідних способів мислення, властивих даній культурі"¹²⁰. Кожен вид діяльності пов'язаний із формуванням відповідного виду культури, тому людина, як представник певного соціального середовища, — потенційний творець субкультури.

Підсумовуючи наші спостереження над функціонуванням жаргонізмів, скажемо, що в усному мовленні вони здатні накопичувати

¹¹⁸ Вандриес Ж. Язык и языки // Язык. — М., 1937. — С.134.

¹¹⁹ Вандриес Ж. Зазначена праця. С.134.

¹²⁰ Якуба Е.А. Зазначена праця. — С.89.

позамовну інформацію і нести повідомлення про подію, явище, предмет. Вони порушують мовну норму, проте здатні передати ті почуття й емоції, які не вміщає нормативна лексика. Виконуючи, перш за все, соціальну функцію і, будучи продуктом суспільної діяльності, жаргон має реальне значення в мовленні лише тоді, коли служить засобом спілкування між членами певної соціальної групи, тобто, є одним із виявів окремої субкультури. У художніх творах вживання жаргонізмів зумовлене прагненням автора реально відтворити певне середовище, індивідуалізувати мову персонажів.

У дослідженні ми розглянули соціальні передумови виникнення специфічної лексики вузького стилістичного призначення, з'ясували фактори, що зумовлюють специфіку творення та елементи її використання в українській художній літературі.